

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ
АКАДЕМИЯ НАУК — СТАХАНОВЦАМ
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ ПРЕЗИДЕНТА АН СССР акад. В. Л. КОМАРОВА

С. К. БУШУЕВ

КРЫМСКАЯ ВОЙНА

(1853 — 1856 гг.)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

акад. Ю. В. ГОТЬЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1940 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор акад. Ю. В. ГОТЬЕ

Царское правительство, ослабленное военным поражением во время Крымской кампании и запуганное крестьянскими «бунтами» против помещиков, оказалось вынужденным отменить в 1861 году крепостное право.

(История ВКП(б), гл. 1).

Введение

Истории Крымской войны посвящена обширная литература самых различных направлений и оттенков дворянской и буржуазной историографии. Несмотря на обилие подобного рода исследований, Крымская война, с ее сложными международными отношениями, не получила всестороннего, объективного освещения и анализа. Особенно это относится к выяснению социальной природы Крымской войны, как войны захватнической. Даже у таких наиболее выдающихся авторов старой историографии, как, например, Н. Ф. Дубровин («История Крымской войны и обороны Севастополя», тт. I—III, 1900), А. М. Зайончковский («Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой», тт. I—II, 1908—1913), М. И. Богданович («Восточная война 1853—1856 годов», тт. I—IV, 1876), этот важнейший вопрос обойден. Крымская война как ускоряющий фактор в падении крепостного права ими не рассматривается. Поэтому в трудах старой историографии, посвященной Крымской войне, мы можем использовать только конкретный, фактический материал,

особенно военной истории. Что же касается «общих оценок» Крымской войны дворянской и буржуазной историографией, то они должны быть подвергнуты самой решительной марксистско-ленинской критике.

Настоящее краткое освещение истории Крымской войны основано на работах основоположников марксизма-ленинизма. Помимо этого автор использовал работы Н. Г. Чернышевского («Рассказ о Крымской войне по Кинглеку», М. 1935), считая их исключительно ценными в нашей домарксистской, демократической печати.

Маркс и Энгельс блестяще осветили и проанализировали все почти важнейшие вехи Крымской войны, этого поразительно сложного явления в истории нашей страны и Западной Европы.

Международное положение царской России накануне войны (капиталистическая Европа — и крепостная Россия), предпосылки войны (так называемый Восточный вопрос), ход войны (важнейшие события: Синопский бой, осада Силистрии, обстрел Одессы, битва на р. Альме, героическая оборона Севастополя, сражение на р. Черной, падение Севастополя, успехи русской армии в Азиатской Турции — взятие крепости Карса), Парижский мир (дипломатическая война), нарастание революционного движения в Европе и России (революционная ситуация) — все эти весьма сложные явления русской и мировой истории получили в работах Маркса и Энгельса глубокое, всесторонне правдивое, реалистическое освещение. В трудах Ленина и Сталина история Крымской войны рассматривается на базе марксизма и с особой силой подчеркивается ее значение и роль в надломе феодальной твердыни царской России, жандарма Европы. «Крымская война, — писал Ленин, — показала гнилость и бессилие крепостной России».¹ Крымская война ускорила отмену кре-

¹ Ленин. Собр. соч., 3-е изд., т. XV, стр. 143.

постного права и проведение ряда буржуазных реформ. Крымская война имела весьма плачевные результаты — крепостная Россия оказалась битой за свою отсталость, как подчеркивает товарищ Сталин, со стороны англо-французских капиталистов.¹ В результате военных поражений во время Крымской войны и непрерывных крестьянских «бунтов» против помещиков в России «пало крепостное право».²

¹ См. Сталин. Вопросы ленинизма, 10-е изд., 1938, стр. 445.

² См. Сталин. Из прокламации «Товарищи» Тифлисского комитета Кавказского союза РСДРП; см. Берия. «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье». ОГИЗ, 1938, стр. 50.

Глава первая

Русский царизм во внешней политике еще со времен Екатерины II играл контрреволюционную роль. Царская Россия стояла во главе реакции в деле подавления революционных движений в Европе. Реакционная деятельность русского царизма в течение десятков лет была направлена на подавление всего передового, прогрессивного, революционного в политической и культурной жизни европейских стран.

После целой полосы опустошительных кровавых войн Наполеона I, закончившейся отречением последнего даже за своих нисходящих потомков от всякого права на верховную власть, над Европой нависла злобная тень Священного союза. Этот Священный союз возник 14/26 сентября 1815 г. в Париже, после заключения акта между тремя монархами: России, Пруссии и Австрии. В Европе наступала полоса реакции. Три монарха — участники Священного союза — торжественно объявили «всей вселенной», что они в своей деятельности будут руководствоваться исключительно «заповедями святой веры». Они дали друг другу заверения в том, что будут «во имя высшей власти спасителя» способствовать признанию и осуществлению «священных правил» в борьбе против «сатанинского духа революции». Этот акт Священного союза был подписан со стороны царской России Александром I, со стороны Австрии — Францем и Пруссии — Фридри-

хом-Вильгельмом — тремя жандармами, которые поставили своей целью вести решительную борьбу с европейским революционным движением под флагом христианской религии. Не случайно ряд историков называл Священный союз «контрреволюционной лигой», «обществом взаимного страхования от революции», «союзом монархов против народов».

После 1815 г. к Священному союзу присоединился ряд монархов Европы, за исключением английского принца-регента Георга, который отказал в своей подписи, заявив, что не может этого сделать без согласия парламента. Но фактически Англия в основном разделяла политику Священного союза, о чем было заявлено в особом письме Георга к Александру I в 1816 г. Не был включен в состав членов этого союза турецкий султан как «не-христианин».¹

Формально отказался дать свою подпись папа римский, по той причине, что он якобы и так в своей деятельности всегда придерживался «священных принципов». К 1818 г. к союзу присоединилась Франция, в которой к тому времени была восстановлена монархия. Руководящая роль в Священном союзе принадлежала русскому императору Александру I, который, по оценке Наполеона I, в вопросах внешней политики был «тонок как кончик булавки, остер как бритва и фальшив как пена морская».

Священный союз был не чем иным, как ширмой, посредством которой русский царь осуществлял свою власть почти над всеми европейскими монархами. Царская Россия являлась жандармом Европы, выпол-

¹ В действительности здесь были иные причины. Царская Россия издавна стремилась к разделу султанской Турции, овладению проливами — ключами к Черному морю. И несомненно, что Александр I, играя решительную роль в так называемом восстановлении равновесия в Европе, не желал связывать себе руки.

няя эту роль при помощи военного вмешательства, интервенции. Священный союз считал себя призванным вмешиваться во внутренние правительственные дела европейских стран. Царская Россия под религиозным предлогом осуществляла «роль назначенного свыше охранителя порядка».¹

Другой значительной фигурой в составе руководителей Священного союза являлся Меттерних — министр иностранных дел Австрии, заклятый враг революции, плут, дипломатический игрок и интриган. Участники союза — жандармы Европы — решали основные вопросы на специальных конгрессах. «Договаривающиеся стороны условились периодически собираться в определенные сроки на совещания, посвященные важнейшим общим интересам» — так гласило одно из решений конгресса. На Аахенском конгрессе в 1818 г. подписана была новая декларация союза, в которой подчеркивалась с особой силой необходимость борьбы с революционным движением. Был выработан, на случай возникновения революции в той или иной стране, общий план военной интервенции. На ряде последующих конгрессов принимались более развернутые решения о мерах борьбы против революции, о создании «барьера из штыков» против народных восстаний. При помощи вооруженных сил австрийских войск в 1821 г. была подавлена и разгромлена революция в Неаполе и Пьемонте. В 1822 г. французская армия громила революционное движение в Испании. Священный союз настаивал на восстановлении в Мардиде монархического строя от имени Союза.

На всех конгрессах Священного союза Александр I — этот «белый ангел Севера» — энергично призывал монархов Европы к активным «действиям против их мятежных подданных» и для подавления революции посылал «австрийцев в 1821 г. в Италию,

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. XIII, ч. I, стр. 193—194.

а французов в 1823 г.— в Испанию; для виду он осуждал даже восстание греков, разжигая в то же время это восстание».¹

Под предлогом защиты монархических порядков русская дипломатия «учредила «Священный союз», это расширение русско-австро-прусского союза до степени заговора всех европейских государей против их народов под председательством русского царя. Другие государи верили в Священный Союз...

Для русской дипломатии все дело заключалось лишь в том, чтобы использовать достигнутую в Европе гегемонию для дальнейшего продвижения к Царьграду».² (Подчеркнуто мною.—С. Б.).

Между самими участниками Священного союза вскоре после его основания обнаружились противоречия и крупные разногласия. Вспыхнувшая во Франции июльская революция 1830 г. обусловила выход Франции из Священного союза. Среди участников союза не было достигнуто единства в вопросе о подавлении революции во Франции. Восстание в Польше (1830—1831 гг.) не дало возможности Николаю I послать армию для подавления французской революции. Громадная армия Николая I с трудом справлялась с польскими повстанцами. Николай I стремился закончить внешнеполитические дела своего предшественника — Александра I. Он тоже несколько раз пытался восстановить былое могущество Священного союза. Царская Россия попрежнему играла роль жандарма Европы. В 1849 г. при помощи царской армии была подавлена венгерская революция. Попрежнему войска русского царя душили революционное и национально-освободительное движение в Европе и «готовы были лететь

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 23.

² Маркс и Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 21—22.

всюду, в Италию и на Рейн, в Германию и на Дунай».¹ Царская Россия в лице Николая I мечтала об осуществлении широких завоевательных планов, особенно на Востоке. В тридцатых-сороковых годах царская Россия подбиралась к овладению Придунайскими княжествами, усиленно вытесняла Иран и Турцию с Кавказского перешейка, с тем, чтобы стать полным хозяином на Черном море. Все это крайне обостряло противоречия между самой развитой капиталистической страной мира — Англией и самой тогда отсталой страной Европы — царской Россией, где как и сотни лет тому назад преобладало крепостническое хозяйство дворян-помещиков. В результате этого во взаимоотношениях капиталистической Европы (где Англия являлась «мастерской мира») и крепостной Россией (вывозившей большое количество хлеба и располагавшей громадной армией) завязывался сложный узел разнообразнейших противоречий, все более и более обострявшихся под влиянием быстрого развития капитализма в Европе и неуклонного продвижения царской России к овладению Европейской Турцией и проливами. «Движения 1848 и 1849 гг. так сильно втянули Россию в европейскую политику, что она должна теперь возможно скорее проводить свои старые планы относительно Турции, Константинополя, этого «ключа к ее дому», чтобы они не стали навсегда неисполнимыми. Успехи контр-революции и растущая с каждым днем сила революционных партий в западной Европе, внутреннее положение самой России и плохое состояние ее финансов принуждают ее к быстрым действиям».²

«В государствах Западной Европы последние остатки крепостного права были уничтожены революциями 1789 года во Франции; 1848-го в большинстве остальных

¹ Погодин. Записки. «Русская старина», 1874, т. X, стр. 130.

² Маркс и Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 203—204.

ных стран».¹ Следовательно, «исполинская метла французской революции XVIII столетия смела весь отживший сор давно минувших веков и очистила таким образом общественную почву от последних помех для сооружения здания современного государства».² Эти буржуазные революции вдребезги разбили основные устои феодализма и расчистили тем самым путь для развития капитализма — более передового способа производства по сравнению с феодализмом. Экономическая структура капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. В Англии несколько раньше, чем во Франции произошел в XVIII столетии невиданный до того времени «промышленный переворот», а затем гигантски развились производительные силы в форме товарно-капиталистических отношений. Царская Россия до 1861 г. оставалась страной крепостнической, страной отсталой в промышленном, сельскохозяйственном, государственном, культурном и военном отношениях. Обветшалые формы крепостного права были преградой, препоной для развития капитализма, требовавшего, прежде всего, наличия «свободных рабочих рук» юридически свободного крестьянства.

Англия, сломав преграды крепостничества еще задолго до французской революции, к сороковым-пятидесятым годам XIX столетия, заняла ведущее место во всем мире. Ее считали «мастерской», «фабрикой» мира. Английские дешевые товары проникали во все уголки земного шара.

Экономическое возвышение Англии совершалось путем непрерывных захватов и ограблений колоний, т. е. посредством грубейшего насилия над колониальными народами. Вследствие этого Англия очень быстро

¹ Ленин. Собр. соч., 3-е изд., т. XV, стр. 108.

² Маркс. Гражданская война во Франции (в 1871 г). Партиздат, 1938, стр. 52.

создала самую крупную промышленность. Точно по мановению волшебного жезла на ее небольшой островной территории выросли крупнейшие торгово-промышленные центры: Лондон, Ливерпуль, Манчестер, Бирмингем.

Наиболее быстрое развитие капитализма в Англии приходится на конец первой половины XIX века, на сороковые-пятидесятые годы. Эти годы в истории капитализма были периодом наибольшего процветания свободной конкуренции в Англии, невиданной полосой процветания торговли и промышленности, сказочного обогащения буржуазии и обуржуазившихся феодалов и вместе с тем — массового роста нищеты среди рабочего класса и других трудящихся классов.¹

Богатство Англии было сосредоточено в огромных скоплениях товаров. Английское так называемое «дерево свободы» приносило обильные плоды в виде фунтов, шиллингов и пенсов. Получение громадных прибылей — «добавочных капиталов» из колоний ускорило быстроту развития капитализма в Англии. С 1800 по 1850 г. выплавка чугуна в Англии увеличилась со 190 до 2249 тысяч тонн, почти в 12 раз.² Это составляло 50,9 процента к общему мировому итогу производства чугуна в 1850 г. Добыча каменного угля за тот же период возросла соответственно с 10 до 49 миллионов тонн, — увеличение в пять раз.³ К общей мировой добыче каменного угля это составляло 60,2 процента.

Английская текстильная промышленность с 1801 по 1850 г. увеличила потребление хлопка с 500 до 1176 тыс. кип. В 1850 г. на английскую промышлен-

¹ См. Маркс и Энгельс. Соч., т. III. Положение рабочего класса в Англии. Стр. 293—575.

² Мировые экономические кризисы (1848—1935). Соцэкгиз, 1937, стр. 474.

³ Там же.

ность падало 46 процентов всего мирового потребления хлопка. В 1850 г. на 1932 английских текстильных фабриках имелось 249,6 тысяч механических ткацких станков и 330,9 тысяч рабочих. На 1998 шерстяных фабриках Англии в 1850 г. имелось 42,1 тысяч механических станков, с общим числом занятых рабочих 154,2 тысяч.

Английские машины, каменный уголь, текстильные и шерстяные ткани развозились по всем странам мира. Самый мощный, самый многочисленный торговый флот, в количестве 16 тысяч судов, бороздил все моря, пути мира. Англия зорко следила за теми странами, которые могли бы соперничать с ней в ее морском могуществе. Англия того времени считалась «владычицей морей», держала ключи от целого ряда важнейших морских путей. Внешняя торговля Англии возросла быстрыми темпами. В 1770 г. общий оборот внешней торговли составлял 26 миллионов фунтов стерлингов, в 1801 г.— 35,3, в 1850 г.— 197,3, что составляло 20,4 процента от всего внешнеторгового мирового оборота.

Англия была средоточием мировой торговли.

Быстро росло в Англии население крупнейших торгово-промышленных центров. Население Лондона с 1801 по 1851 г. возросло с 959 до 2363 тысяч человек, население Ливерпуля — соответственно с 82 до 397 тысяч, Манчестера — с 77 до 336 тысяч человек.

Рост английской промышленности предьявлял громадный спрос на продукты сельского хозяйства, особенно на хлеб, который в большом количестве ввозился из России.

Англия в этот период была самой полнокровной капиталистической страной мира, где наиболее рельефно можно было наблюдать полюс несметных богатств английской буржуазии и полюс крайней нищеты и пауперизма трудящихся классов, где наиболее ярко обнажились противоречия капитализма

с его опустошительными кризисами. В 1851 г. Англия демонстрировала свое могущество на всемирной выставке. Английская буржуазия самодовольно похвалялась сказочными богатствами, восторгалась своим влиянием в Европе. Английские деятели мечтали еще сильнее и прочнее укрепить свои позиции, особенно в странах Ближнего Востока — в Египте, Турции, Персии, Средней Азии.

Пальмерстон, виконт, виднейший английский политический деятель того времени, министр иностранных дел с 1830 по 1841 г. и с 1846 по 1852 г., мечтал отеснить Россию с Северного Кавказа и с побережья Черного и Азовского морей.

В течение длительного периода Англия вела непрерывные захватнические войны. На этом поприще она выработала своеобразную тактику, которую очень рельефно определил товарищ Сталин: «Но английская буржуазия не любит воевать своими собственными руками. Она всегда предпочитала войну чужими руками».¹

В этом смысле английский парламент, с его эластичными формами внутренней и внешней политики, обеспечивал английской буржуазии укрепление своего мирового могущества, которому не раз угрожала Франция, особенно во время Наполеона I.

Франция в конце первой половины XIX столетия, пережив ряд революций, развила свои производительные силы настолько, что по ряду основных экономических показателей не отставала от своего могучего соседа — Англии.

Французская промышленность в первой половине XIX века, особенно в сороковые-пятидесятые годы шла полным ходом. В 1825 г. во Франции выплавка чугуна составляла 198,0 тысяч тонн, а к 1850 г. достигла

¹ Сталин. Об оппозиции. Статьи и речи (1921—1927). 1928, стр. 611.

406 тысяч тонн.¹ Производство железа и стали в том же году достигало 257 тысяч тонн. Потребление хлопка во Франции периода 1802—1805 гг. до 1846—1850 гг. увеличилось больше чем в семь раз. Вследствие введения машин французским промышленникам удалось увеличить производительность труда, особенно в бумагопрядильной промышленности. В 1776 г. число бумагопрядильных веретен, приводимых в движение одним рабочим, равнялось 1, а в 1844 г. 49. В течение сравнительно небольшого времени обширная территория Франции покрылась сетью железных дорог. Франция в это время имела большой флот, военный и торговый, который, как и в Англии, состоял из значительного числа паровых судов. Парусный флот как в Англии, так и во Франции заменялся паровым.

Франция наживала громадные прибыли на своей внешней торговле, которая с 1830 по 1850 г. возросла с 740 до 1500 млн. марок,— увеличение более чем в два раза. Французская буржуазия, стоявшая у власти, жадно гонялась за деньгами и всячески поощряла грюндерство, ажиотаж и биржевые спекуляции.

Французская буржуазия в целях получения «добавочных капиталов», подобно английской буржуазии, грабила колонии, делала вклады в выгодных для нее заграничных предприятиях. Французский капитал просачивался на Восток. Французская буржуазия делала ряд попыток опутать выгодными для нее финансовыми операциями султанскую Турцию. Золотой запас французского банка в 1852 г. состоял из 589 миллионов франков, и это позволяло Франции вести большие финансовые дела. Несмотря на расцвет промышленности и торговли, масса трудящегося населения находилась в тяжелых материальных условиях. Постоянно

¹ Мировые экономические кризисы (1848—1935). Соцэкгиз, 1937, стр. 478.

повторявшиеся торговые и промышленные кризисы свержали большинство населения в исключительно тяжелое положение — нищету, пауперизм и голодовку. Ни в одной из европейских стран не были так сильно обнажены классовые противоречия, как во Франции, где «расстрел рабочих республиканской буржуазией в июньские дни 1848 г. в Париже окончательно определяет социалистическую природу одного пролетариата. Либеральная буржуазия во сто раз больше боится самостоятельности этого класса, чем какой угодно реакции. Трусливый либерализм пресмыкается перед ней. Крестьянство удовлетворяется отменой остатков феодализма и переходит на сторону порядка, лишь изредка колеблясь между рабочей демократией и буржуазным либерализмом».¹

Как в Англии (чартистское движение), так и во Франции революционное движение, особенно в 1848 г., обостряло противоречия между основными классами капиталистического общества — буржуазией и пролетариатом, показывало в действии, в активной борьбе разные классы буржуазного общества. Появившийся в свет в 1848 г. знаменитый «Манифест коммунистической партии», написанный Марксом и Энгельсом, ярко освещал путь борьбы рабочего класса с буржуазным рабством и другими видами эксплуатации. Даже в отсталой, феодально разобщенной Германии, в связи с развитием капитализма, начиналось широкое движение пролетариата. На территории Германии появились заводы, фабрики, на которых вводились машины. Так, например, в металлической промышленности в 1837 г. было 62 машины, с общей мощностью в 1281 лошадиную силу, в 1849 г. произошло увеличение числа машин до 283, мощность которых составляла 6652 лошадиные силы. Такого же рода успехи имели место и в горной промышленности, где за тот же период число

¹ Ленин. Собр. соч., 3-е изд., т. XVI, стр. 331—332.

машин увеличилось с 120 до 341, а мощность их возросла с 3344 до 13 684 лошадиных сил. Добыча угля в 1850 г. составляла 6,7 миллионов тонн, продукция чугуна достигала в том же году 208 тысяч тонн.¹

В Германии развивалась внешняя торговля. В 1850 г. внешнеторговый оборот Германии составлял 2100 миллионов марок. Что касается других европейских стран, как, например, Австрии и др., то они находились на более низком социально-экономическом уровне, чем Англия и Франция.

В Австрии остатки крепостничества, громадные финансовые налоги и чрезвычайные военные займы крайне затрудняли и задерживали развитие производительных сил. Это сравнительно большое для того времени государство находилось в состоянии разложения, распада, и напоминало собою горностаевую шубу, изъеденную молью. Маркс и Энгельс по этому вопросу писали следующее: «... все быстрее идет разложение австрийского государственного организма. Напрасно правительство противопоставляет ему лихорадочную централизацию; дезорганизация достигла уже самых окраинных частей государства; Австрия становится невыносимой для самых варварских народов, главных столпов старой Австрии, для южных славян в Далмации, Кroatии и Банате, даже для «верных» пограничных австрийских солдат».²

Турция, имевшая свои владения в Европе (так называемая Европейская Турция), находилась на уровне варварского феодализма, а сама организация турецкой империи прогрессивно разлагалась.

Российская империя, с ее громадной армией, осуществляла роль душителя, «жандарма Европы». Николай I считал своей главной задачей борьбу с револю-

¹ Мировые экономические кризисы (1848—1935). Соцэкгиз, 1937, стр. 500.

² Маркс и Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 203.

цией и всячески охранял отжившие крепостнические порядки. Этот надменный император не видел, что сохранение крепостного права означает задержку в развитии производительных сил страны и что это, в конце концов, приведет к краху, к катастрофе. Николай I всячески стремился сохранить и укрепить самовластье, «опертое на штыки, крепостное состояние, винные откупа, тайную полицию, невежество и побои».¹ В течение всего его царствования (1825—1855 гг.) в России преобладало крепостническое хозяйство дворян-помещиков. В обширной империи хозяйничали «тысячи господ больших и малых, монархи жаловали населенными именьями суровых и жестоких владельцев».²

Царская Россия была отсталой страной. В ней дольше, чем в других странах Европы, сохранялись крепостнические отношения, препятствовавшие развитию производительных сил. Основными классами в стране были помещики и эксплуатируемые ими крестьяне — «толпы измученных рабов» (Пушкин). Крепостничество страшным гнетом лежало на народных массах. Гнет помещиков усугублялся произволом царизма, всесилием чиновников, «столоначальников», полиции. Царское самодержавие, давившее все живое, обрекало народные массы на полное политическое бесправие, на самые дикие преследования и надругательства.

«...Мрачная, тяжелая система Николая,— писал живший в ту эпоху Герцен,— придавила всякое умственное движение».³ Основой крепостнической эксплуатации крестьян являлась помещичья собственность на

¹ Герцен. Собр. соч., т. IX, стр. 3.

² Романович-Славатинский. Дворянство в России с начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб. 1870, стр. 307.

³ Герцен. Собр. соч., т. IX, стр. 95.

землю. Эту собственность охраняло царское самодержавие. Помещики силой принуждали крепостных крестьян обрабатывать свои поля. Крестьянин был прикреплен к земле. Он был бесправен. Без разрешения барина он не мог сделать ни одного шага в своей подневольной жизни. Без указки барина и его слуг—псарей, бурмистров и управляющих — крестьянин не имел права приобретать имущества, не имел права отлучиться из деревни, не смел даже жениться. Крепостной крестьянин весь, целиком был во власти помещика. Крестьяне вообще в то время не считались за людей. Их можно было продавать и покупать, причем ценились они ниже, чем животные. За борзую собаку иногда отдавали целую деревню. За щенка порой платили до трех тысяч рублей, тогда как крепостная девушка стоила всего двадцать пять рублей. Крепостных крестьян, как скот, продавали на базарах. В своих поместьях помещики были полновластными правителями-«царьками». Суд чинил сам барин розгами, палками, шпицрутенами. Помещик заставлял крепостных крестьян ходить на барщину, подвергал их самым диким истязаниям: крестьян подвешивали за руки и за ноги на шесты, вывертывали им руки, надевали кандалы, выщипывали бороды, опаливали лучиной волосы, набивали деревянные колодки на шею, забивали в рот кляп, секли солеными розгами, истязали плетью из воловьих жил. «Засечение крестьян помещиками является не единичными, не исключительными примерами увлечений разнузданного самовластья, а представляется рядовым, обыкновенным», — писал один из современников крепостного права Мордовцев.

Крепостное право, по выражению Некрасова, было «диким и страшным полем», где «свободно рыскал зверь, а человек бродил пугливо».

Крепостное право являлось для крестьян страшным бедствием. «На практике,— говорил Ленин,— ...крепостное право, особенно в России, где оно наиболее дол-

го держалось и приняло наиболее грубые формы, ...ничем не отличалось от рабства».¹

Совершенно ясно, что при крепостном праве производительность труда в помещичьем хозяйстве была крайне низкой; земля в помещичьих имениях обрабатывалась примитивным крестьянским инвентарем, а забитый и темный крестьянин работал подневольно, из-под палки. И помещичье хозяйство всех этих Маниловых, Коробочек, Ноздревых, Собакевичей, Плюшкиных, Гриневых и Лариных, основанное на труде крепостных крестьян, могло быть устойчивым до тех пор, пока оно представляло собой «самодовлеющее, замкнутое целое, находящееся в очень слабой связи с остальным миром».²

Богатство крепостников состояло в значительной своей части из крепостных душ. Развитие товарно-денежных отношений начало подтачивать вековые устои крепостного хозяйства еще задолго до его падения.

В начале XIX века в Российской империи (под влиянием внутренних и внешних причин) товарно-денежные отношения и торговля сделали значительный шаг вперед. Постепенно росла как внутренняя, так и внешняя торговля. Увеличивался сравнительно быстро вывоз хлеба за границу. Дворянские поместья приспособлялись к рыночным отношениям, производя все больше и больше хлеба на продажу. В отдельных имениях появлялись опытные участки на манер «английского фермерства» и «немецкого плодосмения». Помещичье хозяйство постепенно утрачивало свой замкнутый, натуральный характер и превращалось в товарное хозяйство. Рост торговли в России сказывался, между прочим, и во все возраставшем значении ярмарок. В течение первой половины XIX века привоз товаров на всероссийскую нижегородскую ярмарку увеличился почти в три раза.

¹ Ленин. Собр. соч., 3-е изд., т. XXIV, стр. 367.

² Ленин. Собр. соч., 3-е изд., т. III, стр. 140.

Рост торговли, необходимость расширения хозяйства и его улучшения (ввоз машин, удобрений) вызывали все большую потребность помещиков в деньгах, львиная доля которых попрежнему уходила на паразитическое существование «дикого помещика». Уже к сороковым-пятидесятым годам XIX века значительная часть помещиков увязла в долгах и тысячами закладывала своих крепостных и свои «гнезда»-усадьбы в банках.

Стремясь увеличить производство хлеба на продажу, помещики все сильнее и сильнее эксплуатировали крестьян, увеличивали барщину. Вместе с тем, многие помещики, особенно в нечерноземных губерниях (Московской, Ярославской, Нижегородской и др.), будучи заинтересованы в деньгах, стали переводить своих крестьян на оброк, т. е. заменять барщину натуральной, а чаще всего — денежной повинностью. В среде этих оброчных крестьян начало развиваться отходничество. Не будучи в состоянии нести высокий оброк и платить подати, они начинали заниматься различными кустарными промыслами — извозом, уходили на заработки «на стороне» — в города, на фабрики. Помещики допускали это, так как значительную часть своих заработков от отходных промыслов крестьяне отдавали помещику в виде денежного оброка. Однако отходники оставались крепостными крестьянами, всецело зависевшими от помещика, и не могли быть достаточным источником рабочей силы для фабрик и заводов. В черноземных областях помещики вовсе не допускали отходничества, им нужны были рабочие руки для обработки неподнятых еще целин южной России, откуда через порты Черного моря шел хлеб на английские рынки. Англия очень сильно нуждалась в привозном русском хлебе, она от него даже зависела.

Высокие оброки, подати, постепенное уменьшение крестьянских наделов усиливали разорение и обнища-

ние большинства крестьян. Но, вместе с тем, в деревне из числа оброчных стала выделяться и зажиточная верхушка. Появились состоятельные богатеи, занимавшиеся ростовщичеством и торговлей и усиливавшие разорение остальных крестьян.

Таким образом, среди крестьянства начиналось расслоение. В деревне стали развиваться товарно-денежные отношения, в сельское хозяйство проникал капитализм.

Многие купцы и сельские богатеи начали вкладывать свои капиталы в строительство промышленных предприятий. Еще до отмены крепостного права помещики организовывали в своих имениях различные промышленные заведения: полотняные, суконные, винокурные и др. В этих заведениях в порядке отбывания барщины работали крепостные крестьяне. Но постепенно в России стали появляться предприятия с вольнонаемным трудом. Развивались эти предприятия гораздо быстрее, чем предприятия с подневольным трудом крепостных. За первые пятьдесят лет XIX века число рабочих, занятых в тех отраслях промышленности, где преобладал труд крепостных (писчебумажная, суконная, металлургическая) увеличилось в три с лишним раза, а в отраслях промышленности с преобладанием вольнонаемного труда (в первую очередь хлопчатобумажной) число рабочих возросло вшестеро.

В сороковых — пятидесятых годах увеличился ввоз машин из Англии, кустарные мастерские, особенно мануфактуры, стали превращаться в фабрики и заводы. Характерно, что больше всего машин внедрялось опять-таки в текстильную промышленность, в которой преобладал вольнонаемный труд.

«Машина не терпит подле себя невольничества»,¹ — указывал великий русский ученый Н. Г. Чернышевский.

¹ Чернышевский. Избр. соч., т. II. 1937, стр. 212.

«Новые производительные силы требуют, чтобы работники производства были более культурными и понятливыми, чем забитые и темные крепостные, способными понять машину и правильно обращаться с ней».¹

Но фабрик и заводов в России было все же очень мало, если сравнивать с Англией, где на одного человека приходилось чугуна почти 4½ пуда, а в России всего-навсего 6½ фунтов.

При крепостном праве Россия не могла развиваться, не отставая, не задерживаясь на большой исторической дороге. Свое место Россия шаг за шагом уступала передовым капиталистическим странам. Труд крепостных, как в сельском хозяйстве, так и в промышленности, давал очень низкую производительность труда. Капитализм создал более высокую производительность труда, и в этом было его бесспорное преимущество по сравнению с феодализмом.

Прикрепление крестьян к земле лишало фабрики и заводы рабочей силы. Крепостное право задерживало создание широкого внутреннего рынка для сбыта продукции промышленности, ибо разоренное крестьянство было не в состоянии приобретать много промышленных товаров. Крепостной труд убивал инициативу у работника.

Следовательно, старые крепостнические порядки тормозили и развитие сельского хозяйства. Между тем, капиталистическая Европа, особенно Англия, предъявляла громадный спрос на продукты сельскохозяйственного производства. А главное, сильно возросла потребность в хлебе и внутри страны в связи с появлением в недрах крепостничества промышленных центров и кустарных «сел» — Иваново, Шуя, Павлово.

Высокие цены на хлеб на международном рынке толкали помещиков к увеличению вывоза. За 1821—

¹ История ВКП(б), стр. 121.

1825 г. из России на западноевропейские рынки было вывезено пшеницы 8 418 тысяч пудов, а за 1846 — 1850 гг. — 35 066 тысяч пудов — увеличение почти в четыре раза. В большом количестве вывозились также за границу сало (на 14½ миллионов рублей), шерсть (на 6½ миллионов рублей).

Увеличение помещиками производства хлеба на продажу было, как указывает Ленин в своей знаменитой книге «Развитие капитализма в России», «предвестником распада старомо режима».¹

«Весь ход экономического развития толкал к уничтожению крепостного права».²

Самодержавный деспот Николай I стоял за всемерное охранение крепостного порядка. Крупное дворянство было в своей основной массе за то, чтобы сохранить крепостное право или же его видоизменить, но так, чтобы попрежнему оставить за собой львиную долю привилегий.

На ряду с дворянским сословием, как известно, существовали еще духовенство, купечество, крестьянство и мелкая городская буржуазия (так называемое мещанство). Эти группы по-своему относились к крепостному праву.

Духовенство как сословие распадалось на духовенство монашеское и светское. Монашеское духовенство было более богато и занимало высшие церковные должности. Светское духовенство в своем подавляющем большинстве было бедно и во всем подчинялось «верхам», которые презрительно относились к нему. Дети священников, не следовавшие отцовской профессии, попадали в ряды мещанства. Они, так же как и дети разорившихся мелких помещиков, купцов, выбивались, так сказать, из обычной «социальной колеи» и становились в ряды разночинцев.

¹ Ленин. Собр. соч., 3-е изд., т. III, стр. 140.

² История ВКП(б), стр. 5.

«Разночинцами фактически делаются все те, чья деятельность выпадает из рамок сословного деления».¹

На фоне разложения крепостного хозяйства происходит процесс выпадения из рамок сословного деления значительного числа людей, которые попадали в тяжелое экономическое и правовое положение. Наиболее передовые из них, знакомясь с революционными идеями Франции, Англии и Германии, становились в ряды борцов против самодержавия и крепостничества.

«Образованный разночинец,— писал Плеханов,— это — вестник новой России, объявляющий старому порядку войну не на живот, а на смерть, и в этой войне берущий на себя опасную роль авангарда».² Деятели подобного рода, с легкой руки И. С. Тургенева, получили название, кличку «нигилистов», которые в своем решительном отрицании старого ни перед чем не отступали. В своей массе это были образованные, «начитанные люди», «вольнодумцы». В своей теоретической и литературной деятельности они отражали революционные настроения крестьянства и его борьбу против крепостнического гнета. Они, по сравнению с декабристами, сделали очень много для народа — они с ним теснее сблизились. Свои революционные мечты они увязывали с крестьянскими «бунтами», которые в царствование Николая I участились, как ни в один из предшествующих периодов русской истории.

В ответ на жесточайшее угнетение и эксплуатацию крестьянство непрерывно восставало против помещиков. Только за время тридцатилетнего царствования Николая I в различных губерниях Российской империи произошло 674 крестьянских волнения. Несмотря на то, что эти выступления остались одинокими, раздробленными, стихийными «бунтами», они все же представ-

¹ Плеханов. Собр. соч., т. V, стр. 13.

² Там же, стр. 14.

ляли весьма серьезную опасность для помещиков и царя. Это еще в 1839 г. сознавал шеф жандармов Бенкендорф, когда писал царю: «Весь дух народа направлен к одной цели — к освобождению. Вообще крепостное состояние есть пороховой погреб под государством и тем опаснее, что войско составлено из крестьян».¹

Положение крестьян в армии было исключительно тяжелым. Двадцатипятилетняя служба в армии была беспросветной полосой в жизни человека. На бесконечных, показательных плац-парадах солдат подвергали самым мучительным «тягостям обучения» по методу, «гибельной для жизни человеческой».²

«Четвертая часть армии исчезает ежегодно от необыкновенной смертности и от неспособности к службе, от болезней происходящей».³

Армия, по словам николаевского адъютанта Кутузова, несмотря на свой «наружный блеск», носила в себе «семена разрушения». Непрерывные «солдатские бунты», «неповиновение» рассматривались даже Кутузовым как следствие несносных порядков, требовавших незамедлительного реформирования. Кутузов в этой своей подробной записке прямо указывает на «бедственное и ужасное положение народа в империи, где начальство не внемлет стонам народным, а больше всего заботится об отчетах блестящей деятельности, тогда как сущность правления в самом жалком положении».⁴

Кутузову в унисон вторит С. М. Соловьев в своих известных «Записках». «На лице Николая всякий легко

¹ Крестьянское движение 1827—1869 годов (документы), вып. I, под ред. Е. А. Мороховца, стр. 31—32.

² Записка Кутузова, поданная императору Николаю I (Русская старина, 1898, сентябрь, стр. 524).

³ Там же, стр. 523.

⁴ Русская старина, 1898, сентябрь, стр. 523.

мог прочесть страшное «мани, факел, фарес»: остановись, плесней, разрушайся». Николай в оценке Соловьева — это «деспот, любивший внешний блеск, бездушное движение войсковых масс по команде».¹

Россия была покрыта саваном, за которым скрывались кровавые пятна, расстрелы, увечья. Пушкин, в свое время, знакомясь с «Мертвыми душами» Гоголя, с глубокой горечью воскликнул: «Боже, как грустна наша Россия».

Повсеместный рост недовольства против самодержавия создавал благоприятную почву для нарастания революционно-освободительного движения в николаевской России — расширялась база практической революционной деятельности разночинца.

Надменный Николай I, после подавления восстания декабристов и учиненной над ними кровавой расправы, свое высшее назначение видел в борьбе с «крамолой», «вольнодумием» и «сатанинским духом революции» как внутри страны, так и в странах Западной Европы. Он всячески стремился к сохранению рушившихся старых форм крепостничества в своей феодальной, острожной твердыне. В письме к своему брату Константину он доказывал необходимость «мер быстрых и строгих против всяческой попытки разрушения, направленной против установленного порядка, освященного веками славы»,² хотя в ряде вопросов он вынужден был идти на уступки и полумеры. Купцы и промышленники получали ряд льгот, поощрений. В крестьянском вопросе Николай I больше полагался на так называемую «добрую волю помещиков».³ Вообще он считал прикосновение к крепостному праву «делом гибельным» и стоял на позиции его всемерного охранения.

¹ С. М. Соловьев. Записки. Кн-во «Прометей», стр. 116.

² Шильдер. Николай I, т. I, стр. 432.

³ Семевский. Крестьянский вопрос в России, т. II, стр. 529—335, 568—569.

Напуганный восстанием декабристов, Николай I для борьбы с революционным движением создал специальное Третье отделение, целый военный корпус жандармов. Вся империя была разделена на специальные жандармские округа. Шефом жандармов и начальником Третьего отделения был назначен Бенкендорф, который непосредственно подчинялся только царю.

Этот прапорщик, как замечает Герцен, жестокий, недоверчивый, холодный, упрямый, безжалостный, с душой, недоступной высоким порывам, и посредственный, как его приближенные — балтийские бароны, дикие консерваторы, — превратил Россию в сплошную казарму, да еще мечтал приставить к ее воротам побольше фельдфебелей. Агенты, как псы-ищейки, рыскали по всей империи в целях обнаружения и поимки страшных для них приверженцев революции. Николай I управлял империей через дворян-чиновников, «диких помещиков», типа Ноздрева, Собакевича. В своей речи к депутатам петербургского дворянства Николай говорил, «что он никогда не сомневался в преданности дворянства к престолу и отечеству» и что «внешние враги не опасны», если господа будут «действовать единодушно». Обращаясь к ним «сердечно», он полагал превратить верное ему дворянство сплошь в полицейских и жандармов: «Вы моя полиция. Каждый из вас мой управляющий и должен для спокойствия государства доводить до моего сведения все дурные действия и поступки, какие он заметит».¹

Николай I и его клика в борьбе с революционным движением перенимали опыт французской и прусской полиции. Они набили себе руку на усовершенствовании полицейско-реакционной тактики в борьбе с революционным движением как внутри страны, так и на Западе, где еще с конца XVIII века вели контрреволюционную политику. Николай I играл роль жандарма Ев-

¹ Русская старина, 1883, сентябрь (речь Николая I).

ропы, наиболее свирепого и жестокого. Им была подавлена венгерская революция 1849 г. Царизм в лице Николая I, прозванного Палкиным, долгое время со своей дворянской кликой совершенствовался в роли палача. Раболепие и ложь пышно процветали в придворных сферах этой «гауптвахты империи».

История николаевской России — мрачная полоса, с ее мертвыми домами, мертвыми душами, мертвым молчанием кругом, произволом властей, жандармов и чиновников.

Лучшие, просвещенные, передовые люди русского общества подвергались жестоким преследованиям. Рылеев — один из крупнейших поэтов-мыслителей — был повешен. Пушкин — солнце русской поэзии — убит на дуэли при непосредственном содействии Николая. Такая же судьба постигла и Лермонтова. Замучен был неутомимый Полежаев — один из оригинальнейших поэтов того времени, который по адресу Николая I послал острую политическую эпигramму: «И Русь, как кур, передумил ефрейтор-император». Чаадаев объявлен был сумасшедшим. Петрашевцы были отправлены на каторгу и в арестантские роты в Севастополь.

При усмирениях непрекращавшихся крестьянских «бунтов» и солдатских «неповинностей» гибли тысячи людей.

История русской литературы в период николаевского царствования — «регистр каторги». Даже те, которых правительство пощадило, погибали, едва распустившись. В эту жестокую и «неразумную эпоху» «мрачные тучи заволокли небо».¹ Герцен — один из выдающихся деятелей освободительного движения того времени — предавал проклятию все царствование Николая I, этого наглого самовластца. «Странная вещь, — говорит Герцен, — что почти все наши грезы оканчивались Сибирью или казнью и почти никогда

¹ Герцен. Былое и Думы, т. I. 1937, стр. 112.

торжеством».¹ То же самое записывал и молодой Чернышевский, будущий вождь разночинцев, в своем личном дневнике.

«Тяжелая русская жизнь,— вспоминал Герцен в «Былом и Думах»,— многим придавила грудь, над каждым занесена была звериная лапа, шедшая от груди, лишенной сердца, вперед отводила розовые надежды на снисхождение к молодости. Шутить либерализмом было опасно, играть в заговоры не могло притти в голову. За одну дурно скрытую слезу о Польше, за одно смело сказанное слово — годы ссылки, белого ремня, а иногда и казemat».²

Крепостная Россия эпохи сороковых — пятидесятих годов XIX столетия представляла собой «ужасное зрелище, где торговали людьми, где не было никаких гарантий для личности и даже отсутствовал полицейский порядок».³ В Российской империи правили «дикие» помещики и «огромные корпорации разных служебных воров и грабителей»⁴ во главе с надменным самовластцем, следователем-иезуитом Николаем I.

Крепостная Россия этого времени с внешне блестящими парадами измученных войск, корпусом жандармов и полицейским произволом, секретными комитетами, линейными казармами, военными каторжными поселениями, повсеместными застенками, массовыми пытками и бесчеловечными расправами представляла собой трагическую картину, унылый и грустный социальный пейзаж, с одними потерями, многочисленными жертвами свирепой реакции и усугублением деспотизма. «И по всей России — от Берингова пролива до Таурогена — людей пытаются, там, где опасно пытаться розгами — пытаются нестерпимым жаром, жаждой, солевой пищей».⁵

¹ Герцен. Былое и Думы, т. I, 1937, стр. 154.

² Там же, стр. 248.

³ Белинский. Письмо к Гоголю. (отд. изд.).

⁴ Там же.

⁵ Герцен. Былое и Думы, т. I, 1937, стр. 320—321.

Но николаевским жандармам не удалось предотвратить историческую неизбежность появления борцов за дело освобождения народа от цепей самодержавия и крепостничества. Внутри России совершалась великая работа, глухая и безмолвная, но деятельная и непрерывная: всюду росло недовольство, революционные идеи за время «моровой полосы» царствования Николая I распространялись сильнее, чем за целое столетие. Особая роль в освободительном движении России была выполнена русской литературой, формировавшейся в борьбе, в выражении политического протеста против самодержавия и крепостничества. Разложение крепостного хозяйства и нарастание революционного движения внутри страны усложняли внешнюю политику царизма. Николай I и его сановники не могли не видеть своего пошатнувшегося положения в европейских делах после революционных бурь 1848 г. Царская Россия в силу своей отсталости теряла свои прежние позиции на международной арене, где руководящее положение занимала в экономической жизни сначала Англия, а затем Франция. Престиж царской России падал. Царская Россия должна была сдавать свои самые излюбленные позиции — установление равновесия в Европе и продвижение к Царьграду. При своей технико-экономической отсталости крепостная Россия не могла не терпеть поражений на арене международной политики.

Мощный подъем производительных сил в Англии, Франции и других странах (рост крупной промышленности, железных дорог, морского флота и т. д., и т. п.) доказывал, «насколько невозможным является длительно е подчинение Западной Европы России и насколько менее возможным становится оно с каждым днем».¹ Внешней славе царизма, который со времени возникновения Священного союза с особой силой по-

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 461.

велевал в делах Западной Европы, угрожала серьезная опасность со стороны непрерывных крестьянских «бунтов» внутри страны. Николай I в этой поразительно сложной международной и внутренней обстановке прибег к излюбленной и традиционной тактике:

«Чтобы самодержавно властвовать внутри страны, царизм во внешних сношениях должен был не только быть непобедимым, но и непрерывно одерживать победы, он должен был уметь вознаграждать безусловную покорность своих подданных шовинистическим угаром побед, все новыми и новыми завоеваниями».¹

Первые шаги царизма в проведении этой политики вызвали после 1848 г. небывалое обострение с внешней политикой капиталистической Европы. Дело явным образом шло к европейской войне, в которой капиталистическая Европа должна была померяться силами с крепостной Россией, чтобы попытаться решить вечно неразрешенные вопросы тогдашних международных отношений.

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 29.

Глава вторая

Одним из сложнейших вопросов международной жизни того времени являлся так называемый Восточный вопрос, основная суть которого заключалась в отношении европейских государств к Турции. «Настоящим яблоком раздора является Европейская Турция, большой полуостров к югу от Савы и Дуная».¹ Эта прекрасная страна имела, как указывали основоположники марксизма, несчастье быть обитаемой целым конгломератом различнейших народов. Двенадцать миллионов славян, греков, румын и арнаутов находились в подчинении у одного миллиона турок, империя которых стояла на уровне самого низкого, варварского феодализма. Гнет султанской Турции по отношению к подчиненным ей народам принимал ярко выраженные, невыносимо деспотические формы. Турецкие феодальные варвары в этом отношении показали себя закоренелыми противниками всякого прогресса.

«Присутствие турок в Европе представляет собою серьезное препятствие для развития естественных богатств фракийско-иллирийского полуострова».² Султанская Турция насильственно сдерживала плохо скроенные части своих владений, населенных различнейшими народами, стоявшими на самых разнообразнейших уровнях социально-экономических отношений. И неудивительно, что эта громадная империя издавна была

¹ Маркс и Энгельс. Соч. т. IX, стр. 373.

² Там же, стр. 374.

раздираема национальными и классовыми противоречиями и потрясаема непрерывными восстаниями угнетенных народов против кошмарного господства султанов и пашей, которые продавались оптом и в розницу то царской России, то Англии,—в зависимости от выгод. Султанская Турция состояла из трех совершенно различных частей: африканских вассальных государств, т. е. Египта и Туниса, Азиатской Турции и Европейской Турции. Египет в значительной своей части к концу первой половины XIX века находился под влиянием Англии. В Европейской Турции сильно было издавна влияние царской России и отчасти Австрии. И только лишь одна Азиатская Турция представляла собой истинный центр, ядро турецкой империи—резервуар, из которого всегда черпался материал для турецких армий; население этой территории — «слишком сплоченный комплекс магометанского фанатизма и турецкой национальности, чтобы пробуждать в ком-либо желание ее завоевать. И в самом деле, при всяком обсуждении «восточного вопроса» из азиатских областей принимаются во внимание только Палестина и христианские долины Ливана».¹

Обширные, важнейшие экономические районы (Египет, Тунис, придунайские княжества) и решающие торговые пути и стратегические пункты мирового значения (Дарданеллы, Босфор), принадлежавшие крайне расслабленному государственному организму султанской Турции, являлись «лакомым куском» для царской России, Англии и других европейских стран. Следовательно, вопрос — как быть с Турцией — являлся издавна яблоком раздора между главными европейскими странами. Это был сложно завязанный узел международных противоречий, источник многочисленных военных и дипломатических конфликтов, в которых так или иначе, в той или иной форме сталкивались инте-

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. IX, стр. 373.

ресы Англии и России всегда, Англии, Франции, Австрии, России — периодически.

Еще «начиная со времени первой французской революции, всякий шаг назад в развитии революции на континенте сопровождался успехом России на Востоке».¹ Это входило как одна из составных и главных частей в агрессивные планы Екатерины II, Александра I и Николая I. «Целью Александра, как всегда, оставался все тот же Царьград»,² этот «вечный город», считавшийся «Римом Востока», этот «золотой мост между Востоком и Западом».³ Николай I мечтал всю жизнь о захвате проливов и Константинополя и о фактическом разделе султанской Турции, с тем, чтобы держать в своих руках мыс Золотого Рога, властвующего над проливами. В этом владении главными пунктами бывшей пышной Византии и облитыми солнцем берегами Босфора, на горизонте которого возвышался сияющий купол Святой Софии, Николай I видел завершение своих жадных внешнеполитических устремлений. «Николай... желает только и исключительно о протектората над Турцией».⁴ И русский царизм весьма тщательно заботился о том, чтобы разложение турецкой империи совершалось под его опекой. За всеми проявлениями деятельности царизма на Ближнем Востоке зорко следила Англия, которая никак не могла согласиться на то, «чтобы Россия завладела Дарданеллами и Босфором. Это событие нанесло бы и в торговом, и в политическом отношении крупный, если не смертельный удар британской мощи».⁵ С захватом проливов Россия стала бы хозяином и в Средиземном море и всегда могла бы перерезать важнейшие торговые артерии Англии на Востоке. Анг-

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. IX, стр. 399.

² Маркс и Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 19.

³ Маркс и Энгельс. Соч., т. IX, стр. 441.

⁴ Маркс и Энгельс. Соч., т. IX, стр. 401.

⁵ Маркс и Энгельс. Соч., т. IX, стр. 382.

лия могла бы попасть в зависимость от царской России, от которой она уже и так зависела «в смысле обеспечения продуктами питания».¹ И здесь царская Россия шла дальше. Она мечтала завладеть всем побережьем Черного моря, оттеснить султанскую Турцию с Кавказа, чтобы свободно и беспрепятственно провозить свой хлеб через проливы на европейские рынки. В целях же увеличения хлебного экспорта царская Россия настойчиво стремилась проглотить придунайские страны, значение которых как важнейших сельскохозяйственных районов-житницы было очень заметным на европейских рынках. Следовательно, интересы Англии сталкивались с интересами России от Средней Азии до Балкан, проходя ломаной линией через Тегеран, Трапезунд, Батум, Константинополь, Бухарест.

«Невероятно разросшаяся торговля Англии в Леванте и ее стремление проникнуть через Трапезунд во внутреннюю Азию делают свободный проезд судов через Дарданеллы фактом чрезвычайной важности для Англии. Англия не может спокойно смотреть на поглощение Россией придунайских стран, значение которых, как хлебной житницы, все возрастает; она не может позволить, чтобы Россия прекратила судоходство по Дунаю. Русский хлеб и сейчас играет громадную роль в потреблении Англии. Если же Россия завладеет и соседними, производящими зерно странами, то Британия попадет в полную зависимость от России и Соединенных Штатов, и эти две страны явятся регулятором хлебного рынка всего мира».²

Громадное значение для экономической жизни Европы и Азии приобретали Черное море, Днестр, Днепр, Дунай — эти крупнейшие «естественные каналы» для транспортировки внутренних продуктов в Черное море. Вся Европейская Турция естественным образом

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. IX, стр. 379.

² Маркс и Энгельс. Соч., т. X, стр. 379—380.

связана с Черным морем в своем экспорте и обмене своими продуктами, тем более, что все эти страны — преимущественно земледельческие и громоздкость их продуктов неизбежно делает водные перевозки основным видом транспорта. Венгерское, польское, южно-русское зерно, шерсть и кожа в громадных количествах направляются на западно-европейские рынки. Погрузка этих товаров сельскохозяйственного производства на суда производится в Галаце, Одессе, Таганроге и других гаванях Черного моря. Константинополь, а особенно Трапезунд в Азиатской Турции являются главными рынками для караванной торговли с внутренней Азией, с долинами Тигра и Евфрата, с Персией и Туркестаном. Выгодность расположения Трапезунда — близость к Багдаду, Ширазу и Тегерану. Последний как раз служит промежуточным рынком для караванов, идущих из Хивы и Бухары. Громадные потоки английских дешевых товаров в страны Ближнего Востока вытесняли произведения азиатской домашней индустрии.

До сороковых годов XIX века Россия занимала в торговом отношении почти монопольное положение на рынках внутренней Азии. Роль Англии на этих рынках была незначительна. После сороковых годов положение резко изменилось в пользу Англии. Английская торговля неумолимо наступала с Инда и с Черного моря. «Торговое поле сражения между Россией и Англией перенесено с Инда к Трапезунду, и русская торговля, которая раньше доходила на Востоке до границы английских владений, теперь ограничивается обороной крайних границ своей собственной таможенной области. Этот факт играет огромную роль как для решения восточного вопроса, так и для суждения о той роли, которую будут играть при этом Россия и Англия. Эти страны есть и всегда будут противниками на Востоке».¹ Англия к пятидесятым годам «ворвалась в

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. IX, стр. 383—384.

ворота русской торговли через проливы», увеличив один только экспорт за десять лет в два с лишним раза (с 1 440 592 фунтов стерлингов в 1840 г. до 3 548 595 фунтов в 1851 г.). Вот почему Англия так зорко следила за царской Россией в ее экспансии на Восток. Английские деятели вполне сознавали экономическое и стратегическое значение проливов. Маркс и Энгельс не раз это подчеркивали в своих статьях по восточному вопросу. «Торговое значение Дарданелл и Босфора делает их также одновременно и военными позициями первого ранга, т. е. такими позициями, которые будут иметь решающее значение в каждой войне».¹ Вследствие их узости они могут быть укреплены небольшим числом фортов, и тогда Россия могла бы смеяться над соединенным флотом всего мира, если он попытался бы проникнуть туда, и Черное море стало бы русским морем. Сопротивление кавказских горцев было бы сломлено блокадой и голодом. Трапезунд стал бы русской гаванью, а великая торговая артерия — Дунай — русской рекой. Такое положение невидано укрепило бы позиции России в Средиземном море, на Балканском полуострове, а Австрия была бы «окружена Россией с севера, востока и юга, и Габсбурги станут вассалами Москвы».² Восточный вопрос, следовательно, был одним из трех факторов, от которых во многом зависело равновесие в Европе.

«Как только на время утихает революционный ураган,— писали Маркс и Энгельс,— можно с уверенностью сказать, что снова всплывет на поверхность вечный «восточный вопрос». Так было, когда прошумели бури первой французской революции и Наполеон и Александр после Тильзитского мира поделили между собой весь европейский континент; тогда Александр использовал наступившее на мгновение спокойствие и

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. IX, стр. 384.

² Там же, стр. 385.

двинул в Турцию войска на «помощь» тем элементам Турецкой империи, которые отделились от распадающегося государства».¹

Российская империя с 1816 г. начинает переходить к систематическому завоеванию Кавказа. В результате осуществления успешных войн с Персией (1826—1828 гг.) и с Турцией (1827—1829 гг.) царская Россия, развязав себе руки во внешнеполитических отношениях с этими странами, стремилась полностью овладеть всем Кавказским перешейком. Кавказская война была в полном разгаре. В 1840 г. «восточный вопрос» снова чуть не вовлек европейские великие державы во всеобщую войну. И теперь, после того, когда спадала волна революции 1848—1849 гг., «когда правящие пигмеи близоруко хвастают тем, что счастливо избавили Европу от опасностей «анархии и революции», на сцену вновь всплывает все тот же неразрешимый вопрос, все тот же никогда не иссякающий источник затруднений: как быть с Турцией?»² Европейская «объединенная премудрость» дипломатических деятелей, как во времена всесильного господства Священного союза, так и после периода «бури и натиска» (1848—1849 гг.), не смогла не только решить этот вопрос, но и не подвинула его сколько-нибудь в сторону даже минимального разрешения. Европейская дипломатия стремилась целым рядом дипломатических мер и рычагов удерживать разложение султанской Турции. Один дипломатический договор сменялся другим, но дело не шло дальше этого. Да и осуществить это не представлялось возможным, как нельзя было «удержать лошадиную падаль на одной и той же ступени гниения, не давая наступить полному разложению. Турция разлагается и будет все больше разлагаться, пока будет существовать теперешняя система «европейского равно-

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. IX, стр. 371—372.

² Там же, стр. 372.

весия» и status quo.¹ И эта «система европейского равновесия» после прихода к власти Наполеона III, с его ярко выраженными внешнеполитическими экспансивными устремлениями, вскоре подверглась всестороннему расшатыванию, а затем и ломке.

* *
* *

После провозглашения Луи Бонапарта императором Франции (2 декабря 1852 г.) «европейское равновесие», и без того шаткое и неустойчивое, вступило в весьма критическую полосу. В поисках ореола внешнеполитической славы Наполеон III ждал случая, повода, чтобы занять внимание французской буржуазии импозантным, ярким и ослепительным зрелищем. В авантюристические военные планы Наполеона III входило возвращение былой бонапартистской славы, утерянной в 1815 г. его дядею, и ликвидация трактатов того времени. Для осуществления этих планов Наполеону III нужен был союзник (который скоро был найден в лице Англии, впервые признавшей «законным» декабрьский переворот) и повод для вмешательства в «восточный вопрос». В этом отношении он был «вполне доволен возможностью взобраться на самую вершину старых наследственных монархий, используя при этом в качестве лестницы Турцию».² Для Луи Бонапарта и его клики, состоявшей из прогоревших офицеров (типа Сент-Арно), войны, «периодические кровопускания Франции», становились «средством управления». Для сохранения своего престижа, этому «авантюристу», ловкому плуту и мошеннику, прошедшему огонь и воду в рядах заговорщиков-карбонариев в Италии, в рядах артиллерийских офицеров в Швейцарии и, наконец, продолжительное время пребывавшего под крылышком

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. IX, стр. 373.

² Там же, стр. 573.

Пальмерстона в Англии (но уже в качестве «знатного бродяги» и «полицейского волонтера»), были крайне необходимы «боевое крещение и блеск военных успехов»,¹ возможность разыгрывания роли «самого католического» императора Франции² и главы похода против России — «грозного северного колосса».³

И всякий раз, как внутреннее положение Франции становилось нестерпимым, Наполеон III, этот гнусный насильник французского народа, предпринимал авантюры.

Вероломному и бесчестному проходимцу, дорвавшемуся до власти, «не остается никакого другого выбора, как революция внутри страны или внешняя война»⁴ (Подчеркнуто мною.— С. Б.). И это правительство Франции, во главе с Наполеоном III, сознательно шло на развязывание европейской войны с тем, чтобы достигнуть театрального триумфа, выдвинуться на международной арене, стать вершителем судеб Европы и тем самым отвлечь внимание французского народа от «внутренних постыдных дел».⁵

«Бонапартистская узурпация, — писали Маркс и Энгельс, — является истинным источником теперешнего восточного кризиса».⁶ Наполеон III сознательно шел на военный конфликт. В подготовке этой авантюры он рассчитывал на поддержку Англии, полагая, что вместе с ней вести такие дела не рискованно, тем более, что Англия опасалась разрыва с Францией, хотя само имя Бона-

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. X, стр. 597.

² Маркс и Энгельс. Соч., т. IX, стр. 637.

³ Маркс и Энгельс. Соч., т. X, стр. 598.

⁴ Маркс и Энгельс. Соч., т. IX, стр. 669.

⁵ Чернышевский. Рассказ о Крымской войне, по Кинглеку. 1934, стр. 115.

⁶ Маркс и Энгельс. Соч., т. IX, стр. 637.

парта вызывало несколько «неприятные воспоминания».¹

Англия первая признала законным переворот, совершенный Луи Бонапартом. Николай I в очень ограниченной степени признал императорский титул Наполеона. Для Наполеона же это было очень удобной зацепкой.

Францию Наполеона III, которая в известной мере держала султана в своей финансовой зависимости, беспокоили также укрепление царской России на побережье Черного моря и распространение ее влияния в Турции. Общность интересов Англии и Франции в странах Ближнего Востока беспокоила царскую Россию. Последняя всячески укрепляла свои позиции в Турции посредством концентрации войск на турецкой границе, а также пытаясь расстроить англо-французское сближение. В ответ на это Наполеон желал поссорить Австрию с Россией, с тем, чтобы изолировать Австрию в своей предполагаемой войне с Италией. Но вместе с тем Австрия никак не могла допустить преобладающего влияния России у себя в тылу, т. е. в придунайских княжествах. Она опасалась также и за судьбу своей торговли по Дунаю. Особенно велики были эти опасения, когда Россия в 1848 г. заняла под шумок Молдавию и Валахию. Но затем Россия вынуждена была отозвать свои войска. Дело на этот раз ограничилось заключением Балта-Лиманской конвенции с Турцией на семь лет. Согласно этой конвенции, были разделены «сферы влияния» этих двух стран в придунайских княжествах. Россия укрепилась в Валахии, Турция — в Молдавии. Наполеон III знал, что придунайские княжества, и вообще Турция, были наиболее уязвимым местом во внешней политике России.

Для того, чтобы развязать войну, Наполеон напра-

¹ Жомини. Россия и Европа в эпоху Крымской войны. Вестник Европы, 1886, т. I, стр. 665.

вил своего посла в Константинополь с тем, чтобы потребовать от султана восстановления католиков во всех их правах пользования и владения так называемыми «святыми местами» в Иерусалиме и в Вифлееме, уже отнятыми греками при содействии царской России во время революции 1789 г.

«Святые места» в Иерусалиме (с так называемым «гробом господним») и в Вифлееме (с яслями, в которых якобы родился Христос) были всегда ареной постоянных столкновений и ожесточенной борьбы между монахами различных религий. Острота и ядовитость в спорах монахов о святых местах обуславливалась громадным значением того обстоятельства, что, кто имел больше влияния на святые места — тот мог в любое время оказать влияние на внутренние дела Турции, вплоть до протектората.

«Вопрос о святом гробе есть не что иное, как вопрос о протекторате над существующими в Иерусалиме религиозными общинами греческих христиан и над зданиями, которыми они владеют на святой земле, в особенности же над церковью гроба господня... Владельцы не имеют никаких других привилегий, кроме права держать ключи, посещать и чистить здания, зажигать святую лампаду, выметать помещения метлою и расстилать ковры, что считается у восточных народов символом владения. Поскольку святые места являются кульминационным пунктом христианства, постольку и вопрос о протекторате нашел в связи с ними свое высшее выражение».¹

Первой державой, которая добилась протектората над своими единоверцами, проживавшими в Турции, была Франция. Ею была получена капитуляция — императорская грамота, привилегия, выдаваемая Турцией различным европейским странам, согласно которой подданные этих стран получали право беспрепятствен-

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. X, стр. 9.

но въезжать в магометанские земли, заниматься там своими делами и отправлять различного рода богослужения. Такого рода капитуляция Францией была получена в 1535 г. при Сулеймане Великом и Франциске I, в 1604 г. — при Ахмете I и Генрихе IV и в 1673 г. — при Мустафе II и Людовике XIV. В 1740 г. они были возобновлены, подтверждены, повторены и дополнены в сборнике, носившем заглавие: «Старые и новые капитуляции и договоры между французским двором и Оттоманской Портою».¹

Царская Россия была первой державой, включившей в 1774 г. составленную по примеру Франции капитуляцию в договор, а именно в Кучук-Кайнарджийский договор.

Как Франция, так и Россия усматривали в обладании «святыми местами» вопрос своего влияния на Ближнем Востоке. И каждая из этих держав для усиления своего влияния подкупала жадных пашей, которые злоупотребляли своим положением и брали деньги со всех. Едва успевали они передать фирман (указ) на владение спорным местом латинянам, как появлялись армяне с еще лучше наполненными кошельками и мгновенно добивались фирмана в свою пользу. Дело осложнялось еще тем, что очень уж много было претендентов на эти святые места. «Латиняне, греки, армяне, копты, абиссинцы и сирийцы, живущие в Иерусалиме и святых местах, исповедуют различные религии. Там имеется 2000 греков, 1000 латинян, 350 армян, 100 коптов, 20 сирийцев и 20 абиссинцев — всего 3490 человек. В Оттоманской империи насчитывается — 13 730 000 греков, 2 400 000 армян и 900 000 латинян, но и внутри все эти группы разделены».² Все эти крайне разнообразные в национальном и религиозном отношениях группы вели непрерывную борьбу; предводитель-

¹ См. Маркс и Энгельс. Соч., т. X, стр. 9.

² Там же, стр. 10.

ствуемые фанатичным духовенством, они осаждали «гроб господень». Поводом ко всем этим ядовитым спорам, неожиданным бурным вспышкам, перманентным религиозным «войнам» являлись поочередно звезда с вифлеемской пещеры, кусочек ковра, какой-нибудь алтарь, ключ от какой-либо святыни, гробница, стул, подушка.

«Теперь понятно, почему совместное богослужение христиан в святых местах есть не что иное, как нескончаемый ряд отчаянных «ирландских драк» между различными верующими сектами; почему, с другой стороны, за этими по видимости религиозными спорами скрывается лишь в высшей степени светская война не только нации, но и рас, и почему протекторат над святыми местами, который западно-европейскому человеку кажется столь смешным, а восточному — столь необычайно важным, есть лишь фаза восточного вопроса, который постоянно вновь возникает, всегда затушевывается, но никогда не разрешается»¹ (Подчеркнуто мною.— С. Б.).

Посылка Наполеоном посла Лавалетта в 1851 г. с особым поручением к султану, с предъявлением «настоятельных требований» прав католической церкви, означала еще большее усложнение «восточного вопроса». Больше того, этот шаг Наполеона означал начало превращения вопроса о святых местах в вопрос о прологе к Восточной войне. Французский посол всячески угрожал султану силой, если последний не удовлетворит предъявленных ему требований. В проливах то и дело появлялся французский боевой корабль. Посол делал ряд попыток вмешаться во внутренние дела Турции. Правительство султанской Турции, стараясь выиграть время, предложило создать «смешанную комиссию» для рассмотрения всех спорных вопросов о

¹ Там же, стр. 12.

«святых» местах. Французский посол согласился на это, но с условием, что в качестве материалов не будут фигурировать документы, составленные позднее 1740 г. Эта оговорка исключала одно из важнейших дипломатических достижений царской России в этом вопросе, а именно — Кучук-Кайнарджийский договор, в который было включено право России на владение «святыми» местами, аналогично французским грамотам, полученным Францией от султанов до 1740 г. Следовательно, вопрос о «святых» местах был поставлен французским послом так, что он аннулировал, как указывал один из историков дипломатии периода Крымской войны — Жомини, «всю вековую работу, совершенную Россией в пользу своих единоверцев».¹

Николай I со свойственной ему прямолинейностью ответил высокомерным требованием ничего не изменять в существовавшем положении. Началась настоящая дипломатическая война между французским и русским послами. Англия выжидала в целях достижения для себя более выгодного и менее рискованного шага.

На этой стадии английский посол в Константинополе предложил компромиссное решение спорных вопросов между Россией и Францией. В марте 1852 г. султаном Турции был издан фирман, в котором им были взяты обязательства решить этот вопрос положительно и для России и для Франции. Это была полумера английского образца. Английские политики, как указывал еще Герцен, обладали «умением упираться, пока можно, и уступать, когда время пришло».² Английский посол еще не располагал достаточным материалом о степени готовности России к войне. Английская дипломатия все подсчитывала, уравнивала до тех пор, пока чаша весов в европейских делах явственно не

¹ Вестник Европы, 1886, т. I, стр. 722.

² Герцен. Собр. соч., т. IX, стр. 2.

склонилась в сторону неизбежного военного столкновения Франции с Россией.

Николай и Наполеон III не удовлетворились дипломатическим решением вопроса. Наполеону нужна была война тем более, что положение внутри страны крайне обострялось. Рабочее движение готовилось к новым схваткам. Положение его, несмотря на эквилибристику и лавирование в политике, становилось шатким, неустойчивым. Наполеон спешил. В своих воинственных планах он мечтал о размахе своего дяди Наполеона I. Орлы Первой империи были восстановлены снова на знаменах французской армии, которая нужна была английским политикам для нанесения удара царской России. Английская внешняя политика вскоре была направлена в сторону союза с Францией. Оформление этого союза пошло очень быстрыми шагами после того, как Николай I выболтал английскому послу сэру Гамильтону Сеймуру свои планы раздела Турции.

На вечере у великой княгини Елены Павловны 9 января (н. ст.) 1853 г. Николай, в расчете на дружелюбные чувства Англии, подошел к послу сэру Гамильтону Сеймуру с тем, чтобы подчеркнуть свои «тесные», «хорошие отношения» с Англией, причем сделал замечание о том, что «Турция в критическом состоянии» и что он хотел бы избежать излишних хлопот. Через несколько дней английский посол был приглашен Николаем для беседы. Речь снова коснулась отношения к Турции, которая именовалась Николаем не иначе, как «больным человеком». Николай сказал, это этот «дряхлый» и «больной человек» может скоро умереть. Беседа продолжалась в обстановке изощренных ходов, особенно со стороны английского посла. Последний больше слушал, отделяваясь уклончивыми ответами на вопросы Николая I, который стремился уверить, что он не разделяет иллюзий своей бабушки Екатерины II о создании великой Византии, но что он тем не менее желал бы внести ясность и определенность в отноше-

ние обеих стран к Турции. Николая I беспокоило, как бы его не застала врасплох смерть «больного человека» — Турции, и он выражал желание притти к какому-нибудь соглашению. Ему очень хотелось столкнуться именно с Англией по этому вопросу, остальные страны его не интересовали. «Я решительно не интересуюсь,— говорил Николай I английскому послу,— мнением и действием других».

Окончательно Николай I раскрыл свои планы в следующей беседе, в феврале того же года. Этот план раздела Турции в изложении Николая выглядел следующим образом: во-первых, дунайские княжества (Молдавия и Валахия) сохраняют свою независимость под покровительством России; во-вторых, Сербия и Болгария должны получить аналогичное устройство; в-третьих, Египет и Крит получает Англия. И Николай подчеркнул особенно последнее — что он возражать против этого не будет. В заключение Николай просил посла предложить его правительству высказать свое мнение по данному вопросу. «Я не требую от него обязательств или формальной конвенции, а свободного обмена мыслями и, в крайнем случае, слова джентльмена. Между нами и этого довольно».

Английский посол в точности передал этот разговор своему правительству. Содержание депеш, в которых излагался план раздела Турции, вызвало большой переполох в правящих кругах Англии. Английские политики, при всей их традиционной медлительности, сразу поняли опасность для своих экономических и стратегических позиций на Востоке. И Англия немедленно склонилась к союзу с Наполеоном III для того, чтобы нанести России сокрушающий удар на Востоке и отбросить ее к границам допетровских времен. Для осуществления этой ее вековой мечты наступил удобный момент. Англия ждала его давно.

Надменный Николай I не видел этой опасности. Он был ослеплен своим кажущимся всесилием. Он одер-

жим был своей мнимой непобедимостью, полагая, что он в любое время выставит миллион войска, прикажет — появятся два, попросит — будет три. В кругу его министров в ходу было мнение: «На что тебе союз? — О россе! Шагни — и вся твоя вселенна».

Для отрезвления дряблого, апатичного «больного человека» — Турции Николай I с начала 1853 г. стягивал войска на западной и южной границах. С территории Кавказа и Крыма выселялись почти все иностранные подданные, временно проживавшие в этих местах. Николай думал, что Австрия останется на его стороне за ту помощь, которую он ей оказал в 1848—1849 гг. при подавлении революционного движения. Прусский король, который издавна целовал розги русского царизма, по мнению Николая, не мог не сочувствовать христианскому крестовому походу на Турцию, изгнанию неверных из Европы и водружению креста святого Андрея над минаретом Айя-Софии.

В правительственных кругах николаевской России все эти Собакевичи, Ноздревы и Маниловы истерически кричали и вопили о необходимости захвата Стамбула и Босфора — всей Европейской Турции.

Чтобы по-настоящему припугнуть Турцию, в Константинополь было отправлено чрезвычайное посольство во главе с Меншиковым, бывшим морским министром и генерал-губернатором Финляндии.

Князь Меншиков в высшей степени театральным образом вступил 28 февраля 1853 г. в Константинополь. Его свита состояла из двендцати лиц, среди которых был командующий русской Черноморской эскадрой, один дивизионный генерал, несколько адъютантов. Светлейший князь в столице султана вел себя непринужденно. Министру иностранных дел Турции — Фуад-паше не был сделан визит. Больше того, Меншиков нанес ему оскорбление, назвав его «лживым субъектом». После этого Фуад-паша (франкофил) вынужден был уйти в отставку. Меншиков, имея широкие чрез-

вычайные полномочия от царя, предъявил турецкому султану ультимативные требования, суть которых заключалась в следующем: признание существовавшего положения во владении «святыми местами», формальное обнародование фирмана о правах православной церкви, согласно Кучук-Кайнарджийскому договору, осуществление гарантий для будущего относительно поддержания прав православной церкви с тем, чтобы они не нарушались теми фирманами, которые издавались султаном в пользу католиков Франции. Меншиков потребовал отрешения от власти Фуада-паши, имевшего франкофильскую ориентацию. «Князь Меншиков, не довольствуясь отставкой Фуада-паши, потребовал от султана не только признания протектората русского царя над всеми христианами в Турции, но и права назначения греческого патриарха».¹ Больше того, Меншиков предъявил еще требование султану, сводившееся к тому, чтобы он заключил тайный договор с Россией. В плане чрезвычайного посольства Меншикова, как мы видим, стояла задача установления над Турцией царского протектората.

Английский и французский послы всячески противодействовали планам и намерениям Меншикова. Турция под давлением Англии и Франции отклонила ультимативные требования царской России. Меншиков применял по отношению к султану угрозы и запугивания. «Если Высокая Порта сочтет нужным ответить отказом,— писал Меншиков в своем ультиматуме,— то император будет вынужден усмотреть в этом акте недостаток уважения к своей особе и к России». Он требовал «блистательного удовлетворения» всех предъявленных султану требований. Меншиков угрожал отъездом, если султан не передаст обратно от католического патриарха ключи от главных дверей Вифлеемской церкви.

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. IX, стр. 371.

«Отказ Турции,—заявил Меншиков,—дать гарантию православной вере создает для императорского правительства необходимость отныне искать этих гарантий в ее собственной силе». Не получив гарантий в удовлетворении предъявленных ультимативных требований, Меншиков 21 мая 1853 г. срочно выехал из Константинополя. Дипломатическая война перерастала свои обычные рамки. Затевалась новая, в своем начале, еще только русско-турецкая, война. Англия открыто заявила о готовности держав поддержать Турцию в ее предстоящем столкновении с Россией. Английский военный флот был стянут к проливам и был наготове.

Глава третья

Вскоре после отъезда Меншикова из Константинополя царские войска (2 июля н. ст. 1853 г.) перешли границу у реки Прут с тем, чтобы оккупировать придунайские княжества. Этот факт означал начало новой захватнической войны царской России, хотя последняя «с самого начала заявила, что в ее виды вовсе не входит присоединение княжеств: она лишь хочет сохранить их в качестве «материальной гарантии» удовлетворения ее требований».¹ Оккупация этих княжеств создавала, таким образом, состояние войны, а не «залог», не «временную побудительную меру», как старался уверить западноевропейские державы министр иностранных дел России Нессельроде. И эти дипломатические увертки наиболее рельефно выступали в манифесте Николая I от 14 июня 1853 г. «О движении российских войск в придунайские княжества».² В нем указывалось «любезным подданным», «что защита православия была искони обетом блаженных предков наших», что исходя из того, что султан «вероломно нарушил» свои торжественные обещания и торжественные трактаты, как то «достославный Кайнарджийский договор»,— необходимо было занять княжества с тем, чтобы иметь их в руках как залог.

«Не завоевания ищем мы: в них Россия не нуждается. Мы ищем удовлетворения справедливого права,

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. X, стр. 49.

² Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе, т. XXVIII, отдел первый, 1853, 26905—27827. СПб. 1854.

столь явно нарушенного. Мы и теперь готовы остановить движение наших войск, если Оттоманская Порта обяжется свято соблюдать неприкосновенность православной церкви. Но если упорство и ослепление хотя бы противного, тогда, призвав бога на помощь, ему предоставим решить спор наш, и с полной надеждой на всемогущую десницу пойдем вперед — за веру православную».¹

Этот манифест и многочисленные дипломатические документы Нессельроде, объяснявшие, что оккупация — не война, а залог, побудительная мера, рассматривались весьма серьезно на Венской конференции представителей Англии, Франции, Австрии и Пруссии по «восточному вопросу». Эта конференция делала попытки дипломатическим путем уговорить Россию в необходимости эвакуации Валахии и Молдавии. Успехи дипломатии были незначительны. Дальше слов дело не пошло. Царская Россия слишком была уверена в своем могуществе и в содействии своих союзников (Австрии, которой была оказана помощь в 1848—1849 гг., и Пруссии, которая верила еще в мощь России) в предстоящих военных действиях.

Русская армия, оккупировав придунайские княжества, заняла оборонительное положение. Но это не могло хоть в какой-либо мере приостановить фактическое начало войны, еще более широкое развязывание противоречий, особенно на Ближнем Востоке. Недаром граф Орлов, виднейший дипломат тогдашней России, воскликнул по поводу оккупации придунайских княжеств: «Это — война!»

Международная обстановка была крайне осложнена. Английские агенты возбуждали горцев Кавказа к усиленной борьбе с Россией. Военный флот Англии и

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе, т. XXVIII, отдел первый, 1853, 26905—27827. Спб. 1854.

Франции готов был уничтожить весь черноморский флот, снести все прибрежные военные укрепления. Напряженное положение было и на Дунае, где турецкие войска, побуждаемые английскими офицерами, тревожили русскую армию. Из недр Азии собирались на «священную» войну орды башибузуков и египтян. Черкесы угрожали всей линии военных укреплений царской России на черноморском побережье. Грозный Шамиль — руководитель борьбы горцев северо-восточного Кавказа за независимость — делал отчаянные попытки соединиться с черкесами. Турецкие агенты сеяли семена раздора, возбуждая народы Закавказья. В Грузии, Мингрелии, Абхазии провоцировались восстания против России.

Султанская Турция, подстрекаемая Англией и подбадриваемая Францией, обратилась к России со специальным манифестом, в котором выражалась надежда на очищение придунайских княжеств. В случае отказа Турция угрожала официальным объявлением войны России.

4 октября (н. ст.) 1853 г. турецкое правительство объявило войну России, после чего вскоре открылись военные действия на Дунайском театре, на Кавказе и Черном море, что сопровождалось одновременным прибытием английской военной эскадры в Босфорский пролив.

Николай I взял назад все уступки, воскликнув: «Теперь ничего не остается, кроме войны до последней капли крови». В изданном манифесте «О войне с Оттоманской Портою» 20 октября (ст. ст.) 1853 г. население России извещалось о необходимости войны с «вероломным» и «закоснелым» в своем упорстве турецким правительством. «Россия вызвана на брань: ей остается — возложив упование на бога — прибегнуть к силе оружия, дабы понудить Порту к соблюдению трактатов и к удовлетворению за те оскорбления, коими отвечала она на самые умеренные наши требования и

на законную заботливость нашу о защите на Востоке православной веры, исповедуемой народом русским.

Мы твердо убеждены, что наши верноподданные соединят с нами теплые мольбы к всевышнему, да благословит десница его оружие, поднятое нами за святое и правое дело, находившее всегда ревностных поборников в наших благочестивых предках. На тя, господи, уповахом, да не постыдимся во веки!»¹

Эта война оценивалась Марксом и Энгельсом как новая захватническая война, прикрытая и с той и другой стороны религиозным флагом. Русско-турецкая война, начавшаяся на Дунае и на Кавказе, являлась войной религиозного фанатизма с обеих сторон, войной не на жизнь, а на смерть — для турок, войной традиционной жажды захватов — для русских.

Война на Дунайском и Кавказском театрах с каждым днем принимала все более широкие размеры. Омер-паша, командующий турецкой армией, первый начал настоящие военные действия. «Его обязанностью было произвести хотя-бы демонстрацию, которая бы доказывала действительное намерение силою оружия изгнать вторгшегося неприятеля с оттоманской территории».²

Турция, несмотря на свою поразительную отсталость и внутренние неурядицы, усиленно готовилась накануне войны к тому, чтобы, оттеснив Россию из придунайских княжеств, укрепить там свои позиции. В начале 1853 г. Турция на границах с Россией имела не более 20 тысяч человек. После объявления набора со всего магометанского населения и формирования башибузукских частей турецкая армия к июню 1853 г. возросла до 58 тысяч человек, достигнув к половине октября того же года 143 тысяч. К моменту соприкосновения с армией царской России Омер-Паша,

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе, т. XXVIII, отдел первый, 1853, СПб. 1854.

² Маркс и Энгельс. Соч., т. IX, стр. 553.

получивший европейское образование, «весьма талантливый, но осторожный и нерешительный военачальник» располагал на Дунае, от устья до Видина, 80 тысячами человек, в Шумле — 40 тысячами, в Варне и проходах — 8 тысячами, у проходов через Балканы — 15 тысячами, в Константинополе — 15 тысячами, и 10 тысяч человек были размещены в остальных пунктах Европейской Турции. Главная квартира командующего турецкими войсками находилась в Шумле.

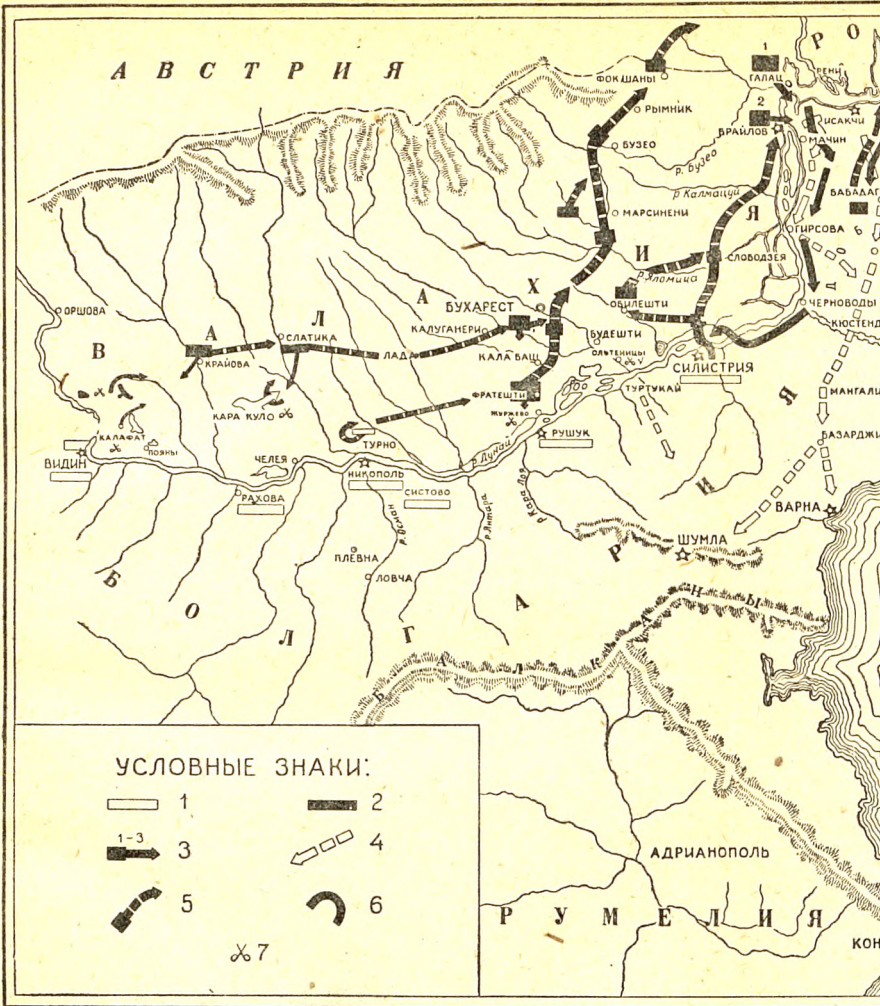
Русская армия под командованием князя Горчакова (неспособного и бездарного полководца) состояла из четвертого корпуса (57 794 человека), значительной части пятого корпуса (21 809 человек), трех донских казачьих полков. Эта армия, в составе 81 841 человека, была сосредоточена у Леова и Скуляна. (См. карту военных действий на Дунае).

Между этими двумя армиями (которые по-настоящему к войне не были подготовлены) в первый месяц не происходило крупных сражений. Нерешительный Горчаков крайне медлил с наступлением, давал противоречивые приказы по армии: то наступать, то отступить, — что вносило страшную путаницу в боевую жизнь громадной армии. Омер-паша после обстрела русской флотилии на Дунае и ряда вылазок усилил натиск на русскую армию у Калафата, недалеко от Видина.¹

В результате турецкая армия заставила русских отступить от этого очень важного стратегического пункта. 31 октября 1853 г. турки зажгли Ольтениц, и русская армия, плохо снабжаемая боевыми припасами и руководимая бездарными генералами, вынуждена была отступить. В турецкой армии было много английских офицеров. Часть турецких войск была снабжена английским оружием. Достигнув успехов под Ольте-

¹ Зайончковский. Восточная война 1853—1856 гг. Т. II, ч. 2, 1913.

А В С Т Р И Я

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:

	1		2
	3		4
	5		6
- 7

Карта военных действий на Дунае

1 — турки; 2 — русские; 3 — переправа русской армии через Дунай; 4 — отход русских войск из дунайских княжеств; 5 — отход русских войск из дунайских княжеств; 6 — осада Силистрии;

ницей, Омер-паша не использовал их для дальнейшего своего продвижения. Омер-паша не верил в способность своих войск сражаться в открытом поле, поэтому и не развил дальнейших наступательных операций. «Моральный эффект битвы при Ольтенице был большим плюсом; но бездеятельность после победы продолжалась в течение девяти дней и кончилась, вследствие наступавших дождей, добровольным отступлением турок за Дунай».¹

Располагая большими резервами, русская армия сумела нанести ряд ударов туркам посредством многочисленных атак. Несмотря на слабость артиллерийского огня и недооценку сил своего противника, «доблесть русских войск»² была все же несомненным и бесспорным фактом.

Военные действия после Калафата и Ольтеница между двумя армиями шли с переменным успехом.

В этот период русская дипломатия попрежнему забрасывала кабинеты западноевропейских держав многочисленными нотами, «повидимому, только для того, чтобы доставить им невинное занятие, а себе — выигрыш во времени».³ Споры нет, что в этом случае русская дипломатия была опаснее русского генералитета: последний медлительно, вяло и неумело вел войну даже против своего слабого противника.

25 декабря (ст. ст.) Омер-паша, пользуясь пассивностью русского командования, перешел снова в наступление у селения Четати, где произошла битва. Обе стороны понесли большие потери. Турки потеряли убитыми и ранеными 3580 человек, русские — 2025 человек.

В марте русская армия, испытывая острую нужду в боевых средствах и продовольствии, вынуждена была отойти от Калафата еще дальше. Но одновременно

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. IX, стр. 567.

² Там же, стр. 566.

³ Там же, стр. 432.

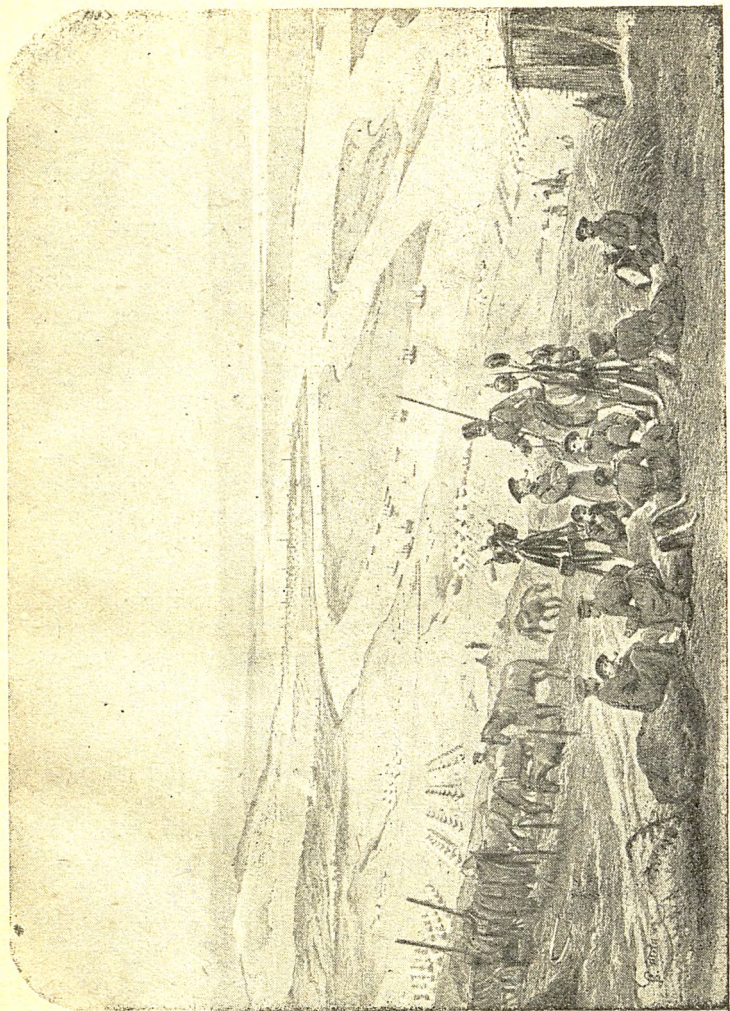
русские части переходили через Дунай у Браилова, Галаца и Измаила. Дано было указание приступить к более активным действиям, и в начале мая русская армия начала осаду крупнейшей турецкой крепости — Силистрии.

Переход русской армии к активным действиям на Дунае обусловлен был официальным вступлением Англии и Франции в войну против России. Это заставляло царя спешить. К Силистрии были стянуты крупные силы, и военные действия под стенами крепости приняли вскоре форму ожесточенных боев. «Атака Силистрии... является первым действительным продвижением русских вперед с тех пор, как они закончили оккупацию Дуная. Занятие Добруджи было блестящей оборонительной операцией; оно было одновременно и сокращением линии их фронта, и шагом к обеспечению за ними устьев Дуная. Атака Силистрии — не только смелое, но и в высшей степени правильно рассчитанное движение».¹ Сменивший Горчакова Паскевич, живший прошлой славой побед над Персией, тоже медлил и не учел всего стратегического значения Силистрии. Осада Силистрии Паскевичем велась варварскими приемами, без всякой системы. «Его нерешительность всем бросается в глаза». Осада Силистрии имела крупнейшее значение для исхода всей Дунайской кампании. Сама крепость Силистрия являлась прекрасным пунктом для предмостного укрепления на Дунае. Обладание Добруджей и Силистрией дало бы России «господство на Дунае и возможность, смотря по обстоятельствам, предпринимать быстрые наступательные действия либо со стороны Траянова вала, либо из Силистрии.

... Силистрия явилась бы выигрышем, оттеснение от Силистрии — почти проигрышем кампании».² Вот

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. X, стр. 68—69.

² Там же, стр. 70—71.

Общий вид Силистрии

почему между двумя армиями под Силистрией происходили ожесточенные схватки, доходившие до кровопролитных атак. Обе стороны несли громадные потери. Противники боролись с невероятным упорством и ожесточением. «Осада Силистрии, несомненно, с военной точки зрения — важнейшее событие с начала этой войны».¹ Следовательно, это важнейшее событие было поворотным пунктом в русско-турецкой кампании. Взятие Силистрии русской армией прочнейшим образом закрепило бы позиции России на Дунае, что крайне беспокоило Австрию, которая, забыв все услуги царского правительства в 1848—1849 гг., заняла позицию вооруженного нейтралитета, всей своей военной силой оказывая давление на Россию. Австрия угрожала, в случае отказа России очистить придунайские княжества, выставить к ее границам всю свою армию. Союзники Турции — Англия и Франция — всячески наускивали Австрию на Россию. Англо-французская армия на Дунае в количестве 50 тысяч человек могла бы в любой момент решить исход войны. Но этот «цвет армии» — 20 000 англичан и 30 000 французов — только кичился своей мнимой силой, боясь ввязаться в действительную войну. «Молодчики» Наполеона III трусили вступать в бой, а мечтали о легкой победе, которой трудно было ожидать на Дунайском театре войны, где холера производила ужасные опустошения в их рядах. «Тысячами они теряли солдат, которые даже и не видели врага; солдаты умирали, как мухи, в своем лагере».²

Под сильным дипломатическим, а затем военным напором Австрия заставила русских «прервать осаду и отказаться и от княжеств, и от Добруджи, и от всего похода».³ В ответ на это министр иностранных дел России Нессельроде в специальной ноте выразил

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. X, стр. 108.

² Там же, стр. 169.

³ Там же, стр. 169.

готовность эвакуировать войска из дунайских княжеств, но при условии, если союзники прекратят враждебные действия. В конце концов, Россия вынуждена была пойти на то, чтобы принять требование Австрии, которая, несмотря на свою слабость в экономическом и финансовом отношениях, несмотря на страх перед приближением русских к ее границам, решила под давлением Англии и Франции бросить на чашу весов все свое влияние, все свои силы. Сила Австрии в этот момент заключалась в ее выгодном географическом положении по отношению к России. Австрийская армия могла бы в любой момент зайти в тыл русской армии, ослабленной к тому же неудачами и поражениями в войне с Турцией. С последней Австрия заключила договор еще 8 июня (н. ст.) 1854 г., который и послужил формальным основанием занятия ею придунайских княжеств. Отход русских войск сопровождался немедленным занятием очищенной территории австрийской армией. Последняя буквально следовала по пятам русской армии. Военные действия на Дунайском театре закончились, и русская армия переместилась к Крымскому побережью и Черноморью.

**
*

Царская Россия издавна устремляла свои жадные взоры не только на устья Дуная (которые теперь пришлось под давлением Австрии очистить), но и на Кавказский перешеек, на сравнительно обширной территории которого велась длительная и упорная борьба с горскими народами. Кавказ для России имел громадное стратегическое и экономическое значение. «Обладание Кавказскими горами обеспечивает ей в то же время господство над Трапезундом, а благодаря ее господству на Каспийском море — и над северным побережьем Персии». ¹

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. IX, стр. 533.

После разгрома Персии в 1826—1828 гг. и превращения ее в вассала Россия развязала себе руки в систематическом, неуклонном своем продвижении на Кавказ. По Туркманчайскому договору (1828 г.) царская Россия являлась полным хозяином в северо-восточной части Кавказа и на Каспийском море, где Персия не имела права держать военный флот.

Война с Турцией в 1827—1829 гг. также закончилась успешно для России. Адрианопольский мир (1829 г.) не только подготовил захват Молдавии и Валахии Россией, но и санкционировал ее притязания на Кавказ. Турция отказалась в пользу России от протектората над черкесскими племенами северо-западного Кавказа. Царская Россия в целях своего упрочения на Кавказе вела в течение 50 лет Кавказскую войну с горцами. Теперь эта Кавказская война неизбежно сливалась с новой войной против Турции, поддерживаемой Англией и Францией.

Турецкая армия с самого начала войны, т. е. с октября 1853 г., нащупав слабые места России, повела наступление на закавказские провинции — Грузию, Имеретию, Мингрелию и Абхазию. Турецкий султан, используя общность мусульманской веры, послал свою агентуру на северо-восточный Кавказ, где Шамиль вел борьбу за независимость горцев против царизма еще с 30-х годов XIX века. Турецкие агенты действовали по заданиям Англии, которая боялась, что Россия станет хозяином на Кавказе. Английские агенты Бейль и Лонгворт еще задолго до войны 1853—1856 гг. изучили Кавказ и его линии укреплений. Английское правительство с «ревнивым недоверием», как писал французский «путешественник» Оммер де-Гель, смотрело на действия царской России на Кавказе. Оно всячески препятствовало успешному ходу Кавказской войны. Англия была заинтересована в том, чтобы Шамиль помог Турции в борьбе с Россией. Шамиль, получая письма от турецкого султана, тщательно обсу-

ждал их вместе со своими наибами. Шамиль, создав на территории северо-восточного Кавказа своеобразную государственную систему («имамат») с целым рядом военных, гражданских и социально-экономических преобразований, имел свои задачи и цели, т. е. отстаивать независимость в интересах мюридистского движения, в интересах широких узденческих (крестьянских) масс. И ему вовсе не улыбалась перспектива подчинения султану, который к тому же сам целиком и полностью зависел от Англии и Франции.

«По показаниям некоторых, хорошо знавших Шамиля, видно, что он не желал соединения с турками, так как по мусульманскому закону имамство его прекратилось бы с того момента, как он вступил бы в связь с единственным имамом правоверных — султаном. Имам допускается только там, где мусульманское племя, окруженное со всех сторон иноверцами, совершенно отделено от остальных мусульман».¹

Шамиль, «герой Кавказа»,² располагая собственными силами, наносил и без «помощи» турецкого султана сильные удары царизму, особенно в период подъема борьбы горцев за независимость. С конца 40-х годов Шамиль испытывал тяжелые затруднения. Внутри его государственной системы противоречия были настолько обострены, что почти все свое внимание (если не считать отдельных походов против царских войск) он уделял «решению» внутренних дел. Разложение родовой, военно-патриархальной демократии в связи с вызревaniem феодальных отношений крайне усложнило социально-экономическую жизнь внутри имамата. Разбогатевшие и офеодализовавшиеся наибы — помощники Шамиля — меньше всего думали о продолжении борьбы за независимость. Значительная часть их изменила Шамилю и перешла на сторону

¹ Дубровин. Обзор войн России от Петра Великого до наших дней, ч. IV, кн. 2, стр. 322. СПб. 1896.

² Герцен. Собр. соч., т. VII, стр. 113.

России, выговорив себе ряд привилегий. Не помогло Шамилю и применение чрезвычайных законов, по которым изменники предавались смертной казни.

Следовательно, несмотря на крайне благоприятную внешнюю обстановку, Шамиль не смог предпринять смелых и больших походов против царской России. Походы Шамиля в 1853 г. в Грузию и Кахетию не являлись крупными военными действиями, которые могли бы нанести ощутительные удары царским войскам и тем самым поднять престиж имамата в глазах горцев. Эти походы Шамиля нельзя было считать действиями, имевшими целью отстаивание независимости. Это скорее были грабительские походы. Магомет-Тагир, современник Шамиля, писал: «Много, очень много всякого добра было захвачено мюридами в этот раз... За пленных было уплачено так много денег, что Грузия надолго осталась без денег».¹

В силу опять-таки внутренних затруднений Шамиль не смог соединиться со своим эмиссаром — Мухаммед-Эмином, действовавшим от его имени среди черкесских племен на Черноморском побережье, на северо-западном Кавказе еще с конца 40-х годов. Мухаммед-Эмин ревностно проводил среди черкесских племен проповедь «священной» войны против царской России. Черкесы, возглавляемые Мухаммед-Эмином, вели непрерывную партизанскую борьбу против отдельных отрядов царской армии, особенно на Черноморском побережье. Для укрепления своего влияния Мухаммед-Эмин создал, по примеру Шамиля, своеобразную государственную систему в своем обширном наместстве. Он создал военные отряды, учредил особые суды, освободил частично рабов. В борьбе с черкесской аристократией Мухаммед-Эмин сумел добиться улучшения положения зависимых от нее сословий. Мухаммед-

¹ Магомет-Тагир. Три имама. Махач-кала, 1926, стр. 191.

Эмин пользовался большим авторитетом среди черкесских племен.

Во время войны 1853—1856 гг. царское правительство под натиском горцев упразднило все свои укрепленные пункты на берегу Черного моря. Черкесские племена мужественно отстаивали свою независимость. Несмотря на противодействие аристократии (державшей турецкую ориентацию) и постоянные интриги Англии (стремившейся использовать черкесские племена в качестве своего орудия в борьбе с Россией), Мухаммед-Эмин являлся одним из виднейших деятелей среди воинственных черкесских племен, который энергично проводил политику Шамиля. Несколько раз Мухаммед-Эмин пытался соединиться с войсками Шамиля, но черкесские князья всячески мешали ему во всем. Они мстили ему за то, что он отнял у них ряд привилегий и передал их народу. Борясь с феодалами, Мухаммед-Эмин ставил своей целью — соединить все кубанские племена в одно целое. Для этого он активизирует военные действия против царской России 1853—1856 гг. Мухаммед-Эмин в этот период предпринимает целый ряд набегов на линии русских укреплений.

Царское правительство было этим очень обеспокоено и вынуждено было держать в Черноморье значительные отряды для борьбы с черкесскими племенами. Мухаммед-Эмин пытался установить связи с повстанцами Абхазии, и тогда черкесы могли бы легко вторгнуться в пределы Крымского полуострова. В войне с Турцией, а затем с Англией и Францией у России были связаны руки — она еще не могла «справиться с кавказскими горцами».¹

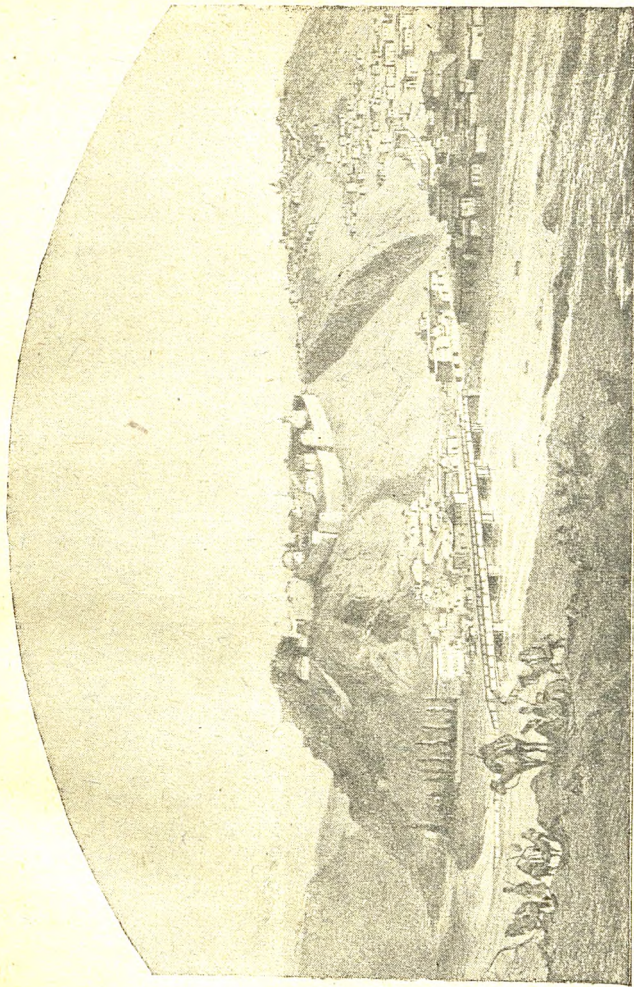
Этим обстоятельством воспользовалась Англия, которая заставила турецкого султана развернуть широкие военные действия в Закавказье, где русская гра-

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. IX, стр. 575.

ница была слабо укреплена. Перебросить войска с северо-восточного Кавказа Россия не могла, ибо там нужно было отражать постоянные вылазки горцев. Для борьбы с турецкими войсками с Кавказа были отправлены очень незначительные части, в частности из Закавказья, с Лезгинской линии. Русская армия в Закавказье испытывала острый недостаток во всем — в вооружении, боевых припасах и продовольствии. Английская разведка знала об этих уязвимых местах русской армии. Еще до объявления войны турецкая армия внезапно открыла действия и выбила русских из укрепления Николаевского поста.

Поражение войск царской России окрылило надежды местного мусульманского населения, которое повсеместно восставало и принимало участие в военных действиях на стороне турецкой армии. Последняя усиленно продвигалась по направлению к Боржому и Сурами. Командование русской армии, имея эту угрозу, сосредоточивало свои силы, готовилось к нанесению удара по противнику. Получив подкрепления, русская армия в бою 14 ноября 1853 г. нанесла сильное поражение туркам под Ахалцыхом. В ахалцыхском бою в рядах русской армии принимала участие осетинская милиция, охотники, пешая милиция Тифлисского и Горийского уездов. Не менее крупное поражение потерпели турки также и у Башкадыклара 19 ноября (ст.ст.) того же года. Турецкая армия терпела поражение за поражением, несмотря на то, что она находилась в более благоприятных условиях, чем русские войска, поскольку последним постоянно угрожала опасность со стороны Шамиля и Мухаммед-Эмина.

Причинами таких неуспешных действий турецкой армии следует считать, во-первых, крайнее раздробление сил на пространстве от Батуми до Баязета и, во-вторых, бездеятельность турецкого флота, позволившую русским высадить в Мингрелии две дивизии

Ахалых

пехоты и, таким образом, увеличить действующую Кавказскую армию почти до 200 000 человек.

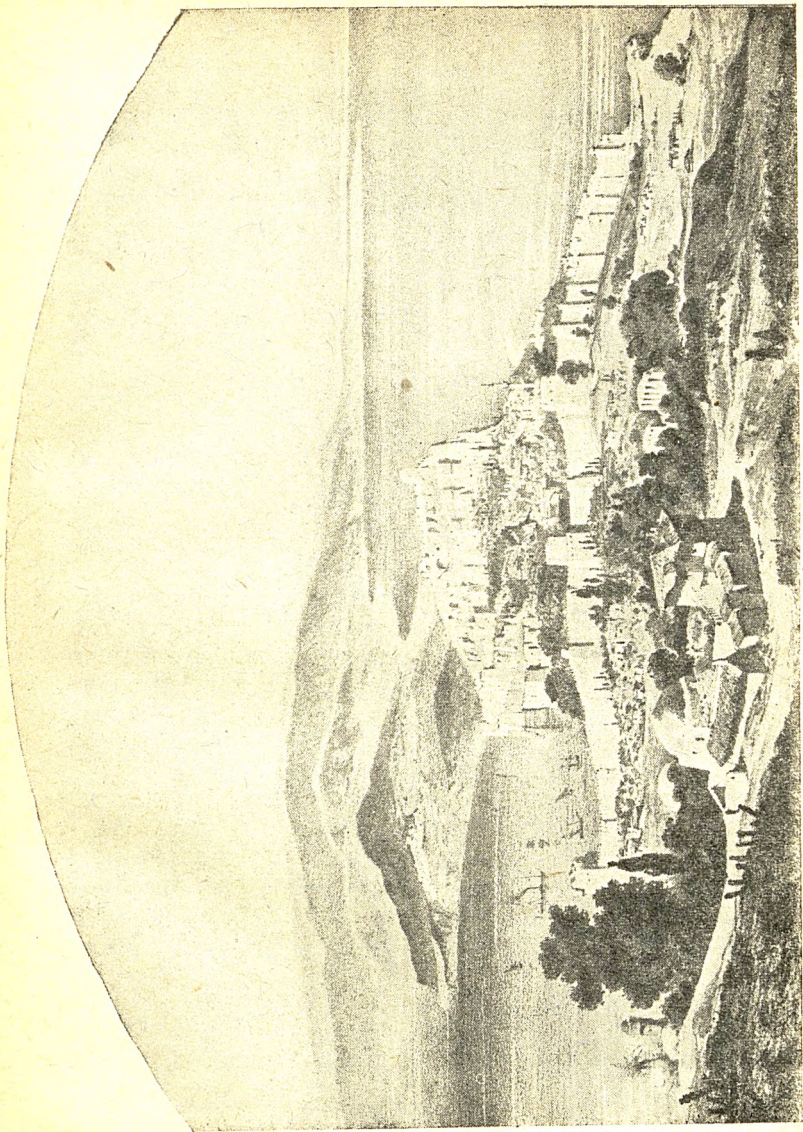
Громадное значение в поражении турецкой армии на суше сыграл русский Черноморский флот, который своими исключительно смелыми маневренными операциями парализовал действия противника на прибрежной полосе, не давая ему возможности высадить большие десанты. Завершением этих умелых операций русского Черноморского флота и явился разгром турецкого флота в Синопской бухте 30 ноября (н. ст.) 1853 г.

Вице-адмирал Нахимов (один из выдающихся создателей военного Черноморского флота), крейсируя у анатолийских берегов, заметил прикрывавшийся на синопском рейде турецкий военный флот. Немедленно начались приготовления для атаки. Была произведена рекогносцировка. От лазутчиков-греков получены были подробные донесения, что на синопском рейде находится отряд турецких судов с десантом, для доставления его с боевыми припасами на Кавказ. Турецкий флот состоял из 12 боевых единиц, в числе которых были фрегаты «Аунни-Аллах» и «Фазли-Аллах» (с 44 пушками), а также более крупные фрегаты «Навек-Бахр» и «Несими-Зефер» (с 60 пушками), 2 корвета и 2 парохода. Адмиралом эскадры являлся Осман-паша.

Нахимов не терял времени, дал приказ контр-адмиралу Новосильскому участвовать в атаке турецкого флота.

30 ноября (н. ст.) Нахимов с кораблями «Чесма», «Ростислав» и др., а также с присоединившимися к нему кораблями Новосильского, внезапно подошел к синопскому рейду, на расстоянии 250 саженей от неприятельских фрегатов бросил якорь и открыл ураганный огонь по береговым батареям и кораблям противника.¹ Боевые турецкие фрегаты были вскоре

¹ См. Русский вестник, 1872. Статья Сатина «Синоп».

Общий вид Синопского рейда

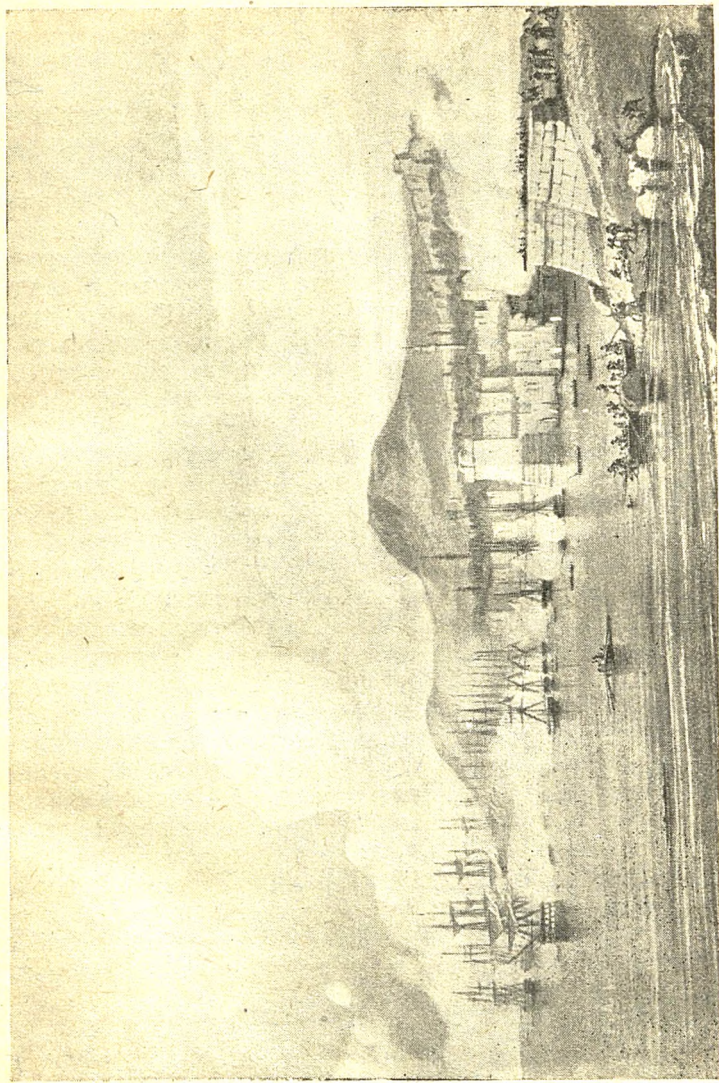
сожжены и взорваны на воздух. Жестокая канонада русских уничтожила почти весь турецкий флот за несколько часов. Береговые турецкие батареи получили сильный удар и вскоре умолкли. Город Синоп был объят пламенем. Оставшиеся турецкие корабли были взяты в плен вместе со всем флотским экипажем во главе с Осман-пашой. К Нахимову из Севастополя подошел Корнилов со своими пароходами. К северу на Синопском рейде не было ни одного турецкого судна. Турецкий флот теперь не угрожал России в черноморских водах. Нахимов одержал блестящую победу — «турки были вразумлены в Синопе».¹

Этот героический подвиг Нахимова нашел надлежащую оценку даже во враждебной английской печати, которая писала о «боевом порядке матросов» в этом удивительном деле, где «русские показали, что им известны все улучшения артиллерийского искусства». Сам Нахимов прекрасно знал морское дело, любил матросов, насаждал, в отличие от генералов Балтийского флота, боевой дух и отвагу среди экипажа Черноморского флота. Синопский бой, с его удачными маневренными операциями, смелой неожиданностью и удивительным хладнокровием в выполнении исключительно сложного задания со стороны как адмирала Нахимова, так и всего флотского экипажа, — вошел в историю русского военного флота как яркая, героическая, незабываемая страница.

После замечательного синопского боя вся эскадра вице-адмирала Нахимова 4 декабря (н. ст.) 1853 г. снялась с якоря синопского рейда; поврежденные корабли буксировались пароходами. Через два дня победоносная эскадра прибыла в Севастополь, где была встречена ликующим населением.²

¹ Газета «Кавказ», 1853, № 95.

² Материалы для истории Крымской войны, вып. I, стр. 180.

Разгром турецкого флота при Синопе

Разгром турецкого флота при Синопе вызвал большую тревогу в Англии и Франции. В результате синопской победы русский флот стал по существу полным хозяином в водах Черного моря. Следовательно, соотношение сил на море резко изменилось в пользу России. Недаром Наполеон III по этому поводу писал Николаю I, что «синопское дело внезапно заставило нас принять более определенное положение» и «грохот синопских пушек тяжело отозвался в сердцах всех».¹ После этого события Англия и Франция, боясь усиления царской России, начали усиленно готовиться к войне с Россией, особенно к ее разгрому в Черном море. Для этой цели англо-французский флот был введен 4 января (н. ст.) 1854 г. в черноморские воды. Затем последовал отзыв послов из Петербурга, а 27 и 28 марта (н. ст.) Англия и Франция объявили России войну. В своей декларации английское правительство обвиняло Николая I «в ничем не вызванной агрессии в отношении к Турции» и заявляло, что английское правительство вынуждено «во имя чести своей короны притти на помощь союзнику», т. е. Турции. С последней Англия и Франция еще 12 марта (н. ст.) 1854 г. подписали союзный трактат, который ставил своей задачей при содействии Англии и Франции «отбросить нападение, направленное императором всероссийским против владений Блистательной Порты». Для этой цели они, т. е. Англия и Франция, в помощь султану направляют к Константинополю «могущественные дивизии их морских сил».

Наполеон III в своей декларации, сделанной государственным секретарем от его имени в сенате и в законодательной палате, тоже обвинял Николая I в агрессии, хотя сам мечтал о военных авантюрах.

¹ Вестник Европы, 1886, т. II, стр. 238.

Вид Синопского рейда после разгрома турецкой эскадры

Его прельщала перспектива занятия столиц античного мира — Константинополя, Афин и Рима. «Великий Наполеон имел обыкновение занимать столицы современного мира. Наполеон Малый довольствуется театральной видимостью величия, рассеивает свои армии в мелких странах и загоняет лучшие части своих войск в тупики».¹ Таким тупиком для армии Наполеона III и оказались территории Турции и России, на которых и происходила так называемая Восточная война, расширившая рамки Русско-турецкой войны.

Восточная война приняла почти всеевропейский характер. В этой войне Маркс и Энгельс видели столкновение реакционных правительств. В ходе этой захватнической (с той и с другой стороны) войны наиболее рельефно обнаружилось реакционные планы французского императора (задушившего даже отголоски революций) и английского парламента, состоявшего из «представителей биржевых дельцов, магнатов промышленности и аристократов».² Внешняя политика как в Англии, так и во Франции направлялась, как в царской России, злейшими врагами революции.

Было бы ошибкой характеризовать войну против России как войну между свободой и деспотизмом. Прогнившая бонапартистская Франция и ожиревшая Англия (всегда душившая революцию) менее всего были способны на то, чтобы сознательно нести угнетенным народам мир и последовательно вести борьбу с деспотизмом. Внешняя политика Англии и Франции неразрывно была связана с кучкой буржуазных дельцов — представителями капиталистической наживы и биржевого шантажа. И это наиболее явственно выступало в захватнических и грабительских целях Восточной войны. Англия с первых же дней войны повела политику вытеснения России с Кавказа, Крымского

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. X, стр. 50.

² Маркс и Энгельс. Соч., т. IX, стр. 474.

побережья, с побережий Балтийского и Белого морей, а также с Камчатки и из близлежащих районов Средней Азии.

Военные действия, начавшиеся сразу в нескольких местах: на Дунае, в Закавказье, на Балтийском и Белом морях, на побережье Камчатки, имели целью расчленение владений Российской империи, экономическое и политическое развитие которой тормозилось преступной политикой Николая I и поддерживавших его крепостников, кричавших с безумным неистовством о необходимости захватов чужих территорий. «Государственная фура, — писал Герцен о реакционной, антинародной политике Николая I, — управляемая им, заехала по ступицу в снег, обледеневшие колеса перестали вертеться; сколько он ни бил своих кляч, фура не шла».¹

Царская Россия была побеждена Англией и Францией именно вследствие своей отсталости. Технически, экономически и даже дипломатически царская Россия к войне подготовлена не была. Придунайские княжества Россия, несмотря на длительное упорство, вынуждена была все же очистить под давлением своего бывшего союзника — Австрии, которая всячески была бранима и Николаем и Нессельроде за ее «черную измену», за ее «бесчестье и коварство» в деле «создания против России европейской лиги».² Имелось в виду также заключение Австрией с Англией и Францией союзного трактата, своим острием направленного против России. К Англии, Франции вскоре после вступления их в войну присоединилась и Сардиния. Россия стояла перед фактом европейской коалиции.

Нессельроде очень боялся экономической блокады. Не протянулась тогда ни одна рука и не возвысился

¹ Герцен. Собр. соч., т. IX, стр. 156.

² Красный архив, 1936, № 2. (Инструкция Нессельроде Орлову).

ни один голос в пользу Николая I. Попрежнему только Пруссия обязалась соблюдать нейтралитет. Россия, экономически отставшая от европейских буржуазных государств, очутилась в состоянии очень сложной войны почти на всех театрах военных действий. За неудачами на Дунае последовала затяжная война в Закавказье, где даже сопротивление слабой турецкой армии не было сразу сломлено, для чего потребовалось стягивание сил со всего Кавказа. Поражение турецкой армии под Нигоети 27 мая (ст. ст.) 1854 г., на реке Чорохе 3 июня того же года дало возможность России только лишь обезопасить Гурию и Мингрелию. После этих поражений турецкая армия расположилась так, чтобы охранить от возможных вторжений со стороны русской армии караванные пути, ведущие из Трапезунда, через Эрзерум и Баязет, в Тавриз. Турецкая армия была фактически вынуждена охранять интересы английской торговли от Трапезунда до Батума. Помимо экономического значения, эти пункты являлись весьма важными и для военных целей. «Батум является ключом театра военных действий и даже всей Азиатской Турции, потому что он господствует над единственно проходимым путем с берега во внутрь страны, — путем, которым можно обойти все турецкие позиции перед Эрзерумом».¹ (Подчеркнуто мною. — С. Б.). Борьба за Батуми и Карс во всем последующем ходе военных действий заняла центральное место.

После успешных действий русской армии под Кюрюк-даре (где летом 1854 г. была разбита наголову 60-тысячная турецкая армия) началась усиленная непрерывная борьба, с одной стороны, за Карс, крупнейшую турецкую цитадель, с другой стороны — за Батуми.

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. IX, стр. 555.

Общий вид Баязета

«Так как Батумская гавань — единственное надежное убежище для кораблей в восточной части Черного моря, то захват ее Россией лишил бы Турцию последней морской станции на Понте и превратил бы последний в исключительно русское море. Если бы Россия, наряду с Карсом — этой богатейшей и самой культурной частью Армении — овладела еще и Батумом, она была бы в состоянии прервать торговлю между Англией и Персией, идущую через Трапезунд, и создать себе операционную базу как против Англии, так и против Малой Азии». ¹

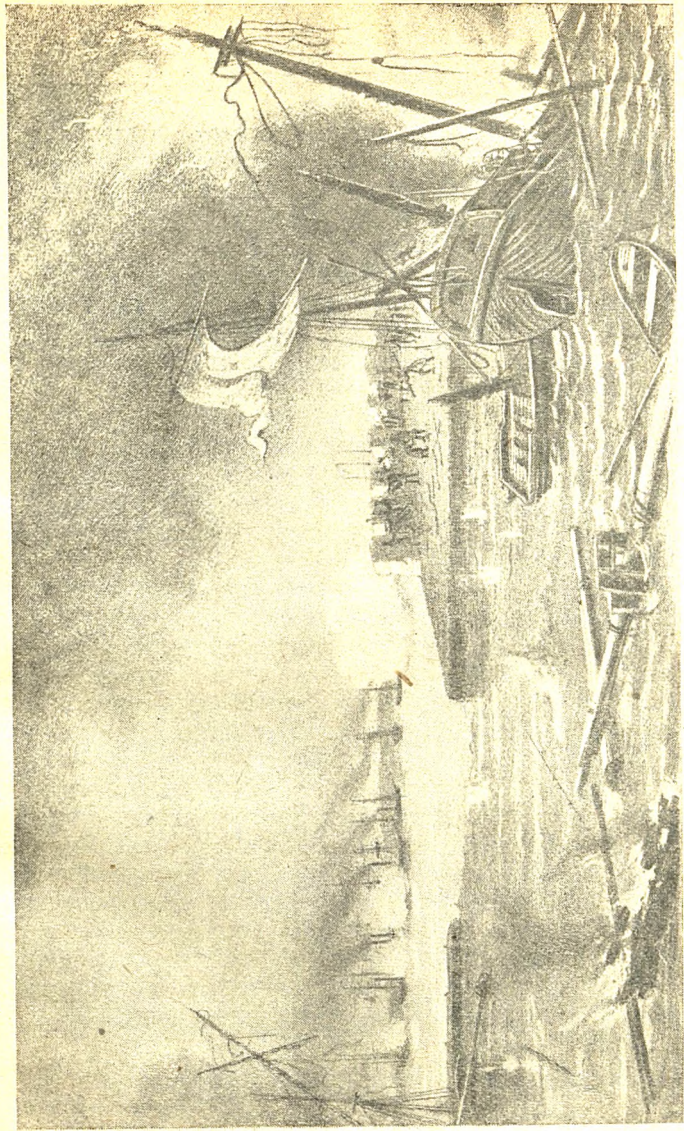
Недаром командование царской армии добивалось на этом театре военных действий «достижения решительных успехов», но осуществить это было не так легко, ибо берегами Черного моря мог овладеть лишь тот, в чьих руках находилось Черное море, где свободно крейсировал мощный англо-французский флот.

Английская эскадра состояла из 37 судов с 1329 орудиями, с экипажем в 13 918 человек. Значительная часть этого флота была технически высоко оснащена. В одной только английской эскадре мощность паровых машин равнялась 5859 лошадиных сил. Французская эскадра состояла почти из такого же количества боевых единиц, значительная часть которых управлялась не при помощи парусов (как в русском флоте), а при помощи пара ²

«Боевым судном в Крымскую войну, — писал Энгельс, — был деревянный двух- и трехпалубный корабль, имевший от 60 до 100 орудий; он двигался главным образом парусами и имел слабую паровую машину только для вспомогательной работы. На нем помещались преимущественно 32-фунтовые орудия весом в 50 центнеров, и лишь немного 68-фунтовых весом в 95 центнеров. К концу войны появились пло-

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. IX, стр. 400.

² Материалы для истории Крымской войны, вып. II, стр. 33—

Защита Одессы

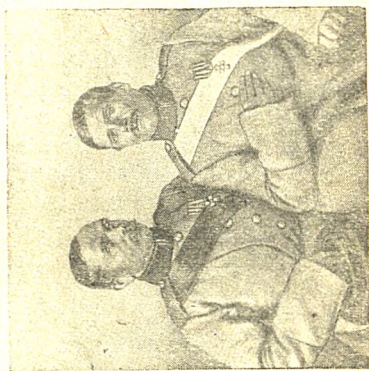
вучие батареи, одетые в железную броню, неповоротливые — почти неподвижные, но при тогдашней артиллерии — неуязвимые чудовища».¹

Россия в этом отношении сильно отставала от Англии и Франции, у которых имелась к тому времени крупная промышленность, без которой немислимо было создание мощного флота.

Англо-французский флот по своей технической и военной мощи во много раз превосходил Черноморский флот, который по количеству единиц равнялся одной только французской эскадре. И русский Черноморский флот не мог принять решающего сражения с соединенной англо-французской эскадрой, которая тоже крайне медлила с развертыванием военных морских операций и изредка выполняла лишь эпизодические нападения на прибрежные укрепления. Английские и французские суда от Батуми до Одессы производили, на ряду с диверсиями, очень тщательную реконгосцировку.

Союзники, проводя эти «сонливые операции» на Черном море, похвалялись тем, что они нанесли сильный удар противнику обстрелом мирного населения Одессы. В бомбардировке Одессы 22 апреля (н. ст.) 1854 г. со стороны союзного флота участвовало 19 кораблей, 10 пароходов-фрегатов и несколько канонерских лодок. 350 орудий с союзных кораблей подвергали жесточайшему обстрелу населенные кварталы Одессы. Союзники жгли город. Весь народ поднялся на его защиту. В боевую готовность приведен был весь наличный гарнизон войск. Установлены были батареи. Ценой громадного напряжения сил немногочисленный гарнизон Одессы вместе со всем населением отбил яростные атаки союзной эскадры. В обороне Одессы народ показал свои героические черты. Из среды гарнизона особенно выделялся своим военным

¹ Энгельс. Анти-Дюринг. ГИПЛ, 1938, стр. 141.

мужеством молодой офицер Щеголев. В итоге, русские отказались выполнить ультиматум союзников о выдаче всех «русских и иностранных судов», и союзная эскадра вынуждена была отказаться от высадки десанта и занятия города. По существу это было «скорее поражение, чем победа».¹

После этого флот союзников крейсировал по морю в поисках более легкого предприятия. Союзники при этом не раз пытались сблизиться с черкесскими племенами — с Мухаммед-Эмином и Шамилем. Последний готовился в это время к большому самостоятельному походу против царской армии. Английские агенты при помощи турок пытались сколотить 6-тысячный черкесский отряд с тем, чтобы отправить его в Крым для обеспечения высадки союзного десанта. Эта агентура, используя общность мусульманской веры между черкесами и турками, делала неоднократные попытки воссоединить Черкесию с Турцией под покровительством Англии. Но кавказские горцы, единоверные туркам, были очень мало воодушевлены перспективой присоединения к Турции. Особая роль в этом вопросе принадлежала эскадре под командой К. А. Лайонса: она ставила своей целью отбросить русские войска за Кубань, «в глубинные пункты Московии».

Французский адмирал Гамелен при проведении своих разрозненных морских операций был очень удивлен тем, что русский флот не выходит из Севастопольской бухты и не принимает боя: ведь этим блистательным делом он сразу мог бы получить легкую победу для Наполеона III.

«На самом деле, было бы странно ожидать, что более слабый русский флот покинет Севастополь для того, чтобы быть рассеянным и потопленным вдвое большим числом кораблей».²

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 34.

² Маркс и Энгельс. Соч., т. X, стр. 39.

Малоуспешные действия союзного флота в Черном море английское и французское командование пыталось компенсировать военными действиями в других пунктах Российской империи. В Балтийском море английская, а затем французская эскадры пытались разрушить важнейшие укрепления Кронштадта, Бомарзунда и Свеаборга.

Английский адмирал Непир развернул свои военные операции в Балтийском море, где русский флот был гораздо слабее, чем в Черном море. В Балтийском флоте, в отличие от Черноморского, все было рассчитано только на внешний парадный эффект для царя. О Балтийском флоте, состоявшем из 24 новых и 7 запасных линейных парусных кораблей, один из великих князей отзывался как об эскадре, которая вряд ли может «принести пользу». На этих кораблях устаревших конструкций «многие орудия даже при первой стрельбе разрывались». В водах Балтийского моря у России не было ни одного парового линейного корабля.

Английская эскадра воспользовалась этим обстоятельством и поставила своей задачей занять Кронштадт — ключ «русского государства, овладение которым сделало бы Петербург беззащитным». ¹ 17 английских винтовых кораблей и 25 пароходов, введенные в Балтийское море, представляли для Российской империи большую опасность. Русский флот был совершенно беспомощен в отражении вооруженного до зубов противника. 25 июля (н. ст.) 1854 г. русская крепость Свеаборг подверглась сильной бомбардировке. 15 августа (н. ст.) английский десант взял крепость Бомарзунд, но дальше дело не пошло. Между английским и французским командованием шли непрерывные распри о первенстве нападения. Действия между французской и английской эскадрами были явно не согла-

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. IX, стр. 607.

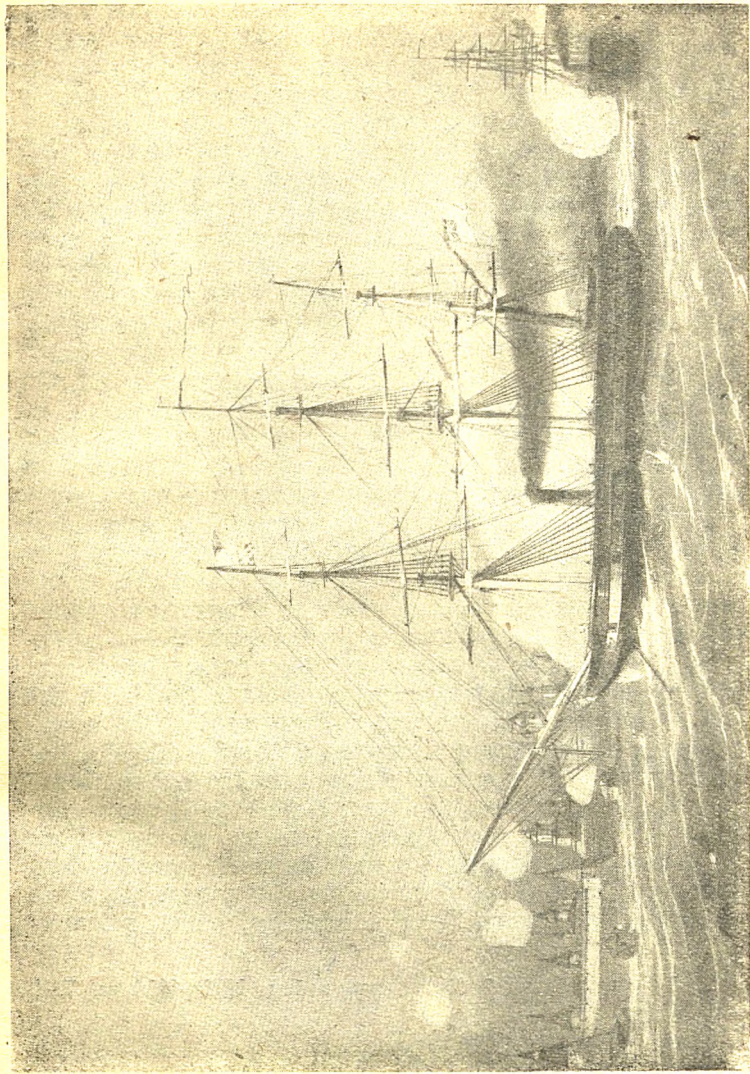
сованы. Английское общественное мнение требовало, чтобы адмирал Непир не забывал о защите английских портов, которые совершенно не имели средств морской защиты: в английских портах оставались только лишь старые корабли.

Английское командование в Балтийском море, как и в Черном, отличалось нерешительностью, медлительностью. Адмирал Непир являл собой бездеятельную фигуру. «У него нет никаких планов, — писал английский командир, близкий к Непиру, — никакой системы. Он действует исключительно под влиянием минутного впечатления». У Непира не было и войск для десанта. При этом небольшие гарнизоны русских морских крепостей оказывали упорное сопротивление и тем самым сводили на-нет морские проделки Непира.¹ Без значительного десанта английский флот даже небольшие победы закрепить не мог. Французская эскадра, вместо того чтобы помочь англичанам, самым жалким образом ковыляла позади.

В течение всего летнего сезона 1854 г. англо-французский флот ни на Балтийском ни на Черном морях не осуществил ничего, что заслуживало бы внимания с точки зрения военной науки, хотя все эти «победоносные» эскадры поглотили большое количество денег и людей. Для того чтобы обезопасить Петербург, Ревель, Ригу и Гельсингфорс, русская армия в этих пунктах к 1855 г. возросла до 200 тысяч человек.

Для нанесения России решающего удара недостаточно было морских проделок Непира и ковыляния французского флота. Англо-французский флот не нашел для своих занятий в этой обстановке ничего лучшего, как ограбление местного русского и финского населения. Изо дня в день английские и французские матросы топили лодки финских рыбаков и совершали свои мародерские, грабительские налеты, что крайне

¹ См. Маркс и Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 38.

Бомбардировка Соловецкого монастыря английским пароходом (6—7 июля 1854 г.)

озлобляло местное население, которое вынуждено было вместе с воинскими частями отражать обнаглевших «королевских» и «бонапартистских молодчиков».

Английская эскадра проникла к Архангельску, к Соловецкому монастырю. Небольшие воинские части вместе с местным населением, которому было роздано оружие, отбили атаки английских судов. На английский ультиматум о безусловной сдаче в плен всего гарнизона Соловецкого монастыря настоятель ответил, что «гарнизона и коменданта в обители нет, а есть только инвалидная команда для собственной охраны, поэтому некому и сдаваться в плен». ¹ 19 июля (н. ст.) английская эскадра начала бомбардировать Соловецкий монастырь, со стен которого последовали ответные действия. Английской эскадре не удалось захватить богатую добычу в Соловецком монастыре, и, отойдя от Соловков, она начала грабить остров Кий и жечь селения.

Аналогичного рода попытки англичан и французов имели место и на камчатском побережье: Англия и там боялась укрепления России. Еще осенью 1853 г. для защиты устья Амура и берегов Камчатки были посланы русские фрегаты «Диана» и «Паллада», корвет «Оливуца», шхуна «Восток» и транспорты «Князь Меншиков» и «Двина». Англия установила специальную слежку за этой небольшой русской эскадрой еще задолго до объявления войны. Адмиралу Прейсу поручено было следовать за эскадрой. После объявления войны к английским судам присоединился отряд французских кораблей под командованием де-Пуанта. Союзная эскадра, в составе восьми судов, вооруженных 258 орудиями, поставила своей задачей уничтожить русские корабли. Но момент был упущен. Русские суда вскоре достигли Петропавловска, часть их при-

¹ Зайончковский. Восточная война, 1853—1856 гг. Т. II, ч. 2, стр. 1247.

соединилась к отряду адмирала Путятина, которому было поручено охранять устья Амура. С прибытием эскадры у Петропавловска начали возводить укрепления, устанавливая батареи. Вследствие немногочисленности военных частей на берег были высажены команды судов, вооружено было местное население.

Англо-французская эскадра 20 августа (ст. ст.) 1854 г. сделала первое нападение на Петропавловск. По русским батареям был открыт сильный огонь. Эта бомбардировка союзников была отражена дружной картечью со стороны русских. Масса населения приняла участие в борьбе с англичанами и французами, пытавшимися захватить важнейший пункт — Петропавловск.

26 августа (ст. ст.) союзники вынуждены были ни с чем отойти от берегов Камчатки. Английские суда направились к острову Ван-Кунену, а французские отплыли к Сан-Франциско. Весь 1854 г. так называемой Восточной войны (на Дунае, Кавказе, Черном, Балтийском, Белом и Беринговом морях) не дал союзникам ни «материальных приобретений», ни лавров военных побед. И самый план союзников — «запугать противника, рассеянного от Финляндии до Кавказа»,¹ — не удался. Правда, Николай I не знал, «где же начинается война: в Архангельске, в Петербурге, на Камчатке или в Крыму». И это крайне дезорганизовало командование царской армии.

Малоуспешные действия союзников вызвали бурные взрывы негодования «общественного мнения» в Англии и Франции, а главное — нервничала биржа, гримасничали промышленные магнаты и банкиры, грозя прекратить финансирование. Наполеон III напрягал последние усилия, чтобы ускорить приближение победоносного исхода войны для Франции. Для этого

¹ Материалы для истории Крымской войны, вып. II, стр. 242.

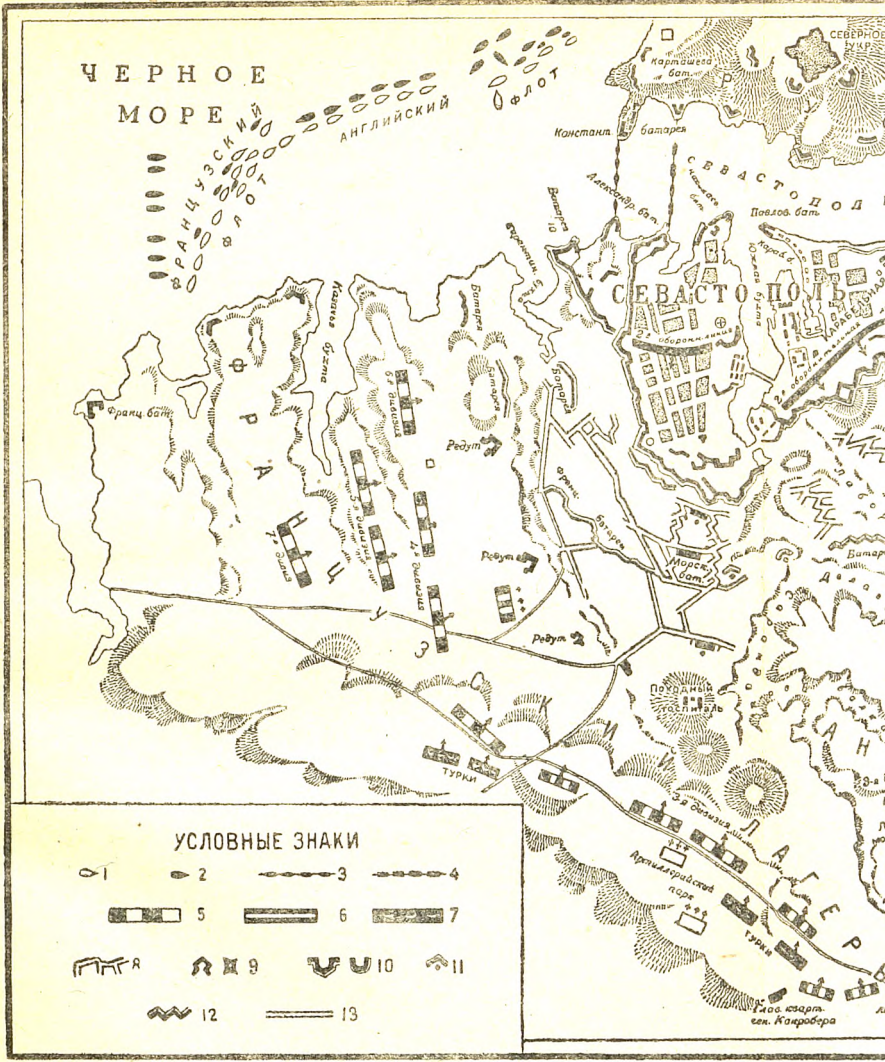
он рядился в тогу своего дяди, переписывал его воззвания и обращения к армии: «Солдаты и матросы Восточной армии! Вы еще не сражались, а уже успели приобрести блистательный успех... Солдаты! Имейте доверенность к вашему главнокомандующему и ко мне. Я бодрствую над вами и надеюсь с божиею помощью в скорое увидеть уменьшение ваших страданий и увеличение славы». ¹ Но эти прокламации при всем их пафосе не могли скрыть катастрофического состояния армии, которая вымирала от холеры в Галлиполи, Варне и других местах.

Английское и французское командование после целой полосы пререканий, ругани и раздоров приняло решение немедленно захватить Крымский полуостров, стрезать его от Южной России и поразить Россию занятием первоклассной и единственной русской крепости на Черном море — Севастополя. Для выполнения этого решения намечена была высадка громадного десанта в Крыму.

Успешный исход всей Восточной войны теперь уже зависел от исхода действий на Крымском побережье, от Крымской войны, или Крымской кампании.

14—18 сентября (н. ст.) 1854 г. мощная соединенная эскадра союзников высадила громадный десант близ Евпатории. Союзники высадили целый экспедиционный корпус. Факт этот превосходил все, что было известно тогда военной науке. В течение нескольких дней, в условиях крайне неблагоприятной погоды были высажены с английских кораблей 21 500 человек, 9 полевых батарей, осадный парк; с судов Франции — 30 000 человек, 12 полевых батарей и 65 осадных орудий. Помимо этого была высажена также шеститысячная турецкая армия. На крымском побережье союзники располагали теперь таким десантом, который превос-

¹ Материалы для истории Крымской войны, вып. II, стр. 243.

Крымская кампания

1 — корабли; 2 — пароходы; 3 — заграждения из затопленных русских кораблей; 4 — французские корабли; 5 — английские корабли; 6 — англичане; 7 — турки; 8 — траншеи; 9 — редут; 10 — форт; 11 — мина; 12 — железная проволока; 13 — двойная проволока.

Крымская война

ходил русскую армию не только в техническом отношении, но также и в количественном. В помощь этому громадному экспедиционному корпусу был придан весь флот, в составе 356 паровых и парусных судов. В 60 километрах от Севастополя теперь стояла грозная сила англо-французского десанта. Крепостная Россия и капиталистическая Европа стояли теперь перед фактом мучительного и кровавого состязания, решительного поединка. Захватывающий интерес и внимание мира были в Восточной войне прикованы отныне к Крымской кампании. (См. карту Крымской кампании).

Прологом этой схватки явилась битва 8/20 сентября 1854 г. на небольшой р. Альме, текущей с возвышенностей в окрестностях Бахчисарая в западном направлении и изливающей свои воды на Каламитский залив, между Севастополем и Евпаторией. Со стороны союзников в битве принимало участие свыше 60 тысяч человек (в том числе 28 тысяч французов, 28 тысяч англичан и 6 тысяч турок) против 30 тысяч русской пехоты и 6 тысяч кавалерии. Армия союзников вооружена была нарезными ружьями (системы Минье), стрелявшими свыше чем на 1000 шагов, и располагала технически усовершенствованной, благодаря большим успехам машинной индустрии и технических наук, артиллерией. Особенно выделялась английская полевая артиллерия, обладавшая лучшим в мире упрощенным материалом. Но и она имела весьма существенные недостатки: слишком разнообразна была по калибру и тяжести.

Все вооружение английского солдата «сделано из хорошего материала отличной выработки, но оно во многих случаях испорчено старомодными узаконениями. Старые, крупно-калиберные, гладко просверленные ружья хорошо сделаны, но они гораздо тяжелей, чем нужно».¹ Английские кавалеристы имели перво-

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. X, стр. 45.

классных лошадей, «но всадник и вооружение слишком тяжелы... Кавалерийские сабли хороши и их клинки более пригодны для рубки и колотья, чем в войсках континента».¹

Самым большим злом для английского солдата являлось обмундирование и общее снаряжение. «Высокий, узкий, твердый воротник вокруг шеи; тесная узкая куртка с фалдочками, плохо скроенные, неудобные, узкие штаны, гнусного вида шинели, отвратительное кепи или кивер, целая путаница ремней и поясов для ношения амуниции и портупей, какой нет даже в прусской армии».²

Английский солдат нес на себе груз по 60—70 фунтов. За недостаточное рвение, за проступки солдат получал от 50 до 150 ударов плеткой — девятихвостой кошкой. Наказуемого обнажали до пояса, привязывали к треугольной раме и наносили ему удары чрезвычайной силы. Уже с первых ударов кожа рассекалась до крови.

В английских частях отсутствовало единство в командовании. В дела армии вмешивались четыре различных министерства. Снаряжение выдается полковым командиром, шинели — артиллерийским ведомством; портупеями и ранцами снабжает главнокомандующий, а огнестрельным оружием — опять артиллерийское ведомство.

Армия и флот находились в постоянной вражде. В высших военных сферах царил бюрократизм, процветала торговля офицерскими должностями. Благодаря этому все высшие и военные посты в армии сохранялись почти исключительно за аристократией, за людьми, обладающими свободными деньгами. Этим, как указывает Энгельс, сильно сокращался круг способных людей, из среды которых рекрутировался офи-

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. X, стр. 45.

² Там же.

церский корпус. Среди английского офицерства господствовал дух корпоративности и замкнутости. Офицеры отличались вопиющей невежественностью. Английское командование не отличалось решительностью, смелостью и новаторством. Между английским командующим войсками лордом Рагланом и французским — Сент-Арно непрерывно шли споры, пререкания из-за славы и почестей.

Сен-Арно (настоящее же имя Жак ле-Руа), опытный пройдоха, рыцарь с промотанным имуществом, герой не от долга, а от неоплаченных долгов, имевший сомнительные связи с сомнительными учреждениями вечернего Парижа, — более всего подходил «для того, чтобы мошенническими интендантскими подрядами разрушить наилучшие войска, а потом военными глупостями в конце погубить их».¹ Любимейшим его девизом в жизни являлось правило — «выйду в отличия или сломаю себе шею». Получивший свое развитие в игорных притонах Лондона и сомнительных кафе Парижа, он, как говорит Энгельс, пригоден для того, чтобы посадить Наполеона в лужу. И этот гнусный насильник французской нации стоял во главе французской армии, которая имела громадный военный опыт, замечательную выучку и немногим уступала английской армии в технической оснащенности. Больше того, «французская артиллерия всегда стояла на высоком уровне. Почти все усовершенствования в артиллерийском деле за последние три или четыре века исходили от французов».² Пехота была снаряжена просто и рационально. Легкие войска являлись сильной стороной французской армии. Снаряжение французской армии в общем было первоклассным. Военные школы — в своем роде образцовы. Все это являлось наследием прошлого.

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 34.

² Маркс и Энгельс. Соч., т. X, стр. 621.

Бонапартистское правительство всячески льстило армии, развращало ее подачками, насаждало в ней элементы кастовой ограниченности. Наполеон III ловко использовал при этом предрассудки крестьянства, поощрял и поддерживал худших представителей этого класса, узаконял распущенность нравов в военной жизни. Солдат муштровался так, чтобы служить орудием бонапартизма. На военных доспехах этой армии зарабатывали спекулянты и промышленники капиталы в громадных размерах. Кучка этих тузов осуществляла грандиозные спекуляции. «Но в еще гораздо больших размерах развивались продажность и массовое хищничество лиц, группировавшихся вокруг императорского двора и извлекавших для себя крупный процент этого обогащения».¹

Эти нравы распространялись на армию, в которой на грабеж и мародерство смотрели сквозь пальцы. По поводу любви зуавов к грабежам маршал Сент-Арно писал в бюллетене о битве при Альме: «По истине, зуавы — лучшие во всем мире солдаты». Несмотря на все вопиющие недостатки и элементы гнилостности, англо-французские войска имели то преимущество перед русской армией, что они были высоко технически оснащены. Техника в армии и флоте решала успех этих армий.

В России громадная, миллионная армия была вооружена штуцерами, стрелявшими на 200 шагов, процент вероятного попадания в цель едва достигал 30. Штык на штуцере был приспособлен к тому, чтобы блеснуть на параде. Вся одежда была рассчитана на внешний парадный блеск. Армия больше чем на 96% состояла из неграмотных крепостных крестьян. Значительная часть офицерства не имела специального военного образования. Эта громадная армия была разбросана по обширной территории. «Россия, — писал Энгельс, —

¹ Энгельс. Введение к «Гражданской войне во Франции» К. Маркса. Партиздат, 1938, стр. 7.

по самому скромному исчислению имеет 72 000 000 жителей и должна была бы при норме в 5% выставить армию в 3 600 000 человек. В действительности же, ей никогда не удавалось собрать более полутора миллионов, считая регулярные и иррегулярные войска; из этого числа она могла выставить непосредственно против врага, вторгшегося в ее собственные пределы, максимум 1 миллион человек. Иными словами, вся совокупность ее военных сил никогда не превышала 2,5%, а активные войска—1 1/18 или 1,39%. Это объясняется весьма просто редким населением, которое раскинуто на огромных пространствах, отсутствием путей сообщения и ничтожностью национального производства».¹ (Подчеркнуто мною.— С. Б.).

Крепостная Россия являла собой отсталую страну в техническом, экономическом, военном и культурном отношениях. И Россия при господстве крепостного права не могла поднять своей военной силы с 2,3 до 5%, не произведя предварительно «полного переворота во всей своей внутренней социальной и политической организации и, особенно, в своем производстве»...² Россия была бита за свою отсталость капиталистическими странами. Только выносливость, громадный спыт, личное мужество русских солдат предотвратили полный разгром России и ее расчленение. В развернувшейся битве при Альме русская армия, плохо вооруженная, очень быстро сдавала свои позиции. Техническое превосходство союзной армии над русской решило исход битвы. На расстоянии трех миль от моря русские войска охвачены были с правого фланга французами, с левого — англичанами. Русское командование в лице престарелого, расслабленного князя Меншикова не приняло мер для более энергичной встречи противника.

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 460.

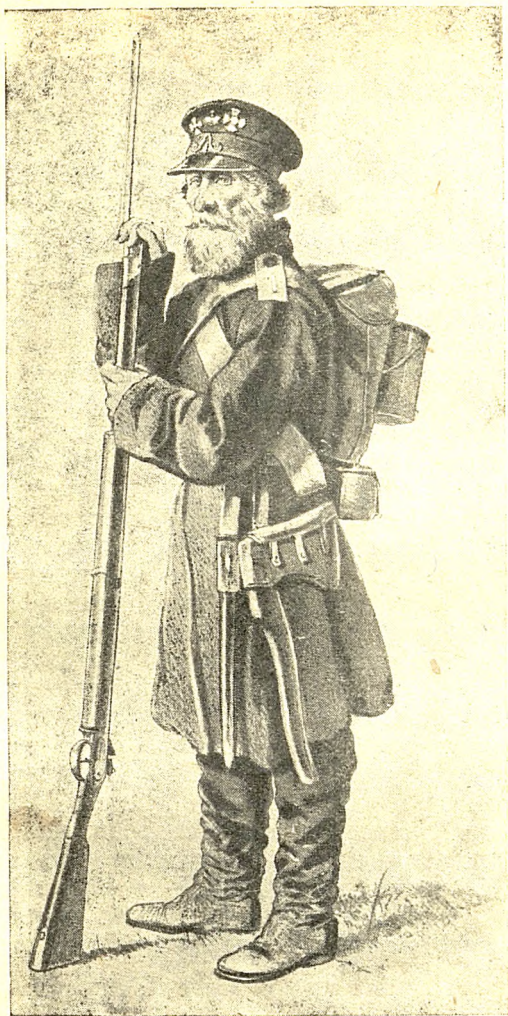
² Там же, стр. 462.

Русские сражались в глубоких и густых колоннах, англичане — в линии. Русские несли огромные потери от артиллерии противника, англичане же, даже от картечи, — очень небольшие. Энгельс неоднократно подчеркивал, что для наступления и для обороны на открытой местности линия обладает в известной мере значительными преимуществами перед колонной. При сильной растянутости русского фронта огонь английской пехоты оказался убийственно метким. Особенно он был губительным для глубоких колонн. Пули союзников по ним били почти без промаха. В результате очень скоро левое крыло русской армии было обойдено, а ее правое крыло сломлено. К чести русской армии надо сказать, что она из этой неблагоприятной обстановки сумела отступить в полном порядке. Прекращение битвы, отвод войск, увоз артиллерии и вообще все отступление произведено было весьма удовлетворительно. Все это вместе взятое делало больше чести русским, чем тактической победе союзных генералов, перессорившихся между собой из-за победных лавров. Последнее обстоятельство отняло у них самое лучшее время для наступления на Севастополь, путь к которому после битвы на Альме был открыт.

Как ни гордились союзные генералы победой на реке Альме, «им не пришло в голову после своих успехов войти в Севастополь немедленно и без сопротивления, с развевающимися знаменами и с военной музыкой».¹

Севастополь представлял собой одну из замечательнейших и удобнейших гаваней во всем мире. Громадный морской арсенал, с сильно укрепленными бастионами с моря, — Севастополь считался прекраснейшей стоянкой судов Черноморского флота. Севастопольская крепость являлась единственным в своем

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. X, стр. 178.

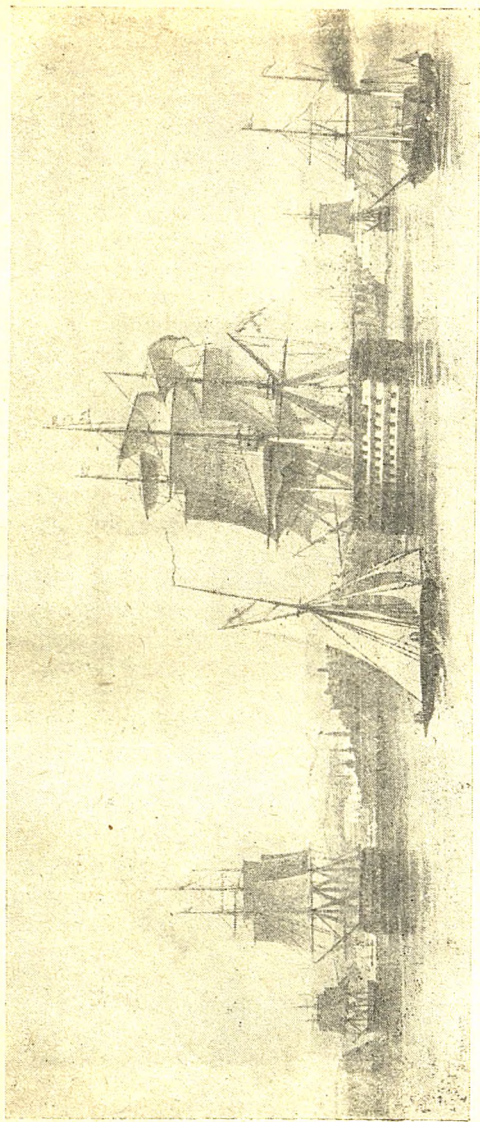

Ополченец времен Крымской войны

роде укрепленным пунктом стратегического значения, «не имевшим подобного себе в истории войны».¹ Однако с суши эта первоклассная крепость крепостной России оказалась совершенно не укрепленной. Это было известно союзникам через хорошо поставленный шпионаж. Английские газеты, зная о громадном стратегическом значении Севастополя, неустанно трубили о необходимости его взятия и предания его полному разрушению. Великие политические и стратегические цели войны — твердил английский «Таймс» — не будут достигнуты, пока не будут уничтожены Севастополь и русский Черноморский флот.

Севастопольский гарнизон в те дни, когда союзники ссорились и «тщательно» готовились к легкому маршу, лихорадочно готовился к встрече с врагом. Очень скоро были созданы укрепления на Малаховом кургане и в других частях Севастополя. Значительная часть флотского экипажа вошла в состав гарнизона. Лучшие представители командного состава флота — Корнилов, Нахимов, Истомин — создали все, что было в их силах, для ускоренного возведения системы укреплений Севастополя с суши. Нахимов был душой гарнизона, боевым и бесстрашным командиром, который не раз говорил: «Пора нам перестать считать себя помещиками, а матросов — крепостными людьми». Матросы и солдаты гарнизона глубоко уважали Нахимова, между тем, как командующего всей армией Меншикова, отступившего к Симферополю, называли «анафемой и князем изменшиковым». Меншиков не верил в силы севастопольского гарнизона. Настоящей деловой помощи этому героическому спаянному гарнизону Меншиков не оказывал, а если и делал это, так опять-таки медленно, инертно. На плечи гарнизона Севастополя в основном легла вся тяжесть борьбы

¹ Материалы для истории Крымской войны, вып. III, стр. 107.

Общий вид Севастополя

с грозным, технически оснащенным противником, не раз пытавшимся быстро и легко захватить крепость и с суши и с моря. Но благодаря героическим усилиям севастопольского гарнизона, союзникам эта легкая военная прогулка не удалась.

Судя по приготовлениям русских и по их темпераменту, можно было быть уверенным, что Севастополь «не будет взят без отчаянного сопротивления и ужасного кровопролития; кровавые подробности битвы при Альме, конечно, будут превзойдены в своем роде ужасами штурма».¹

Севастопольский гарнизон готовился к штурму, к отчаянной схватке с союзником. Часть кораблей Черноморского флота была затоплена в главной бухте, чтобы преградить доступ союзного флота к городу.

Союзники в этом пункте решили нанести могуществу России серьезный удар. Но начали они это дело медленно, с руганью между собой: «... пусть конец этого предприятия и будет достоин славы, начало его носило скорее позорный характер».²

Союзники двинули к Севастополю 600 судов, 60 тысяч солдат, три обоза осадной артиллерии, громадное число полевых орудий. Вся эта широковетельная экспедиция не имела научно разработанного военного плана. В начале октября Севастополь был обложен. Союзники заняли те самые позиции, которые только что очистил Меншиков. «С этого момента началась знаменитая осада Севастополя, а вместе с нею и новая стадия кампании»³ (Подчеркнуто мною. — С. Б.).

Грозная армада союзного флота и до зубов вооруженный десант начали 5 октября (ст. ст.) 1854 г. первую бомбардировку Севастополя. За очень короткий

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. X, стр. 179.

² Там же, стр. 167.

³ Там же, стр. 193.

Бомбардировка Севастополя англо-французским флотом 5 октября 1854 г.

срок союзники выпустили по городу и его укреплениям 8¹/₂ тысяч снарядов. Гарнизон понес сильные потери. Погиб начальник штаба Черноморского флота Корнилов; его последними словами было: «Не остав- ляйте же Севастополя!»

Несмотря на неоспоримое техническое превосходство, союзникам все же не удалось нанести решительный удар защитникам Севастополя. Русские батареи вскоре заставили замолчать артиллерию союзников. Защита русских сильно отрезвила победителей при Альме. На место каждого сбитого русского орудия в дело вводилось новое. Каждая амбразура, разрушенная в течение дня неприятельским огнем, восстанавливалась за ночь. 30-тысячный гарнизон, состоявший из флотского экипажа и воинских частей, боролся с замечательным упорством, мужеством и отвагой. Недаром Герцен уподоблял героический Севастополь храброй защите испанцами Сарагоссы. В представлении Герцена Севастополь являл собой «русскую Сарагоссу», «гигантский бой в Тавриде».¹

С точки зрения великого русского демократа Чернышевского, оборона Севастополя «занимает высокое место в летописях войны».²

Союзники вынуждены были считаться с упорством севастопольского гарнизона. Сотни солдат добровольно шли на выполнение опаснейших предприятий. И командующий английскими войсками лорд Раглан сознательно подменил очевидную цель похода на Севастополь фланговым маршем на Балаклаву, где стоял в бухте английский флот. Битва под Балаклавой 13 октября (ст. ст.) 1854 г. стоила союзникам около тысячи убитых и раненых и, вместе с тем, она показала уязвимые места английской «операционной базы»

¹ Герцен. Собр. соч., т. VIII, стр. 527.

² Чернышевский. Рассказ о Крымской войне, по Кин- флеку. 1934, стр. 336.

Крушение судов англо-французского флота близ Балаклавы 2 ноября 1854 г.

в Балаклаве — с суши. После этой, по существу проигранной англичанами битвы началось усиленное укрепление Балаклавы. По поводу балаклавской битвы Маркс и Энгельс писали: «Это был отказ от идеи атаковать крепость с северной, господствующей, стороны, где атака действительно только и могла бы иметь решающее значение, и это означало открытое признание экспедицией своей неспособности выполнить то, что она написала в своей программе: полное занятие Севастополя».¹ Севастополь оказался сильнее, чем предполагали союзники. Русские своим героизмом спасли военную честь на легендарных бастионах Севастополя.

«Какое бы событие ни увенчало эти операции, одно можно сказать с достоверностью: осада Севастополя не будет иметь равных себе в военной истории»² (Подчеркнуто мною. — С. Б.).

Непрерывными вылазками на линии союзных укреплений героические защитники Севастополя наносили ощутительные удары, постоянно беспокоя англичан и французов; ожидавших на Крымском побережье покоя и легких военных успехов, о чем пространно писалось в «прелестных» прокламациях Наполеона III.

24 октября (ст. ст.) 1854 г. произошло сражение под Инкерманом между русской армией под командованием Меншикова и союзными армиями. Русские войска, вследствие бездарности своих генералов, понесли тяжелые потери. Всего русские потеряли в этом «инкерманском побоище» около 10 500 солдат, что составляло 30% всего количества войск, участвовавших в сражении. Третья часть войск выбыла из строя и у союзников. Инкерманское сражение, по оценке военных писателей, было самым кровопролитным со времен битвы

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. X, стр. 185.

² Там же, стр. 189.

под Ватерлоо. «В этой битве обнаружилось, что на близком расстоянии пуля Минье имеет огромное преимущество над обычной ружейной пулей; последняя своим ударом может убить только одного человека, в то время как пуля Минье часто убивала четырех или пять человек и производила сильное действие на густые колонны русских». ¹

Следовательно, низкий уровень военной техники и отсталость военной выучки сыграли громадную роль в поражении русских под Инкерманом. Русский способ ведения боя не устоял против европейского. «Эта блестящая армия с ее старыми воинами, многие из которых носят оружие в течение двадцати пяти лет, — этот образец маршировки на парадах, — оказывается столь неповоротливой, столь неспособной к схваткам и к борьбе небольшими отрядами, что ее офицеры могут только бросать ее всю целиком, как единую тяжелую массу, на неприятеля. Отбрасывается всякая мысль о тактическом маневрировании: вперед, вперед, вперед, — это все, что можно делать. Эта густая масса тел, конечно, уже в силу своей компактности, представляла собой лучшую мишень, которой только мог бы пожелать для себя артиллерист; и в то время, как неплотные ряды британцев, залегшие за верхушкой холма, были защищены от огня, они залпами обстреливали густые колонны, убивая при каждом залпе тридцать, сорок человек и осыпая их градом пуль Минье, из которых вряд ли хоть одна могла не попасть в столь огромную мишень».²

Поразительная отсталость крепостной России сказывалась во всем. Военная отсталость России выступала всюду. Русская армия не могла нанести решающего удара по союзникам после того, как невиданная буря 2 ноября 1854 г. уничтожила значительную часть их

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. X, стр. 208.

² Там же, стр. 209—210.

флота. Убытки от этого стихийного бедствия союзниками исчислялись в 137 млн. франков. Меншиков медлил с развертыванием военных операций, ожидал подкреплений. Последние двигались из северных губерний пешим маршем. Большая часть их в Крым пришла после заключения мира.

Железных и шоссейных дорог на юге России не было. Проселочные дороги после дождя превращались в «океан грязи» и служили не столько средством соединения, сколько средством разобщения. Знаменитый хирург Пирогов с первым отрядом сестер милосердия ехал из Петербурга в Севастополь несколько месяцев. За больными и ранеными не было никакого ухода. По словам Пирогова, с ними обращались хуже, чем с собаками. В интендантствах царило казнокрадство. Все военные учреждения разъедены были язвами бюрократизма, взяточничества и преступной волокитой. Корпия, бинты, рубахи, предназначенные для лазаретов, поспешно разворовывались. Для больных нехватало даже хлеба. Кормили гнилыми сухарями. Сотни раненых умирали от заражения крови, от эпидемических заболеваний.

Не отрадней была картина и в лазаретах союзников, где также свирепствовали эпидемии, унося ежедневно в «лагерь смерти» по несколько сот человек. Медицинская помощь была поставлена отвратительно, особенно в английской армии, врачи которой находились в Константинополе, запасы медикаментов — в Варне, а больные — в Балаклаве. В еще более ужасных условиях находилась турецкая армия, с солдатами которой англичане и французы обращались с невероятной жестокостью. Итальянский солдат, перебежавший к русским, по этому поводу сообщил о тяжелой судьбе турецких солдат: «О турках только и слышно, что они у англичан в тяжелой работе и мрут, как мухи, от болезней, холода, а главное — от голода». Турецкая армия гибла во имя интересов англо-фран-

Вице-адмирал Владимир Алексеевич Корнилов

цузских бирж. Командующему турецкими войсками не разрешено было отправиться защищать свою крепость Карс, которой грозила серьезная опасность со стороны русских. Туркам на крымском побережье поручали вспомогательные работы под обстрелом неприятеля и отбитие диверсий со стороны русской армии.

Во время штурма русскими войсками Евпатории 5 февраля (ст. ст.) 1855 г. туркам поручено было выполнение самых тяжелых и опасных операций. Союзники берегли силы для занятия Севастополя, который с 28 марта по 6 апреля подвергся второй бомбардировке. Последняя осуществлялась и с моря и с суши. Ураганный огонь английской и французской артиллерии действовал безостановочно, со страшной силой смертоносного разрушения и уничтожения. Со стороны союзных батарей только за один день — 28 марта — было выпущено по Севастополю 34 000 снарядов, со стороны русских батарей — всего лишь 12 000 снарядов.

В последующие дни союзные батареи разрушали севастопольские укрепления, нанося им громадный урон, вырывая из их среды героических защитников. За время второй бомбардировки русские потеряли по сравнению с союзниками больше чем в три раза — 6130 человек. Англо-французы за эти страдные для Севастополя дни выпустили 166 000 снарядов и потеряли 1850 человек. Хотя этот штурм и ставил своей целью занятие Севастополя, но его результаты оказались ничтожными. Союзники никак не могли взять инициативу в свои руки. Все почти население Севастополя принимало участие в его защите. Много женщин, в их числе Даша Севастопольская, вместе с отважным Пироговым, оказывало помощь раненым под постоянной угрозой вражеской артиллерии.

Постоянные энергичные вылазки русских солдат крайне изнуряли и без того утомленного врага. Британская армия фактически уже начала разлагаться.

Множество перебежчиков искало спасения на русской стороне. Английское верховное командование заставляло солдат выполнять во имя «самодержавного капитала» невероятные военные операции по старым, рутинным правилам: «Пусть армия погибнет, лишь бы Севастополь был взят согласно «уставу ее величества».¹

Союзники под Севастополем завязли. Штурмы успешно отбивались защитниками крепости. Героизм севастопольцев был предметом удивления союзного командования. Командование основной русской армии в лице Меншикова, а затем — после смерти Николая I — Горчакова смотрело на помощь этому гарнизону как на досадное дело, неуспех которого грозил сделать их явными изменниками.

Основная армия русских, расположившаяся в районе Бахчисарая и Симферополя, не принимала постоянного участия в борьбе с англо-французскими войсками. Суровые лица солдат недоверчиво смотрели на начальство за то, что севастопольскому гарнизону не оказывается надлежащая помощь. Севастопольцы, героически отбивая яростные атаки союзных войск, верили в победу, в то, что им удастся отогнать англичан и французов со своей родной территории. После второго Севастопольского штурма часть союзной эскадры с 16 000 человек двинулась в Азовское море. Войдя в воды Азова, союзная эскадра предприняла ряд набегов на населенные пункты, уничтожила все запасы хлеба, сожгла ряд селений. Население Приазовья подверглось опустошительным действиям «цивилизованных» союзных войск, солдаты которых занимались безудержным грабежом и мародерством.

Осуществив эти диверсии, англо-французское командование начало снова усиленно готовиться к штурму Севастополя. Назначенный командующим фран-

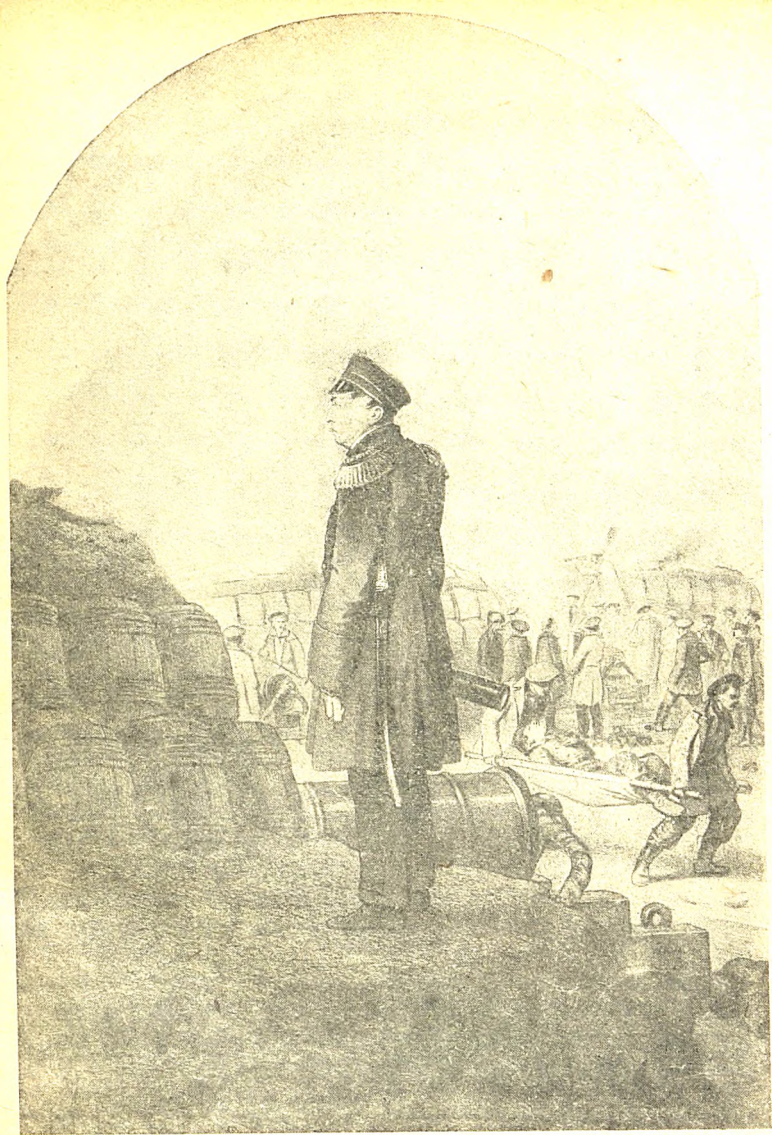
¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. X, стр. 187.

цузской армией генерал Пелисье, в отличие от умершего Сент-Арно, прошел суровую школу в Алжирской войне и отличался исключительной решительностью в осуществлении принятых военных планов. По его предложению была взята Керчь, связывающая Севастополь с южной Россией. Пелисье мечтал о полной блокаде Севастополя. Пелисье действовал быстро и энергично. В конце мая 1855 г. союзные батареи в третий раз предали разрушению Севастополь. Ими было выпущено снова 90 000 снарядов. И на этот раз атаки союзников, понесших громадные потери — почти 6 тысяч человек, были отбиты. Русские войска потеряли всего лишь 1147 человек. Герои Малахова Кургана, Четвертого бастиона (ключа от севастопольских укреплений) торжествовали после отбития и третьего штурма.

Английская и французская биржи снова занервничали, затревожились. Английский парламент и Наполеон III делали все, чтобы выйти любой ценой из затяжной захватнической войны, неудачи которой могли ускорить нарастание революционного движения в Европе.

«Преступление в кругах правящей касты, заносчивая беспомощность и бессилие последней, гибель цвета английской армии, распад старых партий, отсутствие большинства в палате общин, создание министерских коалиций на основе давно изжитых традиций, потребность в расходах на ведение европейской войны, совпадающей с ужасным торгово-промышленным кризисом, — все это достаточные симптомы, говорящие о предстоящем политическом и социальном перевороте в Великобритании».¹ Эти «достаточные симптомы» наиболее рельефно обнаруживались с каждой новой неудачей под стенами Севастополя. Надо было торопиться. Тяжелая союзная колесница войны, завязшая

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. X, стр. 306.

Адмирал Павел Степанович Нахимов

в горах Крыма, старательно выручалась золотом английского капитализма и усилением армий французского бонапартизма. К Севастополю прибывали свежие подкрепления, при помощи которых подготавливался четвертый по счету, невиданный обстрел русских позиций. Выдающийся инженер Тотлебен под страшным орудийным обстрелом руководил возведением и исправлением укреплений. Это был «безусловно самый знающий человек своего дела в настоящей осадной кампании».¹ Десятки, сотни героев — моряков, солдат и жителей города — выполняли напряженнейшую работу. Особо следует отметить героя Севастопольской обороны матроса Кошку. В этом лагере, как писал современник Севастопольской обороны, «все кипело, все надеялось, если не победить, то заслужить одобрение и признательность России».

С 5 по 6 июня (ст. ст.) защитники Севастополя, героическая горстка, ценой громадного напряжения отбивали штурм союзных войск, пополненных свежими силами и громадными техническими подкреплениями. Во время этого адского штурма, поразительно ярко зарисованного на замечательных полотнах Рубо, русская артиллерия в несколько раз уступала союзной даже в количественном отношении. В ответ на ураганный артиллерийский огонь англо-французских батарей, выпустивших за эти два дня 72 000 снарядов, русские «ответили» 19 000 снарядов! Запасы снарядов у русских иссякали, подвоз их был крайне затруднен отсутствием железных дорог: к Севастополю их подвозили на волах, которые при тогдашнем состоянии проселочных дорог преодолевали в течение часа всего-навсего лишь три версты в час.

Севастопольский гарнизон ощущал недостаток во всем. Севастополь сжимался со всех сторон плотным кольцом свежих англо-французских войск. Под руководством талантливой и обожаемого всеми защитника

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. X, стр. 649

Инженер-генерал Эдуард Иванович Тотлебен

Севастополя адмирала Нахимова отбивались яростные атаки французских войск, особенно наседавших на Малахов Курган. Последний за время четвертого штурма был залит кровью защищавшей и нападавшей сторон. Союзники за время этого двухдневного ожесточенного штурма потеряли до 2400 убитыми и 4600 ранеными. Потери гарнизона Севастополя были также велики. 28 июня, при отражении атаки французов на Малахов Курган, погиб Нахимов — душа обороны. Находясь постоянно среди войск, Нахимов — действительный герой — воодушевлял своими подвигами севастопольский гарнизон. И его смерть теперь, в самые критические дни Севастопольской обороны, была весьма тяжелой утратой. Тотлебен был серьезно ранен. Севастопольский гарнизон в августовские страданные дни остался без способнейших, уважаемых руководителей обороны.

4 августа (ст. ст.) 1855 г. командование русской армией решило перейти в наступление при реке Черной. Но бездарное командование погубило до 8000 солдат. Союзники при этом потеряли всего лишь 1800 человек. После этого крупного поражения союзникам было предписано во что бы то ни стало взять Севастополь. С 5 по 8 августа англо-французские части неустанно громили Севастополь из своих батарей. За эти дни пятого штурма они выпустили 56 500 снарядов. Ряд укреплений Севастополя оставался уже невозстановленным. Большинство зданий города было сожжено и повреждено. Непрерывные бомбардировки разрушали все — и укрепления и жилые дома. Опустошительный огонь врага был направлен на Малахов Курган — самую возвышенную и более всех выдававшуюся вперед точку. Англо-французские войска охватывали Малахов Курган смертоносным поясом. Почти все последующие 23 дня были для Севастополя временем смерти и разрушения. 300 неприятельских мортир и 800 орудий почти непрерывно действовали по

насыпям прицельно-разрывными снарядами. Со стороны гарнизона действовало 1200 орудий, но при отсутствии снарядов большая часть их молчала. Союзники давили севастопольский гарнизон губительным и опустошительным огнем усовершенствованных мортир. Насыпи отказывались прикрывать своих защитников, погибавших тысячами. Ежедневный урон гарнизона составлял в начале августа по 1500 человек, в последующие дни — по 1000 человек. С 5 по 28 августа 1855 г. всего выбыло из строя 30 тысяч человек.

Отражая грудью врага, севастопольский гарнизон остро чувствовал отсутствие Тотлебена, мастерски возводившего разрушенные укрепления, при котором «буквально сдвигались горы». Севастополь в августовские дни представлял собой полуразрушенный город, обгаренный кровью его защитников, которые не раз отбрасывали своими штыками противника.

С 24 августа (ст. ст.) союзные батареи непрерывным ураганным огнем обстреливали Севастополь, теперь уже представлявший «грудь обгорелых развалин». ¹ Сила смертоносного огня со стороны англо-французских батарей возрастала с каждым часом. За один день — 24 августа — они выпустили до 70 тысяч ядер и до 16 тысяч бомб и гранат.

Под прикрытием этого огня 27 августа густые колонны французских войск двинулись со всех сторон на Малахов Курган. Натиск французов отличался настойчивым стремлением занять легендарное укрепление. Одни штурмующие колонны французов состояли из 3300 человек отборных войск. Разрушив все укрепления Кургана, французские войска под командованием Боска вступили в рукопашный бой. То и дело на Кургане водружалось и сбивалось трехцветное французское знамя. Общие потери сторон достигли 23 тысяч,

¹ Русская старина, 1875, т. XIV (вспоминания Константинова. «Штурм Малахова Кургана»).

со стороны русских — 13 тысяч. Но вследствие не только технического, но и количественного превосходства французов русские вынуждены были оставить Курган. После этого защита Севастополя становилась невозможной. Военные части гарнизона немедленно начали подготовку к оставлению Севастополя. «Севастопольское войско, — писал Лев Толстой, — как море в зыбливую мрачную ночь, сливаясь, разливаясь и тревожно трепеща всей своей массой, колыхаясь у бухты по мосту и на Северной, медленно двигалось в непроницаемой темноте прочь от моста, на котором столько оно оставило храбрых братьев, — от места всего облитого его кровью — от места, 11 месяцев отстаиваемого от вдвое сильнейшего врага, и которое теперь велено было оставить без боя». ¹

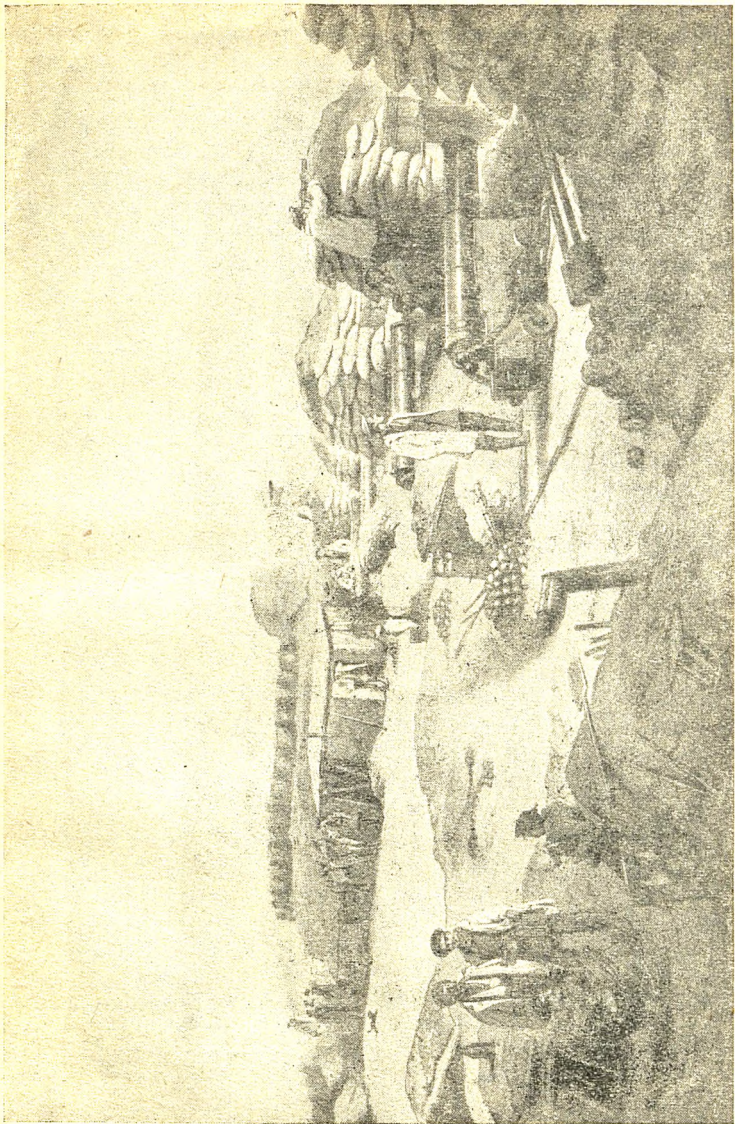
Переправа войск через бухту совершалась в темноте в ночь с 27 на 28 августа 1855 г. Оставленные орудия были все взорваны. Тридцать пять пороховых погребов один за другим взлетели на воздух.

«Утро 28 августа вполне открыло ужасную картину покинутого и преданного нами уничтожению Севастополя: его холмы пылали, как гигантский костер. Клубы черного дыма медленно поднимались над нами в недвижимом воздухе и соединялись в один колоссальный витой столб, прорезываемый порой огненными языками». ²

В ночь на 28 августа опущены были на дно морской бухты оставшиеся корабли: «Париж», «Храбрый», «Мария», «Константин», «Чесма», «Ягудиил» и фрегат «Кулевча». На третий день потоплены были пароходы: «Владимир», «Крым», «Херсонес», «Одесса», «Бессарабия», «Громоносец», «Эльбрус», «Дунай» и «Грозный».

¹ Л. Н. Толстой. Избранные рассказы. Гослитиздат, 1936, стр. 163.

² Русская старина, 1875, т. XIV (воспоминания Константинова).

Внутренний вид одной из батарей Малахова Кургана (5 октября 1854 г.)

Истощенный неприятель, потерявший при взятии одного только Малахова Кургана несколько тысяч человек, не препятствовал отходу русских войск, которые потеряли при переправе всего лишь несколько человек.

В разрушенный и окровавленный Севастополь англо-французские войска войти не решались. Они расположились лагерем близ этой «крымской Сарагоссы», героические защитники которой в течение 11 месяцев «умели умирать и не умели бежать перед смертью».¹

Лев Николаевич Толстой высоко оценивал героизм русских солдат; он сравнивал защитников Севастополя с «античными героями». «Не может быть, чтобы при мысли, что и вы в Севастополе, не проникло в душу вашу чувство такого же мужества, гордости и чтобы кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах».² То, что эти герои «в тяжелые времена не упали, а возвысились духом и с наслаждением готовились к смерти, не за город, а за родину, надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский».³

Герцен, так ненавидевший царизм, крепостничество, так любивший русский народ, высоко оценивал героев Севастополя, подчеркивая при этом «неисчерпанную мощь Руси», проявившей снова чудеса храбрости под стенами своей своеобразной Сарагоссы. Герцен подробно останавливается на этой «богатырской защите Севастополя». «Воздух 1612 и 1812 годов повеял в России при вести о неприятельском нашествии, и ни один человек не поверил турецко-крестовому походу

¹ Русская старина, 1875, т. XIV (воспоминания Константинова).

² Л. Н. Толстой. Избранные рассказы. Гослитиздат, 1936, стр. 38.

³ Там же, стр. 52—53.

за «просвещение и свободу».¹ Справедливость требует заметить, что у Герцена восхищение героизмом русских солдат под стенами легендарного Севастополя заслоняет действительное понимание Крымской войны — как войны захватнической.

Героизм и мужество севастопольского гарнизона нашли свое признание даже у французских и английских историков, которые писали, что русские солдаты, исполненные беззаветной храбрости, вели себя на бастионах точно так же, как прежде на своих кораблях. На Малаховом Кургане русские солдаты дрались, как львы, мужественно отражая бешеные атаки французских войск. «Изучая историю этой осады, — читаем мы в Британской энциклопедии, — не может не испытывать глубочайшего уважения к храбрости, дисциплине и настойчивой верности ее защитников».²

С падением Севастополя война теряла свой драматический захватывающий интерес. Англо-французские войска, расположившись возле Севастополя, не предпринимали больших и серьезных операций против русской армии под командованием Горчакова. Итти в глубь южной России означало для союзников потерю и без того ослабленной армии. Следовательно, с точки зрения стратегии, это было бы безумием. Союзная эскадра после падения Севастополя осуществила целый ряд вторжений в отдельные прибрежные пункты Азовского моря. Наиболее крупным нападением союзного флота следует считать Кинбурнскую операцию, которая была знаменательной еще и тем, что она являла первый пример применения броненосцев.

Помимо этого, в Закавказье и в Азиатской Турции русская армия под командованием Муравьева блокировала Карс. Карская цитадель была изолирована.

¹ Герцен. Собр. соч., т. VIII, стр. 286.

² Enc. Britannica. t. XIII.

Русское командование (особенно после падения Севастополя) напрягало последние силы, чтобы поправить военные дела. 16 ноября (ст.ст.) 1855 г. пала Карская крепость. Гарнизон вместе с английскими офицерами и турецкими пашами сдался в плен. Русское командование приняло из рук побежденных ключи от крепости и двенадцать турецких знамен. Все громадное имущество крепости передавалось русским.¹ Жители же Карса вверялись великодушию русского правительства, которое обещало им покровительство.

Падение Карса означало новый и вместе с тем последний поворот дел в Восточной войне.

27 августа и 16 ноября были последним завершающим этапом войны. После этого воюющие стороны прекращают фактические военные действия и переходят к дипломатическим переговорам. Воинствующие стороны сменили воинственные мечи на дипломатические перья. Вскоре было заключено перемирие, а затем последовала мирная конференция в Париже. От России уполномоченными являлись граф Орлов и Бруннов, от Англии — Кларендон и Каулей, от Франции — Валуевский и Буркенэ, от Австрии — Буоль Шауенштейн и Гюбнер, от Пруссии — Мантейфель, от Сардинии — Кавур и Вилла-Марина, от Турции — Эмин-Али-паша и Джемил-бей.

Царская Россия накануне конференции развила энергичную подготовительную работу. Нессельроде в особой инструкции наставлял Орлова использовать «противоречия интересов и стремлений наших противников».² Имелись в виду Англия и Франция: «Недостаточная заинтересованность Франции в содействии целям Англии,— назидательно писал Нессельроде Ор-

¹ См. «Акт о сдаче города и крепости Карса, составленный на основаниях, взаимно определенных главнокомандующим Кавказским корпусом Муравьевым и комиссаром ее величества королевы английской». Газета «Кавказ», 1855, № 100.

² Красный архив, 1936, № 2 (75), стр. 14.

лову,— преследуемым ею в Азии, а также открывающаяся для французского императора перспектива стать благодаря союзу твердой ногой на континенте, окажутся в руках наших уполномоченных в ходе конференции средством вызвать в политике Франции поворот, необходимый для того, чтобы Англия отказалась от своих воинственных замыслов».¹

Англия мечтала об очень широких планах унижения России. Английская дипломатия готовила для предъявления России целый ряд требований. Эти требования сводились к тому, чтобы Россия не восстанавливала укреплений на Аландских островах, не имела бы права возводить военные крепости и форты на побережье Черного моря. Черное и Азовское моря должны быть нейтральными морями, на побережье которых Россия должна была разрушить все оставшиеся укрепленные пункты. Особенно английская дипломатия настаивала на том, чтобы не существовало укреплений Николаева и Севастополя. Вся территория Кавказа (по Кубань), согласно требованиям Англии, должна была быть отторжена от российских владений. Установленные границы Бессарабии должны были быть перекроены в интересах Австрии, за счет опять-таки России.

Английская дипломатия стремилась всячески к тому, чтобы обессилить Россию, расчленив ее и превратить в придаток своей промышленной державы. Русской дипломатии пришлось всячески искать благосклонности Наполеона III, мечтавшего иметь влияние на европейские дела. Он считал себя призванным играть на конференции роль примирителя Англии и России. Возраставшее влияние Пруссии беспокоило Францию. Наполеон III мечтал ослабить Пруссию, и в этой перспективе ему нужна была Россия, как союз-

¹ Красный архив, 1936, № 2 (75), стр. 15 (к истории Парижского мира — документы).

ник в борьбе с Пруссией. И граф Валевский относился на конференции к России «не как враг, а как пособник».

Русская дипломатия одержала большую победу: роль Австрии и Пруссии на конференции была менее значительна, чем Франции. Пруссия в общем воспользовалась войной для того, чтобы увеличить свое внутреннее благосостояние. Положение турецкой делегации было самое незавидное. В результате переговоров конференция выработала текст мирного трактата, в котором, вследствие успехов русской дипломатии, условия побежденной стороны были не столь унижительны. Спесь английской дипломатии была значительно сбита. Этому способствовали обстоятельства, связанные с нарастанием революционного движения в Европе. Вот почему Англия и Франция при всех своих агрессивных желаниях не хотели серьезной победы над противником. Царизм нужен был как сторожевой пес для борьбы с революцией, которая поднимала свою голову и в Лондоне, и в Париже, и в Петербурге.

Согласно этому трактату, подписанному 30 марта (н. ст.) 1856 г., Россия «во имя бога всемогущего» возвращала Турции Карс. Союзники же возвращали, в свою очередь, Севастополь, Балаклаву, Камыш, Евпаторию, Керчь, Еникале, Кинбурн и др. Договаривающиеся европейские державы давали обязательство «уважать целостность империи Оттоманской». Черное море объявлялось нейтральным, открытым для торгового мореплавания всех народов. Россия и Турция не имели права заводить на берегах Черного моря никакого военно-морского арсенала. Россия не имела права держать военный флот в водах Черного моря. Последний пункт был проведен при настойчивом требовании английского посла. «Русский флот, ее самый страшный жупел, уничтожен по крайней мере на двадцать лет вперед в том месте, где его присутствие вызывало наибольшее беспокойство. Таким образом, свободная

торговля обеспечена Англии и впредь в Южной Азии и в Европейской Турции».¹ Новая пограничная черта в Бессарабии была проведена так, как этого требовала Англия. Требования Англии объявить Азовское море нейтральным и оттеснить Россию с Кавказа не были поддержаны Францией, которая не получила никаких территориальных приобретений. Военным и дипломатическим успехом Наполеон III укреплял свое место в европейских делах и внутри страны.

Турция не получила ничего от Парижского мира. Она оказалась еще более зависимой от Англии. Черкесский народ был предан Англией и Турцией. Сардиния за свое участие в войне получила три старые медные севастопольские пушки. Несмотря на то, что английские требования не вошли целиком в трактат, все же Англии этот мир давал больше, чем кому-либо, даже Франции. И недаром Пальмерстон назвал Парижский мир «хорошим, превосходным и выгодным».

В целом капиталистическая Европа, несмотря на элементы гнилости во Франции и Англии, оказалась победительницей над крепостнической Россией, перед которой неотвратимо стоял вопрос о необходимости отмены крепостного права. Крымская война поставила Россию перед испытанием: «... война произносит свой смертный приговор тем социальным учреждениям, которые не обладают больше жизненной силой».²

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. X, стр. 599.

² Там же, стр. 535.

Глава четвертая

Катастрофическое, невиданное поражение России в Крымской кампании «вскрыло гнилость ее социальной и политической системы».¹ Крымская война, писал Ленин, «показала гнилость и бессилие крепостной России».² (Подчеркнуто мною. — С. Б.).

Крепостнический строй был побежден капиталистическим. Палочная, военная дисциплина и организация, примитивная отсталая техника России оказались непригодными во время войны против передовых капиталистических стран (Англии и Франции) и привели, в конце концов, к безнадежной борьбе «нации с первобытными способами производства против наций с новейшими его формами».³ Командный состав николаевской России (генералы, офицеры) за некоторым исключением (в Черноморском флоте) был «невежествен и труслив». Вооружение армии и флота было в самом жалком состоянии. В военных учреждениях царил дух раболепия и чиновничества. Шел в гору тот, кто больше льстил, кто обладал большей «гибкостью» в выполнении буквы царских приказаний. В интендантствах хищение казенных денег достигало невероятных размеров. Артиллерийское и инженерное ведомства жили еще по правилам XVIII столетия. Военная отста-

¹ Маркс и Энгельс. Архив, т. III (VIII), стр. 281.

² Ленин. Собр. соч., 3-е изд., т. XV, стр. 143.

³ Маркс и Энгельс. Письма. Соцэкгиз, 1932, стр. 321.

дость России бросалась всем в глаза. Военные бюрократы во главе с «надменным» и «незабвенным» Николаем I за «блестящими отчетами» не видели и не хотели видеть этой поразительной технико-экономической военной отсталости. Они не видели и не могли видеть, вследствие своей классовой ограниченности, что «вся организация армии и способа борьбы, а вместе с ними победы и поражения оказываются зависящими от материальных, т. е. экономических, условий, от свойств людей и оружия, следовательно — от качества и количества населения и от развития техники».¹

В Российской империи не было развитой сети железных дорог. За исключением линий Москва — Петербург и Петербург — Варшава не существовало ни одной дороги. Южная Россия, Поволжье, Кавказ, Сибирь, Дальний Восток — эти громадные территории, на которых разместилось бы несколько «Европ», не имели ни одной железной дороги. Переброска военных снаряжений и войск встречала непреодолимые препятствия, особенно весной и осенью, когда обширные степные пространства России превращались в «океан грязи». Отсутствие железных и шоссейных дорог влекло за собой громадные непроизводительные расходы, которые ложились на плечи и без того разоренного, нищего крепостного крестьянства.

«Фактор неограниченных ресурсов,— как говорят английские историки,— оказался на стороне союзников. Они получали морем все, что им было нужно, в то время как пустынные пути южной России усеивались трупами людей и коней, направлявшихся в Севастополь».² Следовательно, отсутствие необходимой сети железных дорог (которая была немислима без крупной капиталистической промышленности) в крепостной России, огромное протяжение ее редко насе-

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 174.

² Britanica, t XIII.

ленной, бедной источниками снабжения территории — обернулись против самой же России, как только Николай I сосредоточил все свои военные силы в одной точке — Севастополе. «Южно-русские степи, которые должны были стать могилой для неприятеля, стали могилой для русских армий, которые Николай, со свойственной ему свирепой и глупой беспощадностью, одну за другой гнал в Крым, под конец даже в разгар зимы».¹ Наспех сколоченные, кое-как вооруженные и плохо снабженные войска теряли в походах до двух третей своего состава. От снежных метелей погибали целые батальоны. Курское, Орловское, Калужское и Тульское ополчения за пять месяцев походной жизни лишились около 50 процентов своего состава. Остатки этих войск теряли свои боевые качества и оказывались неспособными к сколько-нибудь серьезному наступлению. Потери войск в Крымской войне были невиданные: только за последние два года войны было убито 340 тысяч человек, т. е. столько же, сколько за все войны второй половины XVIII века. Только под Севастополем русские потеряли 102 670 человек. Российская империя до предела истощила не только военные силы, но и экономические ресурсы. Денежные расходы России на войну Мельхль определяет в 140 миллионов фунтов стерлингов, тогда как Англия и Франция на войну затратили всего лишь 162 миллиона фунтов стерлингов.²

Оборот внешней торговли (и без того медленно развивавшейся в условиях затяжного кризиса крепостного хозяйства) резко упал со 147 миллионов рублей в начале войны до 39 миллионов рублей в 1856 г. Торговая жизнь в портах Черного и Балтийского морей во время войны почти замерла. Финансовое хозяйство России очутилось в крайне тяжелом положе-

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 29.

² Enc. Britannica, t. XIII.

нии. Громадные расходы поглощали все доходы бюджета. В 1855 г. дефицит достигал 261 850 тысяч рублей (доходы равнялись 264 119 тыс. руб., расходы — 525 965 тыс. руб.¹).

Россия стояла на пороге банкротства. Кризис крепостного хозяйства достиг наивысшего предела. Широкие народные массы были придавлены тяжелыми, непосильными налогами. В народе зрело недовольство.

Война ускоряла назревание политического протеста, наступала полоса небывалого отрезвления. Колоссальные жертвы войны слишком сильно встряхнули русский народ. Крымская катастрофа ускоряла поворот дела в России — последняя с каждым днем становилась все более европейской страной. С возрастающей быстротой разлагались старые основы крепостного общества. Быстро развивалась и несовместимость царского абсолютизма с нарождавшимся новым обществом — рядом с дворянством появлялись буржуазно-демократические элементы — разночинцы. Появлялись оппозиционные партии, конституционные и революционные группы. Революция стучалась в двери острой империи.

«До Крымской войны никто не подозревал внутренней работы России: за немymi устами предполагали немой ум и немое сердце, а между тем мысли, посеянные 14 декабря, зрели, разъедали грудь и подтачивали незаметно дубовые ворота николаевского острога. Прежде, чем кончилась эта работа, стены ее треснули: их пробili ядра союзников. Скрытое, спертое брожение вырвалось наружу, неправильно забегаая,

¹ Очерки русской истории от Крымской войны до Берлинского трактата, т. II, стр. 33. Лейпциг.

останавливаясь, отклоняясь, но со всей мощью огненной силы».¹

Русский народ вступал в новую полосу своего развития. Оставляя позади трудный и страдальный путь своего «жестокоего воспитания», он вступал теперь в широкое русло совершеннолетия жизни, преисполненной сил и надежд.

Русский народ прекрасно понял необходимость перехода к новым формам жизни и собирался сказать свое веское слово о переустройстве внутренней жизни страны, которая, оттолкнувшись от кровавой севастьяпольской точки, очутилась в состоянии революционной ситуации, в состоянии бурного нарастания общественного движения по всей стране. «Для марксиста,— писал Ленин,— не подлежит сомнению, что революция невозможна без революционной ситуации, при чем не всякая революционная ситуация приводит к революции. Каковы, вообще говоря, признаки революционной ситуации? Мы наверное не ошибемся, если укажем следующие три главных признака: 1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых как всей обстановкой кризиса, так и самими «верхами», к самостоятельному историческому выступлению».²

¹ Герцен. Собр. соч., т. IX, стр. 400.

² Ленин. Собр. соч., 3-е изд., т. XVIII, стр. 244.

Эта «революционная ситуация» в России конца пятидесятых и начала шестидесятых годов протекала одновременно с оживлением демократического движения в Европе, ростом национально-освободительных движений (Италия, Балканские страны), нарастанием революционного движения во Франции. Рабочие Франции «... имели время выждать, когда представится случай, при котором условия общего характера и широко разлившееся недовольство всех других классов дадут им возможность снова взяться за свою революционную работу».¹ Пробуждалось и крестьянство Франции. Обманутое Наполеоном, оно прозревало не только благодаря голодовке, но и потому, что оно отдано на произвол солдатчины.

В Европе революционное движение шло по линии подготовки рождения самостоятельных пролетарских партий, организации международного товарищества рабочих — I Интернационала, который начал «сбирать полки» пролетариата, объединять «мир рабочих», «покидающий мир пользующихся без работы».²

В Европе существовала еще одна — шестая — держава, которая заставляет дрожать все пять. «Держава эта — Революция. Она долго держалась тихо и смиренно, но теперь кризис и голод зовут ее снова на поле битвы. От Манчестера до Рима, от Парижа до Варшавы и Будапешта — всюду чувствуется ее присутствие, всюду поднимает она голову и пробуждается от дремоты. Много различных симптомов вновь возрождающейся жизни; повсюду дают они себя знать в беспокойстве и возбуждении, охвативших пролетариат».³ Достаточно одного сигнала — и эта могучая держава выступит в блестящем вооружении. Все эти события всемирно-исторического значения в сильной мере вли-

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. IX, стр. 583.

² Ленин. Собр. соч., 3-е изд., т. XV, стр. 465.

³ Маркс и Энгельс. Соч., т. IX, стр. 608—609.

яли на развязывание и углубление сил народного возмущения России против самодержавия и крепостничества.

Российская империя вступала в такую полосу развития, когда наиболее рельефно обнаружилось гнило-стность и непригодность старого строя. Все заговорили о новых веяниях, переустройстве. Вся печать и все дворянство требовали политических реформ. С особой силой кризис политики господствующих классов обнаружился после падения Севастополя. Этот разгром открыл глаза даже самым ослепленным консерваторам и наглядно показал невозможность дальнейшего существования отживших форм средневековья — крепостничества. Этот кризис частично был осознан еще Николаем I — в первые месяцы осады Севастополя. Благословляя своего сына, Александра II, на престол, он сказал: «Сдаю тебе мою команду, но, к сожалению, не в таком порядке, как желал, оставляя тебе много трудов и забот».¹

После севастопольского разгрома жить по-старому становилось невозможным. «Дальше так жить нельзя» — стало общим чувством, общей мыслью. Дневники, записки, мемуары этих лет пестрят оценками этого кризиса. Валуев (вскоре ставший министром внутренних дел) выразительно писал: «Нынешнее устройство не благоприятствует развитию духовных и вещественных сил России — сверху блеск, снизу гниль».² Пагубное влияние этой системы, по мнению того же Валуева, доказано в достаточной мере и внешними неудачами (поражением в Крыму), и внутренними («всеобщее недоверие к нашим начальствам», «недостаточная стойкость в общем направлении умов» и даже «признаки безнадежности»)³.

¹ Татищев. Александр II. Т. I, стр. 140. СПб. 1903.

² Русская старина, 1891, кн. 5.

³ Там же.

В специальной записке¹ (составленной лицом, близким к правящим тогдашним кругам придворной камарильи) о внутреннем положении России в 1855 г. подчеркивался со всей силой факт «гласного ропота» на правительство со стороны недовольных. Помещики, обремененные долгами, склонны были «к зловредным внушениям». Недовольство по адресу правительства высказывается мелкими чиновниками, «доведенными войной до крайности». Учащиеся ведут себя «вольно», «воспалены возбуждениями от начитанных утопий Запада».

Провинциальное духовенство, по мнению автора этой записки, «тоже ненадежно». Крестьяне ведут себя «сомнительно», «верят слухам о хорошем царе». Автор все это «зло» приписывает влиянию Запада. Пропаганда с Запада с его «обаянием зловредных утопий проникла в быт. Дух времени ломает, рушит все. Против него нет преград, и человеческой силе не остановить его».²

Жить на этом вулкане становится все труднее и труднее.

С. М. Соловьев в своих «Записках» писал: «Мы были убеждены, что только бедствие и именно несчастная война могли произвести спасительный переворот, остановить дальнейшие гниение; мы были убеждены, что успех войны затянул бы еще крепче наши узы, окончательно утвердил бы казарменную систему; мы терзались известиями о неудачах, зная, что известия противоположные приводили бы нас в трепет».³

Поэт Тютчев, близко связанный с дворянским словом, в своих письмах клеймил позором николаевскую политику. На смерть Николая I он в дни «траура» написал убийственную эпиграмму: «Не богу служил и

¹ Русская старина, 1901, март, стр. 579—594.

² Русская старина, 1901, март, стр. 591.

³ Соловьев. Записки. Кн-во «Прометей», стр. 117.

не России». Все тридцатилетнее царствование Николая он оценивал как «чудовищную нелепость». «Может быть, никогда еще в истории мира не было подобного явления: огромная, как целый мир, империя принуждена обороняться на таком ограниченном участке и лишена всякой возможности, всяких шансов на действительную диверсию».¹ Россия сможет вернуться «на истинный путь лишь после долгих и суровых испытаний».²

Не менее умеренный в своих политических взглядах сланянофил Юрий Самарин писал о Крымской войне как о «катастрофе», «несчастной войне». «С самого начала Восточной войны,— писал он,— когда еще никто не мог предвидеть ее несчастного исхода, громадные приготовления наших врагов озабочивали людей, понимавших положение России гораздо меньше, чем наше внутреннее неустройство. События оправдали их опасения. Мы сдались не перед внешними силами западного союза, а перед нашим внутренним бессилием».

Самарину в унисон вторил умеренный либерал того времени Чичерин: «В России, после севастопольского разгрома, после бедствий последней войны, старая система управления рушилась сама собою. Стало очевидным, что прежним путем идти невозможно».³

Известный рязанский помещик Кошелев писал о невыгодности крепостного труда, о необходимости отмены крепостного права. «Поражение России,— замечал он,— сноснее для нее и даже полезнее того положения, в котором она находилась в последнее время». Смерть Николая I, по словам того же Кошелева, «многих огорчила», ибо его тридцатилетнее царствова-

¹ Тютчев. Стихотворения, с приложением «Переписки». Гослитиздат, 1935, стр. 318.

² Там же, стр. 319.

³ Герцен. Собр. соч., т. IX, стр. 409.

ние особенно было удушливо с 1848 г. В правящих сферах преобладали худшие представители эксплуататорских классов, которые извергали тупоумные или лицемерные хвалы царю. В «Колоколе» был опубликован «стишок», ходивший в свое время по рукам «петербургского общества»:

Грустно матушке-России,
Грустно юному царю:
Царь покойный гнуть лишь выи
Дворню выучил свою.
Грустно! Думаю я часто
Про отечества отцов:
Незабвенный лет, ведь, на сто
Заготовил дураков.¹

Кавелин, типичный либерал, в письме к Погодину указывал, что «здесь в Петербурге общественное мнение расправляет все более и более крылья. Нельзя и узнать больше этого караван-сарая солдатизма, палок и невежества,— все говорит, все толкует и через это, разумеется, учится».

В таком же духе высказывались вожди славянофилов, правда, не без ссылки на «божественное провидение». Иван Аксаков безапелляционно утверждал, что Севастополь должен был пасть, ибо сделалось более явственным обличение «всей гнили правительственной системы, всех последствий удушающего принципа».²

Другой идеолог славянофилов—Хомяков восклицал: «Важная миновала эпоха, что бы ни было, а будет уж не то», и что «мы дошли до великих бед и срама».³

Наиболее ярко и вместе с тем наиболее резко выразил необходимость перехода крепостной России к реформам и переустройству историк и публицист

¹ Герцен. Собр. соч., т. IX, стр. 353.

² См. И. С. Аксаков в его письмах, т. III, стр. 105—167.

³ Татищев. Александр II. Т. I, стр. 147. СПб. 1903.

М. П. Погодин в своих назидательных «Историко-политических записках», написанных им во время «крымской грозы».

Из факта поражения России Западом Погодин заключал, что ученье — свет, а неученье — тьма. «Нельзя жить в Европе и не участвовать в общем ее движении, не следить за ее изобретениями и открытиями — физическими, механическими, финансовыми, административными, житейскими. Если Австрия и Пруссия могут в день примчать свои войска к границам Польши, то нельзя нам волочиться туда два месяца. Если их штуцера берут теперь на две тысячи шагов, то нельзя довольствоваться нам тульскими ружьями и надеяться на один штык, который и не доходит теперь до своего места назначения. Если их конические пули уходят глубже в тело и производят рану смертельную, то нельзя нам стрелять прежним порохом! Если винт сообщает их кораблям способность двигаться как угодно, то нельзя остаться нам со старыми методами кораблестроения,— механика, химия, физика, астрономия позовут к себе естественные науки; естественные науки приманят математику, высшая математика потребует философии».¹

Крымскую войну Погодин оценивал как крестовый поход и ее назначение видел в возбуждении России, державшей свои таланты под спудом, в принятии деятельного участия в совершенствовании гражданском и человеческом, в учреждении дорог и путей сообщения и в распространении в народе образования, которое никогда не оказывалось столь необходимым, как теперь: «... отсутствие образования никогда не было столь ощутительно и вместе столь чувствительно, как в наше время... над многими нашими генералами смеются сплошь иностранные газеты, а собственные солдаты отзываются вот так: заборник у нас хорош,

¹ Погодин. Собр. соч., т. IV, стр. 218—220.

столбы-то плохи».¹ Погодин клеймит невежество, требует введения ряда реформ, которые улучшили бы тягостное положение в стране, где дарования, по его мнению, «не ободрялись, а унижались».² На поприще словесности,— с особой силой подчеркивает Погодин,— «остались одни голодные псы, способные лаять или лизать».

«Взгляните на наши дворянские выборы, прислушайтесь к разговору наших клубов, собраний, частных обществ. Сердце обливается кровью, когда подумаешь, в каком глубоком, бесчувственном невежестве мы погружаемся, несмотря на некоторый наружный лоск и даже блеск, и какие усилия должно было употреблять правительство для распространения в народе образования».³ Большинство, если не все тогдашние деятели и публицисты правящего класса в своих выступлениях подчеркивали и признавали, что невозможно сохранить в неизменном виде свое господство. Начинались споры, разногласия о способах и мерах к переходу к новым формам господства. В ходе этой борьбы мнений внутри правящего класса неизбежно создавались трещины, в которые прорывалось недовольство и возмущение масс.

* * *

«Крестьяне со своими преувеличенными ожиданиями даже от царских намерений на их счет стали терять терпение при виде медлительного образа действий своих помещиков. Поджоги, начавшиеся в различных губерниях, являются тревожным сигналом, смысл которого вполне ясен. Затем, как известно, в Велико-россии и в прежних польских областях имели место крестьянские восстания, сопровождавшиеся страшными сценами, что заставило помещиков переехать из дере-

¹ Погодин. Собр. соч., т. V, стр. 248.

² Там же.

³ Там же, стр. 248—249.

вень в города, где под защитой стен и гарнизонов они могут не бояться своих возмущившихся рабов».¹

В период Крымской войны царизму фактически приходилось вести другую, отличную от внешней, внутреннюю войну — пресечение, подавление и разгром «крестьянских бунтов». Последние возрастали с особой силой. Громадные расходы на войну, усиление барщины, зверства помещиков — все это не могло не вызвать протеста, ответных действий крепостного крестьянства против помещиков. Под влиянием войны все почти южные губернии были разорены. Возведение военных укреплений, поставка скота, лошадей, подводная и постоянная повинности — все это ложилось на плечи крестьян. Бессарабская область, Херсонская и Таврическая губернии были объявлены на военном положении. Недаром писал великий русский демократ Чернышевский, «что война всегда бывает тяжела мужикам».² От войны крестьянские хозяйства Одесского, Александровского и Бердянского уездов «пришли в совершенное разорение». Неурожайный 1855 г. «останется надолго памятным для южной России не только по тягостям войны... Последствием вредных явлений был повсеместный неурожай на хлеба. В некоторых местностях хлебные посевы были сокращены наполовину и более, местами хозяйство из опасений военных действий было вовсе оставлено».³

Неурожай 1855 г. был почти повсеместным — на юге, в Белоруссии, Польше и Литве. Сильно повысились цены на хлеб. В начале года четверть кукурузы стоила полтора рубля, а в декабре цена поднялась до пяти рублей. Крестьяне голодали. Бескормица вызвала массовый падеж скота. В ряде мест появились очаги

¹ Маркс и Энгельс. Соч., т. XI, ч. I, стр. 531.

² Чернышевский. Рассказ о Крымской войне, по Кинглеку. 1934, стр. 184.

³ Журнал министерства государственных имуществ, т. X, стр. 212.

эпизоотических заболеваний скота. Нужда, бедствия обострились выше обычного уровня. Нищета в деревне и оскудение помещичьих хозяйств усугублялись все увеличивавшимися военными расходами. «Итак, кури горилку, ежели есть запасная солома, и можешь прокормить скотские остовы, питавшиеся иссохшею травой». По деревням война прошла точно черная беда, вырвав тысячи крестьянских жизней. Под влиянием этих факторов крепостное крестьянство требовало от помещиков земли и воли. «Живые ходят быстро, и шаг народных масс, когда они принимаются двигаться, необычайно велик».¹

С 1850 по 1854 г. в империи имело место 141 крестьянское волнение. Крестьянские волнения охватили ряд губерний империи. Сильно воспламенялась ненависть крестьян к помещикам. Манифест от 3 апреля 1854 г. о призыве в морское ополчение вызвал широкую волну крестьянских волнений. В народе с молниеносной быстротой распространились слухи, что поступление в ополчение ведет за собой освобождение от крепостной зависимости. Громадные толпы крестьян из ряда губерний шли в губернские города и даже в Петербург и Москву с целью поступления в ополчение. Это движение охватило десять губерний. В Рязанской, Владимирской, Нижегородской, Пензенской и Новгородской губерниях царское правительство при помощи военной силы подавляло эти «беспорядки». Крестьяне насильно, при помощи военных команд, возвращались на прежние места жительства. Все эти многочисленные, разрозненные, стихийные крестьянские волнения были подавлены, «пресечены мерами должного воздействия».

В 1855 г. это движение вспыхнуло с новой силой. Царский манифест от 24 января 1855 г. о народном ополчении вызвал целую волну крестьянских движе-

¹ Герцен. Собр. соч., т. IX, стр. 4.

ний. Крестьяне Воронежской, Саратовской, Казанской, Пермской, Самарской и Симбирской, особенно Киевской, губерний массами устремлялись в ряды ополчения, в надежде получить долгожданную волю. Эти, как гласит официальное донесение жандармов, «превратные толки о свободе» вызвали массовое движение среди помещичьих крестьян за поступление на военную службу. «Причиной же быстрого увлечения,— читаем в официальном донесении,—был в самих крестьянах образовавшийся и развившийся слух, что они, поступая на службу, будут получать значительное жалование и доставят этим как себе, так и семействам своим, полную свободу».¹

Для водворения «порядка» и усмирения «бунтов» царское правительство посылало вооруженные отряды. В ряд селений Киевской губернии введены были воинские команды, специальные эскадроны. В сел. Малой Березне, Сквирского уезда, сел. Быковой Гребле, Васильковского уезда, и в селах Таганче и Корсуне, Каневского уезда,—имели место крупные столкновения. В расправе над крестьянами принимал участие сам губернатор. Всего для подавления и «усмирения» крестьянских волнений в Киевскую губернию было послано 16 эскадронов кавалерийской дивизии, две роты сапер, резервный батальон и один дивизион² и было убито до 36 крестьян и ранено 57.

Кровавые столкновения между крестьянами и военными командами происходили в Воронежской и Ковенской губерниях. Крестьяне «оборонялись дубинками и камнями, другие стреляли в станового».³ В Нижегородской губернии «татары нескольких деревень отказывались от поставки ратников в ополчение».⁴ Кроме

¹ Центральный архив революции, III отд., 4 эксп., 1855, № 181.

² Великая реформа, т. III, стр. 60.

³ Крестьянское движение в 1827—1869 гг. Под ред. Е. А. Мороховца. Вып. I, стр. 104.

⁴ Там же, стр. 105.

этого, за 1855 г. в жандармских отчетах значилось 26 случаев неповиновения крестьян помещикам, 26 убийств крестьянами помещиков и их управляющих. Со стороны помещиков и их управляющих по отношению к крестьянам отмечено 54 случая «жестокое обращение» и 62 «смертельных наказания».

В 1856 г.,— в год окончания войны,— под влиянием быстро распространявшихся слухов о предстоящем заселении Крыма, крестьянские волнения еще с весны охватили значительную часть центральных губерний, всю Украину, Крым и Белоруссию. Среди крестьян усиленно циркулировали слухи о том, что в Перекопе сидит царь в золотой шапке и всем пришедшим раздает волю. Разоренные войной, доведенные до отчаяния помещиками крестьяне жадно ловили эти фантастические слухи, мечтая тем или иным способом покончить с рабским, крепостным состоянием. Крестьяне толпами шли на юг, в степи, на Кавказ. Движение в «Таврию» приняло массовые размеры. Из двух уездов Екатеринославской губернии число бежавших в Таврию крестьян достигало 9 тысяч. Из Херсонской губернии только за один июнь ушло 3 тысячи человек.

В целях предотвращения этих «опасных волнений» на юг России посланы были специальные воинские части. Из Петербурга для усмирения волнений был послан генерал-майор граф Адлерберг. В результате принятых мер произошло несколько кровавых столкновений. Только по двум губерниям — Екатеринославской и Херсонской — имело место шесть кровавых столкновений. Убито было пять человек, ранено пятьдесят. В других губерниях: Петербургской, Нижегородской, Калужской, Ковенской, Симбирской, Могилевской, Киевской, Черниговской и Самарской — также происходили крестьянские волнения.

Крепостные крестьяне отказывались от работы на помещиков, уходили в леса, бежали на юг. Большое количество крестьян «в безвестной отлучке» отмеча-

лось властями в имении графа Шувалова (Калужская губ.).¹ В августе 1856 г. из Кромского уезда Орловской губернии в Крым бежало до сорока человек — под влиянием слухов «о свободном будто бы переселении в Крым».² Побег крестьян на юг отмечены также в Орловском и Дмитровском уездах.

Отказ крестьян от несения повинностей имел место и в Смоленской губернии. В Рославльском уезде взбунтовавшиеся крестьяне были «наказаны розгами от 5 до 25 ударов... и каждый из них под розгами покорился».³ В том же году зарегистрированы волнения в Гродненской губернии. Помещики желали, чтобы в губернии были расположены на квартирах войска. Крестьяне Юрбургского майората, Росненского уезда (Ковенской губ.) осенью 1856 г. объявили нежелание свое исполнять барщину и просили о перемещении их на оброк.⁴

В 1857 г. по всей империи количество крестьянских волнений достигало 40. Случаи «неповиновения крестьян помещикам» также сильно возросли. В январе 1857 г. напечатан был указ «О порядке совершения записей по увольнению помещиками крестьян в звании государственных, водворенных на собственных землях». Крепостные крестьяне поняли этот указ за объявление всем крестьянам свободы. Волнения крестьян в 1857 г. имели место почти повсюду — от Петербургской губернии до Грузии. В феврале 1857 г. крепостные крестьяне помещицы Пиотровской (Минская губерния) отказались от работы в связи со слухами о «всемиловивейшем манифесте», по которому якобы «дарованы всем сословиям большие льготы, в том

¹ Центральный архив революции, III отд., 4 эксп., 1856, № 244, лл. 4—5.

² Там же, № 192, лл. 4—6.

³ Там же, № 282, лл. 1—3.

⁴ См. Центральный архив революции, III отд., 4 эксп. 1857, № 268.

числе и льготы для крестьян в барщине». В Борисовском уезде более 200 крестьян оказали также неповиновение. Для «исследования» причин этого царскими властями была послана воинская команда.

Крепостные крестьяне Нижегородской губернии, Макарьевского уезда, Костромской губернии, Буйского уезда, жаловались на чрезмерное увеличение помещиками оброка и требовали его уменьшения с 25 рублей серебром до 15 рублей. Для восстановления порядка были посланы воинские команды для принятия быстрых мер.

Крестьяне села Мурмина, Рязанского уезда, летом 1857 г. «возымели намерение отыскивать вольность и в сих видах отправили из среды своей ходаков в Петербург для подачи жалоб».¹ В целях предотвращения крестьянских волнений, «вероятных буйств», из рязанского гарнизона была выделена воинская команда в 200—250 человек на экзекуцию в село Мурмино. При помощи воинских команд усмирены были также волнения крестьян в Симбирской и Саратовской губерниях.

Наиболее крупным крестьянским волнением в 1857 г. было восстание в Мингрелии. Начавшись в мае в селениях Джавари, Хоби, Лия и др., оно охватило почти всю Мингрелию. Восстание возглавлял кузнец Уту Микава. Восставшие были вооружены ружьями, топорами, кинжалами и дубинами. Они требовали земли, отмены крепостного права и уменьшения повинностей. Они жаловались на то, что их грабят все, кому только не лень. Все плоды трудов и всякое их добро вымогаются помещиком, «если не хитростью, то насилием».² Княгиня Дадиани вместе с царскими властями готовилась потопить в крови это «восстание черни, отступив-

¹ Центральный архив революции, III отд., 4 эксп., 1857, № 260, лл. 1—4.

² Бороздин. Мингрелия и Сванетия с 1854 по 1861 г.

шей от должного повиновения своим помещикам и местной власти».¹

В Мингрелию стягивались большие воинские части. Кутаисский губернатор Колюбакин соединил войска с местными дворянскими отрядами и подавил восстание крепостных крестьян. Снова было восстановлено крепостное право, ликвидированы были все остатки самостоятельности Мингрелии — введены строжайшие меры. Очаги этого восстания долго еще тлели в различных частях Мингрелии. Распространившаяся в 1858 г. весть об освобождении довела крестьянское движение в Грузии до «чудовищных размеров».

Весь 1858 г. прошел под знаком нарастания крестьянских волнений, число которых дошло до 86. Случаи неповиновения крестьян помещикам отмечены были во многих губерниях: Рязанской, Орловской, Эстляндской, Тамбовской, Нижегородской, Костромской, Симбирской, Пензенской, Харьковской, Тульской, Саратовской и Петербургской. Формы волнений были самые разнообразные. Слуги царя — жандармы успокаивали царя тем, что «в обширной империи они почти незаметны». Но, вместе с тем, они повторяли, как и в обзоре за 1857 г., «что строгое соблюдение существующего порядка, каков бы он ни был, улучшение состава местных управлений, — в особенности тщательный выбор начальников губерний — и правильное расположение войск должны составлять существенные ручательства за дальнейшее сохранение спокойствия в государстве».¹

По селам и деревням Российской империи циркулировали слухи, что царю никак не удастся отписать крестьян на волю, что на это не соглашаются поме-

¹ Акты Кавказской археологической комиссии, т. XII, стр. 253—254.

² Крестьянское движение в 1827—1869 гг., вып. 1, стр. 125.

щики, так теперь многих позабирали, засадили, кого разжаловали, кого казнить будут и губернаторов многих уличали.

Знаменательный факт: во главе крестьянского движения Эстляндской губернии в 1858 г. «действительно оказалось участие нескольких отпускных матросов».¹

В 1859 г. крестьянские волнения участились, общее число их достигало 90. В значительной части губерний вспыхнули бунты против питейных откупов. «Жители низших сословий, которые, как прежде казалось, не могут существовать без вина, начали добровольно воздерживаться от употребления крепких напитков».²

Вследствие дороговизны вина и ухудшения его качества, крестьяне решили отказаться от употребления вина.³ Питейные «бунты» охватили 12 губерний, в которых было разрушено 220 питейных заведений. Вожаками этих бунтов были мещане, дьячки, бессрочно отпущенные нижние чины, т. е. солдаты, чиновники,— в общем, разночинцы. Разгром питейных заведений сопровождался убийствами помещиков.⁴ Слухи о «вольности», об «освобождении» становились всеобщими. Отношения между помещиками и крепостными были напряжены до предела.

1860 г. ознаменовался невиданным числом крестьянских волнений, которые возросли с 90 в 1859 г. до 108. Крестьянские «бунты» представляли теперь уже опасность весьма серьезную. Вся обстановка революционной ситуации, вся обстановка назревшего революционного кризиса привлекала широкие массы угнетенных классов к выражению своего политического протеста.

¹ Центральный архив революции, III отд., 4 эксп., 1858, № 158 лл. 6—15.

² Крестьянское движение в 1827—1869 гг., вып. 1, стр. 134.

³ Там же, стр. 134.

⁴ Центральный архив революции, III отд., 4 эксп., 1859, № 135.

«Когда было крепостное право,—вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство. Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли».¹

* * *

Этот общенациональный кризис (когда «низы» не хотят старого и когда «верхи» не могут управлять старому), имевший место после окончания Крымской войны, был подмечен современником, разночинцем Шелгуновым в его воспоминаниях: «Как только Крымская война кончилась и вседохнувшим новым, более свободным воздухом, все, что было в России интеллигентного, с крайних верхов и до крайних низов, начало думать, как оно еще прежде никогда не думало. Думать заставил Севастополь и он же пробудил во всех критическую мысль, ставшую всеобщим достоянием. Тут никто ничего не мог ни поделывать, ни изменить. Все стали думать и думать в одном направлении, в направлении свободы, в направлении разработки лучших условий жизни для всех и для каждого».²

В недрах крепостной России «неофициальная Россия», вернее ее революционные элементы расправляли крылья для полета в ожидаемой ими буре. Крестьянский вопрос поднял всех на ноги, все заглушил и поглотил собой. Нет ни палат, ни дома, ни хижины, где бы днем и ночью не думал, не беспокоился, не робел

¹ Ленин. Собр. соч., 3-е изд., т. V, стр. 311.

² Шелгунов. Воспоминания, Госиздат, 1923, стр. 162.

большой и малый владелец. Таково, по словам одного современника, было настроение в России. Начиналась новая полоса в истории России: «В столице шум, гремят витии, бичуя рабство, зло и ложь» (Некрасов).

В сознании забитого и приниженного вековым рабством крепостного крестьянина не могли не бродить революционные мысли. Народ втягивался в движение, приобщался к борьбе. «И если века рабства,— указывал Ленин,— настолько забили и притупили крестьянские массы, что они были не способны во время реформы ни на что, кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже «бунтов», не освещенных никаким политическим сознанием, то были и тогда уже в России революционеры, стоявшие на стороне крестьянства».¹

Во главе этих крайне немногочисленных тогда революционеров стоял Чернышевский, но еще задолго до него в защиту крепостного крестьянства встал Герцен, сыгравший великую роль в подготовке русской революции. Он принадлежал к поколению дворянских революционеров. «В крепостной России 40-х годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени».² Покинув Россию в 1847 г., он, унаследовавший традиции декабристов, поклялся отомстить тем, на чьей стороне были «алтарь и пушки». В 1853 г. он создал за границей большую русскую прессу. Основанная им «Полярная звезда» подняла и развила дальше традиции дворянской революционности. Основанный им же журнал «Колокол» (1857—1867 гг.) встал за освобождение крестьян.

Рабье молчание было нарушено (Ленин). В 1853 г. Герцен в статье «Крещеная собственность» указывал на наличие крепостного права в России как на позор,

¹ Ленин. Собр. соч., 3-е изд., т. XV, стр. 143.

² Ленин. Собр. соч., 3-е изд., т. XV, стр. 464.

язву и безобразие русского быта. Эти черты средневековья и рабства в XIX веке заставляли Герцена краснеть и с поникнувшей головой признаться, что мы ниже всех народов в Европе. Герцен, описывая «художества» дикого русского помещика, с его оскотинившимся лицом, стыдился называть себя русским. Крепостная Россия казалась ему избитой, покрытой синяками, безмолвно лежавшей у ног гнусной реакции. После того как умер «незабвенный» Николай I, Герцен, дворянский революционер (не видевший революционного народа с 1847 г. и не веривший в него), в открытом письме к Александру II писал: «Дайте землю крестьянам,— она и так им принадлежит. Смойте с России позорное пятно крепостного состояния, залечите синие рубцы на спине наших братьев, эти страшные следы презрения к человеку... Торопитесь! Спасите крестьянина от будущих злодейств, спасите его от крови, которую он должен будет пролить!..»¹

Герцен просил царя дать свободу и русскому слову, избавить его от цензурных колодок. «В 1855 и 1857 гг. перед нами,— писал Герцен,— была просыпающаяся Россия. Камень от ее могилы был отвален и свезен в Петропавловскую крепость. Новое время сказалось во всем, в правительстве, в литературе, в обществе, в народе. Много было неловкого, неискренного, смутного, но все чувствовали, что мы тронулись, что пошли и идем». В первом номере «Колокола», издаваемого в Лондоне, Герцен поместил статью «Что сделано для освобождения крепостных людей». В этой статье, как и в предыдущих, Герцен развивал излюбленные мысли об освобождении крепостного сословия. Герцен обвинял царское правительство в том, что оно сквозь шум праздников и охотничьих труб псарей не умеет и не желает расслышать крик народный.

¹ Герцен. Собр. соч., т. VIII. 162.

«Колокол» требовал освобождения слова от цензуры, крестьян — от помещиков, податного сословия — от побоев. Он обращался ко всем соотечественникам с призывом клеймить позором «смешное и преступное», «злонамеренное и невежественное», «отжившее и безобразно-рабское» в России. «Приходится звонить в «Колокол» и сказать этому правительству: «Стыдно! Пора проснуться! Теперь еще время! Ты можешь мирным путем решить вопрос освобождения крепостных. Или правительство уже такое мертвое, что никакая государственная нужда его не разбудит? Если оно неживое, зачем же оно бралось за управление государством?... Или оно думало, что Россию можно спасти без государственной мысли, а только маленьким добродушием, доходящим до потачки государственным ворам? В таком случае оно только позорится перед светом. Пора проснуться! Скоро будет поздно решать вопрос освобождения крепостных мирным путем; мужики решат его по-своему. Реки крови прольются, — и кто будет виноват в этом? Правительство. Россия настрадается, а на правительство история положит клеймо злонамеренности или бездарности, в обоих случаях позорное. Проснись! Работай — не над мертвечиной формалистики, а над живым государственным вопросом. Работай, пока время не ушло. *Vivos voco* («зову живых»)». ¹ Россия, писал он, жаждет внутренних перемен, ей необходимо новое гражданское и экономическое развитие.

В каждом номере «Колокола» Герцен уделял большое внимание крестьянскому вопросу вообще, отмене крепостного права в особенности. Герцен на первый случай выдвигал программу требования гласности и поднимал знамя освобождения крестьян с землей. «Долой барщину и оброк! Дворовых на волю! А с становыми и квартальными мы сделаемся

¹ Герцен. Собр. соч., т. VIII, стр. 542.

потом...»¹ «Освобождение крестьян с землею — один из главнейших и существенных вопросов для России и для нас».²

Ленин указывал, что «Герцен тем более не мог понять буржуазной природы русской революции. Герцен — основоположник «русского» социализма, «народничества». Герцен видел «социализм» в освобождении крестьян с землей, в общинном землевладении и в крестьянской идее «права на землю»... На деле в этом учении Герцена, как и во всем русском народничестве — вплоть до полинявшего народничества теперешних «социалистов-революционеров» — нет ни грана социализма. Это — такая же прекраснодушная фраза, такое же доброе мечтание, облекающее революционность буржуазной крестьянской демократии в России, как и разные формы «социализма 48-го года» на Западе».³

Герцен не был последовательным демократом и неоднократно отступал от демократизма к либерализму. Не один раз по-либеральному апеллировал к «верхам», к царскому правительству, писал бесчисленные слащавые письма в «Колоколе» к Александру II Вешателю. Эти письма, как указывал Ленин, нельзя теперь читать без отвращения. В письме к Александру II от 10 марта 1855 г. Герцен взывал к монаршему любвеобильному сердцу, которое, по его мнению, не имело «угрызений совести»; ожидал от его деятельности «человеческого сердца». Он даже отождествлял знамя своего социализма с «благоденствиями монарха». «Разумеется, моя хоругвь — не ваша: я — неисправимый социалист, вы — самодержавный император; но между вашим знаменем и моим может быть одно общее, именно та любовь к народу,* о которой шла речь».⁴

¹ Герцен. Собр. соч., т. VIII, стр. 289.

² Герцен. Собр. соч., т. IX, стр. 363.

³ Ленин. Собр. соч., 3-е изд., т. XV, стр. 466.

⁴ Герцен. Собр. соч., т. VIII, стр. 161.

С некоторыми изменениями вера в кротость и благие намерения монарха изложена Герценом в письме от 20 сентября 1857 г., но самый глубокий отход от демократизма к либерализму Герцена мы видим в его статье «Через три года», где он выступает в качестве уже панегириста Александра II, опубликовавшего рескрипт на имя генерал-губернатора Вильны, а затем Петербурга, открывавший начало проведения крестьянской реформы.

«Но с того дня, как Александр II подписал первый акт, всенародно высказавший, что он со стороны освобождения крестьян, что он его хочет, с тех пор наше положение к нему изменилось.

Мы имеем дело уже не с случайным преемником Николая, а с мощным деятелем, открывающим новую эру для России, он столько же наследник 14 декабря, как Николая. Он работает с нами для великого будущего.

Имя Александра II отныне принадлежит истории, если б его царствование завтра окончилось, если б он пал под ударами каких-нибудь крамольных олигархов, бунтующих защитников барщины и розог, — все равно. Начало освобождения крестьян сделано им, грядущие поколения этого не забудут!»¹

Это одно из слащавейших писем Герцена начинается и заканчивается приветственной фразой: «Ты победил, Галилеянин!».

Новое поколение революционеров-разночинцев во главе с Чернышевским, шедшее на смену поколению дворянских революционеров (декабристы — Герцен), было более последовательным и боевым отрядом в борьбе против самодержавия и крепостничества. Революционеры-разночинцы, образованные представители либеральной и демократической буржуазии, принадлежавшие не к дворянству, а к чиновничеству, ме-

¹ Герцен. Собр. соч., т. IX, стр. 126.

щанству, купечеству, крестьянству, в лице своих вожаков — Чернышевского, Добролюбова, Серно-Соловьевича — резко критиковали и упрекали Герцена за его отступления от демократизма к либерализму, за его слащавые письма Александру II и либеральные апелляции к «верхам».

Н. Г. Чернышевский, в отличие от Герцена, принадлежал к разночинцам. После окончания саратовской духовной семинарии в 1846 г. Чернышевский поступил в Петербургский университет. Будучи студентом университета, он познакомился с петрашевцем Ханьковым. На формирование мировоззрения Чернышевского большое влияние оказала русская классическая литература и критика, классическая немецкая философия (Гегель, Фейербах) и французский утопический социализм. Чернышевский хорошо знал жизнь русского крестьянства и верил в силы народного возмущения против самодержавия и крепостничества. Сочувствуя французской революции 1848 г., он мечтал о необходимости осуществления в России широкой крестьянской революции.

«Чернышевский, — писал Ленин, — развивший вслед за Герценом народнические взгляды, сделал громадный шаг вперед против Герцена. Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом. От его сочинений веет духом классовой борьбы. Он резко проводил ту линию разоблачений измен либерализма, которая доньше ненавистна кадетам и ликвидаторам. Он был замечательно глубоким критиком капитализма, несмотря на свой утопический социализм».¹

Вскоре после окончания университета он возвращается в свой родной город Саратов. В 1853 г. Чернышевский снова едет в Петербург, знакомится с Некрасовым и сотрудничает в общественном жур-

¹ Ленин. Собр. соч., 3-е изд., т. XVII, стр. 342.

нале «Современник». В «Современнике» Чернышевский поместил целый ряд крупных статей и работ. В них он отстаивал интересы широких народных масс, исходя из необходимости решить «аграрный вопрос», «освобождение крестьян» при помощи народа.

С 1856 г. Чернышевский становится идейным руководителем «Современника», стоит на защите интересов широких крестьянских масс. «Пока не начались реформы, «Современник» отдал свои силы популяризации общих исторических понятий и первоначальных общих идей в области литературы. В это время, когда пахло чем-то освежающим и свободным, — и читатели и писатели только готовились еще для будущего, которое их ждало и было впереди. Это будущее наступило вместе с первыми идеями реформ, и задачами реформ определились и задачи журналистики. Статьи «Современника», с которыми он выступил на разрешение выдвинувшихся вопросов, составляли действительно замечательное и самостоятельное явление. Я перечислю только некоторые из статей Чернышевского, посвященные крестьянскому вопросу. Статья об общинном владении (полемика с «Русской беседой»), статья по поводу книги Гакстгаузена; «О поземельной собственности»; «Критика философских предубеждений против общинного владения», «Экономическая деятельность и законодательство», «Суеверия и правила логики», «Труден ли выкуп земли?», «О необходимости держаться возможно умеренных цифр при определении величины выкупа усадьбы», наконец, перевод политической экономии Стюарта Милля и примечания к нему. Новое содержание беллетристики, в связи с изменениями внутренних и общих условий, определило и характер критики Добролюбова. Это был плотный клубок, в котором все было тесно связано одно с другим и зависело одно от другого. Тут ничего нельзя было ни выпустить, ни прибавить; до того все общественное мышление, какие бы оно ни

принимало формы, было цельно и последовательно логично». ¹

Добролюбов (тоже разночинец, как и его учитель Чернышевский) являлся выдающимся и замечательным литературным критиком. Недаром Маркс сравнивал его с Лессингом и Дидро. Добролюбов вел самостоятельно весь отдел литературы и критики в «Современнике». Этот великий демократ страстно ненавидел произвол и страстно ждал «народного восстания против «внутренних турок» — против самодержавного правительства». ²

Ленин в своих высказываниях о Чернышевском и Добролюбове — этих великих деятелях эпохи падения крепостного права — указывает на их революционную смелость в критике самодержавия, крепостничества и трусливого подлого либерализма. В произведениях этих великих русских демократов Ленин усматривал гениальные провидения и превосходное понимание современной им действительности. Чернышевского и Добролюбова он называл за их веру в народ «историческими оптимистами». Они верили в светлое будущее нашей страны. Они верили в то, что наступит прекрасное будущее у великого русского народа.

Слов нет, — говорил Чернышевский, — путь прогресса тяжел и медлителен, но что же делать, когда он все-таки надежный путь. Обобщая громадный фактический материал из истории человечества, Чернышевский делал гениальные выводы о диалектическом ходе истории.

«Прогресс совершается чрезвычайно медленно, в том нет спора. Но все-таки девять десятых частей того, в чем состоит прогресс, — совершается во время кратких периодов усиленной работы. История движется медленно, но все-таки все свое движение произ-

¹ Шелгунов. Воспоминания, стр. 181.

² Ленин. Собр. соч., 3-е изд., т. IV, стр. 346.

водит скачок за скачком, будто молоденький воробышек, еще не оперившийся для полета. Но не забудьте, что все-таки каждым прыжком он учится прыгать лучше, и не забудьте, что все-таки растет и крепнет и со временем будет прыгать прекрасно, скачок быстро за скачком, без всякой заметной остановки между ними. А еще со временем птичка и совсем оперится и будет легко и плавно летать с веселой песней...».

Чернышевский твердо стоял на посту защитника широких крестьянских масс. Он был революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя через препоны и рогатки цензуры идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение старых властей.

Несмотря на это, он разделял и некоторые ошибочные воззрения. Он, как и Герцен, мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную крестьянскую общину. И в этом видел даже преимущество России перед Европой. Наличие общины в России, по Чернышевскому, облегчит переход к коллективному земледелию. Он считает общину противоядием против болезней Запада. «Мы поступили бы очень нерасчетливо, если бы по нелюбви к патриархальности вздумали отступить от него в такое время, как оно оказывается чрезвычайно пригодным для предохранения нас от страданий, видимых нами на Западе».

В своих многочисленных статьях пятидесятих годов, особенно после заключения Парижского мира, Чернышевский обстоятельно развивал проекты освобождения крестьян и настаивал на предоставлении крестьянам в надел всех земель, которыми они пользовались при «крепостном состоянии», немедленном и неотложном выкупе крестьянских наделов при помощи государства и без отягощения крестьян обременительными платежами и, наконец, требовал сохранения общинного пользования крестьянскими землями. Он как

социалист - утопист домарковского периода считал идеальной формой земельной собственности такую собственность, когда «вся выгода от улучшений и от труда должна принадлежать лицу, трудящемуся и улучшающему. Каждый земледелец должен быть землевладельцем. Первая черта идеала относится к успехам сельского хозяйства, вторая — к национальному благосостоянию. Чем полнее осуществляются они в действительности, тем, при равных условиях, быстрее успехи сельского хозяйства и национального благосостояния».¹

Чернышевский активно боролся за то, чтобы немедленно были ликвидированы обязательные земельные отношения между помещиком и крепостными. Крепостное право, — указывал он, — так противно здравому экономическому расчету, что приводит к цифрам, решительно несогласным одна с другою. Он опровергал эти цифры целым рядом экономических расчетов. Крепостное право, по оценке Чернышевского, — «это истинное подобие решета, в прорехи которого вытекает решительно вся ценность, находящаяся в нем». Чернышевский считал, что крепостное право обанкротилось в Крымской войне и что оно «несовместимо с высокою степенью цивилизации». Отсутствие умственного развития в народе, упадок его энергии, крепостное состояние, недостаток оборотного капитала, неразвитость торговли и промышленности, плохое состояние путей сообщения, слабое развитие городов, незначительная степень плотности — все эти причины, по мнению Чернышевского, приводили Россию к еще большей отсталости в сравнении с европейскими «цивилизованными странами». Он как «сын родины» хотел увидеть русский народ освобожденным от цепей крепостного рабства. И это освобождение он мыслил при помощи самого народа, если не счи-

¹ «О поземельной собственности». Современник, 1857, кн. XI.

тать его попытки решить этот вопрос «мирным путем», имевшей место в статье «О новых условиях сельского быта», с эпитафией по адресу Александра II: «Возлюбил еси правду и возненавидел еси беззаконие, сего ради помазал тя бог твой».¹

«Высочайшие» рескрипты от 20 ноября, 5 и 24 декабря 1857 г. он склонен был расценивать как «великое и благотворное преобразование всемирно-исторического значения», как момент, с которого якобы началась «новая жизнь» — «прекрасная», «блистательная и счастливая». «Одно дело уничтожения крепостного права благословляет времена Александра II славою, высочайшею в мире».²

Но Чернышевский очень скоро понял ошибочность этих надежд и последовательно проводил в своих последующих статьях критику либералов, которые расхваливали и приукрашивали реформистские рескрипты Александра II.

Чернышевский, являясь преданнейшим революционным борцом против крепостничества, всецело стоял на стороне крестьянских масс, требуя передачи помещичьей земли крестьянам без выкупа. В статье по крестьянскому вопросу он требовал революционного решения аграрного вопроса: «Вся земля мужицкая, выкупа никакого. Убирайся, помещики, пока живы».³ Еще раньше, в 1859 г., в письме к Герцену Чернышевский вместе с Добролюбовым писал:

«Наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора, не поможет. И пусть ваш «Колокол» благовестит не к молебну, а звонит в набат. К топору зовите Русь!»⁴

¹ См. Современник, 1858, февраль.

² Чернышевский. Собр. соч., т. IV, стр. 53—54.

³ Чернышевский. Литературное наследие, т. II (Письмо русского человека в «Колоколе»).

⁴ Там же.

Повсеместное возбуждение и бунты крестьян нарастали зловещей новью, как тогда говорил известный историк крестьянства Семевский,¹ «пугачевщиной» над дворянской Россией. Отправка воинских частей на усмирение крестьянских восстаний не могла предотвратить этой «весьма серьезной опасности», которая грозила превратиться в общий революционный взрыв «мужицкого бунта» под руководством нового поколения революционеров-разночинцев, во главе которого стоял один из гениальнейших деятелей того времени — Н. Г. Чернышевский.

В Российской империи, — писал Маркс, — «под ногами накопился горючий материал, который, при сильном ветре с запада, может внезапно воспламениться».² В условиях этой непосредственно-революционной ситуации царское самодержавие металось между государственной необходимостью и практической целесообразностью, между страхом перед дворянством и страхом перед разъяренными крестьянами. Царское самодержавие одновременно проводило политику, в которой пушистый лисий хвост прикрывал «волчью пасть». Ленин писал, что эта полицейско-реакционная тактика была долгое время в ходу у самодержавия и что она была результатом длительной «исторической выучки». Члены правящей клики, придворная камарилья и армия чиновных пиявок во главе с царем тщательно разрабатывали душистые (но загаженные) «либеральные проекты», «обещания», «свободы», заботясь при этом не столько об их осуществлении, сколько о максимальном, выражаясь языком Салтыкова-Щедрина, их «умертвии», удушении в затхлом и пыльном полицейском футляре.

¹ Семевский. Крестьянский вопрос в России. СПб. 1858, т. II, стр. 571.

² Маркс и Энгельс. Соч., т. XI, ч. 1, стр. 397.

«В общем и целом несомненно, что коллективный опыт и коллективный разум правящих заставлял их неуклонно преследовать эту тактику. Недаром же большинство вельмож и сановников прошло длинный курс николаевской службы и полицейской выучки, прошло, можно сказать, огонь и воду и медные трубы. Они помнили, как монархи то заигрывали с либерализмом, то являлись палачами Радищевых и «спускали» на верноподданных Аракчеевых; они помнили 14-ое декабря 1825 г. и проделывали ту функцию европейской жандармерии, которую (функцию) исполнило русское правительство в 1848—49 годах. Исторический опыт самодержавия не только заставлял правительство следовать тактике запугивания и развращения, но и многих независимых либералов побуждал рекомендовать правительству эту тактику».¹

Видя повсеместные волнения крепостных крестьян внутри страны и опасаясь воспламенения этого горючего материала, самодержавие манифестом от 18/30 марта 1856 г. на полуствор открыло окно из спертой душливой атмосферы рушившегося, обветшалого здания великодержавной Российской империи.

«При помощи небесного промысла, всегда благодеющего России, да утверждается и совершенствуется ее внутреннее благоустройство, правда и милость да царствует в судах ее, да развивается повсюду и с новой силой стремление к просвещению и всякой полезной деятельности и каждый под сенью законов, для всех справедливых, всем равно покровительствующих, да наслаждается в мире плодом трудов невинных».²

Самодержавие всячески прикрывало «всевластие и безответственность» худших представителей господ-

¹ Ленин. Собр. соч., 3-е изд., т. IV, стр. 127.

² Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе, т. XXXI, отдел. первое. СПб. 1856.

ствующих классов политикой «лисьего хвоста», заигрывало с либералами, в которых тогда не было недостатка. Как из рога изобилия, сыпались «высочайшие милости» и «облегчения». В августе 1856 г. были амнистированы декабристы и участники польского восстания 1830/1831 г. В том же году были упразднены «военные поселения» — «неказистый фундамент аракчеевщины». После каждого сколько-нибудь значительного всплеска грозной волны крестьянских движений самодержавие в виде уступки, как подачку, выпускало то «указы», то «высочайшие повеления», рескрипты об «улучшении положения крепостного крестьянства».

«Неумолимая строгость цензуры, — замечает в своих мемуарах Антонович, — несколько ослабела; цензоры стали снисходительнее и позволяли то, что прежде воспрещалось; явилась возможность в печати того, что прежде было невозможно. И в самом деле случилось то, чего прежде никто и никак не мог ожидать. Дозволено было напечатать и выпустить в свет сочинения Пушкина... Другим прогнозом грядущего освобождения печати был еще один факт, повидимому, столь же курьезный и незначительный, как указанный выше, но по тогдашним временам важный и знаменательный. Фамилия нашего гениального критика Белинского была тогда строго воспрещена в печати и цензора непременно зачеркивали ее в представляемых рукописях или корректурах. В Москве признано было не только имя Белинского, но даже дозволено было печатать и выпускать в свет его сочинения».¹

Либералы восторгались свободой печати. Превозносили «мудрость» Александра II. Постройка железных дорог, возникновение разных акционерных компаний, частных банков провозглашались как знамения «прекрасного времени», «всеобщего прогресса», обя-

¹ Шестидесятые годы в воспоминаниях М. А. Антоновича и Г. З. Елисеева, 1933, стр. 51.

занных монаршей воле. Постепенно установился обычай восхвалять «настоящее время» по всякому поводу и при всяком случае. Выработалась трафаретная хвалебная формула, служившая неизменным предисловием и началом всякой публицистической статьи, какова бы ни была ее тема. Антонович в своих воспоминаниях приводит ряд подобных трафаретов: «В настоящее время, время прогресса, когда мы созрели, когда процветает гласность... когда поднято столько общественных вопросов... когда литература преследует и обличает, карает и вырывает с корнем всякое зло...» «В настоящее время, когда общество получило нравственный толчок и усилило умственную деятельность, ...воспрянув от сна, закипело...» «В настоящее время, когда положено прочное основание многим общественным реформам, новым благотворным нововведениям, когда заговорили о магистратуре и адвокатуре, когда высказано несколько сильных слов о преобразовании полиции...».

В 1857 г. число существующих газет уже возросло до 180, а в 1859 г. был объявлен выход еще 109 новых.

Пробудившаяся Россия устремилась на всех парах вперед — к свободе. Великий русский народ шел к ней широкой дорогой, «несмотря на все черепки и битые бутылки вроде Панина, Орлова, Муравьева, оставленные у нее под ногами упрямством и небрежностью шоссейного зрителя, несмотря на дворянские комитетские лужи и бакалдины, и на ложные маяки доктринеров».¹

Смелое движение разночинцев расширило и укрепило революционную агитацию. Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. Крестьянские движения охватили почти большинство губерний империи. Революционная ситуация переступила порог револю-

¹ Герцен. Собр. соч., т. X, стр. 3.

ции, которая не осуществилась тогда в России потому, что не было еще пролетариата, единственного до конца революционного класса, способного на революционные массовые действия «достаточно сильные, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов не «упадет», если его не «уронят».¹ В результате этого в тогдашней России получилась не революция, а крестьянская реформа. «Царское правительство, ослабленное военным поражением во время Крымской кампании и запуганное крестьянскими «бунтами» против помещиков, оказалось вынужденным отменить в 1861 году крепостное право».²

¹ Ленин. Собр. соч., 3-е изд., т. XVIII, стр. 245.

² История ВКП(б), стр. 5.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение : : : :	3
Глава первая	6
Глава вторая	33
Глава третья	52
Глава четвертая	122

Технический редактор *И. П. Погешулин*

Корректор *А. С. Шамбан*

Сдано в набор 5/VI 1939 г. Подписано к печати 5/VIII 1939 г. Формат 70×108^{1/32}.
Объем 5 п. л., 2^{1/2} бум. л. 2 вклейки. В 1 п. л. 58.000 тип. зн. Тираж 5.000 экз.
Уполном. Главлита А-17429 РИСО № 1086. АНИ № 1385. Заказ 667.

Цена 3 руб., переплет 1 руб.

Типография „Путь Октября,“ Москва.